

Наследие

Сергей Тармашев

Наследие

«АСТ»

2010

Тармашев С. С.

Наследие / С. С. Тармашев — «АСТ», 2010 — (Наследие)

ISBN 978-5-17-068968-2

Чудовищная генетическая катастрофа захлестнула мир, в считанные годы погрузив цивилизацию в пучину хаоса. Под воздействием трансгенов Земля быстро превращается в ядовитую бесплодную пустыню. Последние клочки почвы заняты токсичными сорняками, некогда чистый воздух наполнен смертельно опасной пылью и канцерогенами, миллиарды людей превратились в уродливых инвалидов. На исходе третьего века черной летописи человечества мало кто верит, что миф, предрекший гибель всего живого, оставил реальный шанс на спасение. Русский ученый делает гениальное открытие: монастырское надгробие в Москве и таинственная могила в окрестностях Лос-Анджелеса скрывают артефакты, которые помогут найти драгоценное «Наследие». Собрав остатки техники, топлива и оружия, люди снаряжают экспедицию. Их миссия невыполнима: окружающая среда заражена, опасные земные твари всегда голодны, а мутанты яростно мстят тем, кто еще сохранил свой генотип «чистым». Кому достанутся драгоценные артефакты? Сумеет ли человечество использовать свой последний шанс? Об этом — в новом захватывающем романе Сергея Тармашева. Борьба за будущее продолжается!

ISBN 978-5-17-068968-2

© Тармашев С. С., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

От автора	5
Пролог	6
Часть первая	35
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Сергей Тармашев

Наследие

От автора

Дорогие читатели! Прежде чем вы познакомитесь с этой книгой, я бы хотел сказать о ней несколько слов. Первая ее часть может показаться перегруженной сложными научными данными. Однако я все же рекомендую отнестись к этим сведениям со всей серьезностью. Они достоверны и основываются на работах многих современных ученых – генетиков, биологов, вирусологов. Таково действительное положение дел в мире, и если мы не предпримем ничего, чтобы его изменить, фантастическая история второй и третьей частей может стать для наших потомков черной реальностью. Я посчитаю свой труд, и труд всех тех, кто помогал мне в сборе материалов для этой книги, не напрасным, если вы наберетесь терпения «пробиться» через научную аргументацию, не раздраженно ожидая ее завершения, но вдумчиво разобравшись в изложенных фактах.

Для удобства восприятия все величины в этой книге приведены в единой метрической системе, в том числе и в тех землях, где она традиционно не используется. Не стоит считать это ошибкой.

Автор благодарит за экспертные консультации и предоставленные материалы следующих научных специалистов:

президента Общественной Ассоциации генетической безопасности (ОАГБ), кандидата биологических наук Баранова Александра Сергеевича;

заслуженного работника культуры Российской Федерации, профессора МГУ имени М. В. Ломоносова, доктора географических наук Горкина Александра Павловича;

председателя совета директоров ЗАО «ОКЕАН-БАНК», кандидата экономических наук Гранкина Владимира Владимировича;

директора московского представительства компании NAC INTERNATIONAL Синева Андрея Николаевича;

доцента кафедры периодической печати факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидата филологических наук Зеленину Елену Васильевну.

Автор выражает глубокое уважение всем российским ученым, самоотверженно продвигающим отечественную науку в условиях жалкого финансирования, не поддающимся соблазну обменять свою честь и безопасность страны на щедрый ливень зарубежных грантов и премий.

Пролог

*Угличский Центр Сохранения Генетических Ресурсов,
200 км от Москвы, 23 ноября 2267 года,
11 часов 25 минут по времени Волжского Каскада*

Седой человек в застиранном белом халате вздрогнул, словно пораженный электрическим разрядом, и замер, глядя на исцарапанный экран ноутбука. Электронная машина явно была долгожителем, ее внешняя крышка уже давно потеряла остатки краски, обнажив пластиковую поверхность, надколотую в нескольких местах. Для надежности на повреждения когда-то наклеили полоски широкого скотча, но под действием времени его края ссохлись, отлепились и закрутились в тоненькие трубочки, создавая сходство с берестой. При этом сей «берестяной» девайс ничем не выделялся на фоне интерьера знававшего лучшие времена тесного кабинета.

Грубые, наскоро выкрашенные серой краской стены, заставленные стеллажами с ворохом изрядно потрепанных книг, всевозможных бумаг и рваных картонных коробок, были практически не видны в тусклом освещении. Посреди грязного потолка, небрежно побеленного когда-то очень давно, а сейчас густо покрытого трещинами, одиноко торчал железный крюк, некогда предназначавшийся для крепления потолочной люстры. Скорее всего, таковая имела в этом кабинете много лет назад, сейчас же ее место занимал кое-как привязанный к крюку прямо за электропровода обычный электрический патрон, в который был вкручен скудный источник света – мутная лампочка сорока ватт. В борьбе с мраком за господство над пространством кабинета сие потолочное светило безнадежно проигрывало. Тусклый свет почти не достигал обшарпанного пола, покрытого ныне затертым донельзя, но когда-то роскошным дубовым паркетом. Пара заваленных различным хламом видавших виды столов, ютившихся в разрывах облепивших стены стеллажей, вкуче со сломанным креслом завершали общую картину убогого внутреннего убранства.

Хозяин кабинета еще несколько секунд не отрывал взгляда от монитора, усыпанного открытыми окнами файлов, затем поднял очки на лоб и машинально потер переносицу пальцем.

– Я нашел ее! – самодовольно заявил он самому себе. – Никто не верил, никто! – Он победно усмехнулся. – А я нашел. Профаны! Ха!

Он вскочил со старенького стула, от чего тот жалобно заскрипел, и решительно направился к двери. Рядом с ней в темном углу обнаружился одежный шкаф, дверцы которого, судя по всему, давным-давно канули в Лету. Старик бережно снял истертый от времени белый халат и аккуратно повесил его на отдельную вешалку, особняком висящую в дальнем углу шкафа. После чего извлек из его темных дебрей огромных размеров бараний тулуп и принялся с кряхтением натягивать его, непрерывно бубня что-то себе под нос. Судя по вырывающимся из общего потока фраз возгласам: «Невежды!», «Профаны!» и «Они не верили мне! Как это типично!», старик адресовал свою обличительную речь неким давним оппонентам. Наконец, когда тулуп был побежден, к нему добавился такой же огромный толстый шарф и не менее огромная ушанка. Маленькая тщедушная фигурка, закутанная в тулуп, обмотанная шарфом в несколько витков и увенчанная шапкой с нелепо торчащими в разные стороны ушами, представляла собой крайне комичное зрелище.

Человек неуклюже подошел к столу и выдернул шнур питания из гнезда ноутбука. Тот жалобно пискнул предупреждающим сигналом, и на панели тотчас мигнул индикатор разряженной батареи. Старик сокрушенно покачал головой, аккумулятор давно уже не держал заряд, но заменить его возможности не было, а отдать в починку означало остаться без ноутбука, что было для старого ученого смерти подобно. Он осторожно закрыл ноутбук и засунул его за

пазуху. Затем, окинув утопающий в сумраке кабинет победным взглядом, выдвинулся в коридор.

Узкий коридор был прямым и поистине бесконечным. Стены его через каждые несколько метров перемежались стандартными дверьми, а потолок – тусклыми осветительными плафонами. Откуда-то из-под потолка доносился монотонный гул насосов, закачивающих воздух из фильтровальных установок в вентиляционную систему. Каждые двадцать пять метров коридор разделяли вертикальные шлюзовые затворы, в отсутствие тревожного положения всегда открытые. Все это в совокупности, по мнению ученого, напоминало электричку времен XX века, только без пассажирских сидений. По крайней мере, именно так он себе ее представлял.

Коридор был практически безлюден, лишь один раз ему навстречу попался человек, закутанный в точно такие же необъятные зимние одежды. Оба, не сбавляя шага, кивнули друг другу, даже не попытавшись встретиться взглядами. Преодолев метров сто коридора, старый ученый, тяжело дыша, уперся в бронеплиту выходного шлюза. Сидящий за толстым бронестеклом наблюдательного окна охранник лениво потянулся к пульту управления и ткнул пальцем в кнопку. Зажужжали сервоприводы, и дверной створ неторопливо полез вверх.

– Мне нужно срочно увидеть Президента! – старик, не дожидаясь полного открытия двери, неуклюже скрючился и прошмыгнул в открывшийся проход.

– Добрый день, господин профессор! – шепеляво захрипели изношенные динамики, укрепленные под потолком. – Я не могу выпустить вас наружу.

Профессор ошеломленно воззрился на дородного мужчину в униформе. Тот весело улыбался ученому через окно, выполненное в боковой стене шлюза, за которой располагалось помещение охраны.

– Что вы этим хотите сказать, милостивый государь?! – негодуя воскликнул профессор. – Это дело государственной важности! Немедленно отворяйте!

– Не имею права! – все так же весело улыбался охранник.

– Да как вы смеете! – возмутился старик. – Я сделал столь важное открытие, что я не имею права вести его обсуждение никоим образом, кроме личного доклада! Сию же секунду отворяйте дверь! Мое открытие не просто важно, оно сверхважно!

– Бронежилет для почтовых голубей? – Охранник сделал круглые глаза.

– Что?! – Профессор задохнулся от возмущения. – Молодой человек! Вы так же далеки от науки, как наука от вас! Между прочим, тот проект имел глубокий смысл, но я не собираюсь вступать с вами в дискуссию! Немедленно отворяйте, либо я напишу на вас жалобу вышестоящему начальству, нет, лично Президенту! – грозно сверкнул глазами старик.

– Не имею права, – обреченно вздохнул охранник. – Не имею права выпустить вас наружу, дорогой профессор, в лабораторных тапочках. Такова инструкция. Там, кстати, минус тридцать семь. За Периметром пурга метет третьи сутки.

Ученый приподнял полы тулупа и обреченно устоял на свои ноги, обутые в разношенные матерчатые туфли.

– Вот незадача... – поник старик, представив путь до своего кабинета и обратно. Добравшись до шлюза, он изрядно взмок и порядком обессилел, и поэтому перспектива преодоления этой дистанции еще дважды полностью выбила его из колеи.

Штурвал кремальерного затвора провернулся, открывая вход в помещение охраны, и на пороге появился охранник с парой огромных валенок в руке.

– Вот, наденьте мои, профессор! – сжалился над стариком человек в униформе. – Только при одном условии. – Он вновь весело улыбнулся, глядя на нелепую фигурку, утопающую в тулупе. – Пообещайте обязательно вернуть до конца смены!

– Что вы! – воскликнул профессор, обретая второе дыхание. – Разумеется! Верну в целостности и сохранности! Премного вам благодарен! Вы прямо-таки мой спаситель!

Старик засуетился, пытаясь влезть в безразмерные валенки, что в его наряде сделать было не так-то просто. В конце концов, охранник, покачав головой, подошел к ученому и, присев на одно колено, обул его, словно ребенка.

– Вот так-то лучше! – одобрительно пробурчал здоровяк, окидывая отеческим взглядом ученого. – Теперь я могу выпустить вас со спокойной совестью.

Профессор забормотал слова благодарности, но охранник уже скрылся за мощной дверью и спустя пару секунд появился в окне за пультовым столом. Он коротко махнул старику рукой, давая понять, что процесс шлюзования начался.

На улице действительно было очень холодно. Едва профессор ступил наружу, как открытые нос и щеки доложили ему, что охранник не преувеличивал. Ледяной воздух зацепил слизистые оболочки носовых пазух, и профессор привычно перешел на неглубокое дыхание. Он остановился, задрал голову, разглядывая поверхность Периметра, видневшуюся над верхними этажами гермокорпусов, и прислушался. Периметр неровно гудел под порывами бьющего в него снаружи ветра. Масштабная пирамидальная конструкция из стального каркаса и полупрозрачного полимера, подобно крыше деревенской избы из давно ушедших в небытие веков, накрывала собой площадь в двадцать пять квадратных километров. Она опиралась на мощные железобетонные стены и подпиралась в свою очередь настоящим лесом высотных корпусов, верхние плоскости которых служили основанием для крепления могучих подпорок. Спасение людей от смертельно опасной внешней среды и одновременно предмет их неустанных забот. Тридцать тысяч человек, штат ОКЦП, отдела контроля за целостностью Периметра, денно и нощно следили за его состоянием вот уже двести лет. Кстати, а ведь согласно архивам, сто пятьдесят лет назад полимерные пластины внешнего слоя Периметра еще были совершенно прозрачными и даже не преломляли солнечных лучей, вспомнил старик. Но теперь изодранная многими десятилетиями ветров, словно наждаком, некогда идеально гладкая поверхность исцарапалась, полностью потеряла былую шлифовку и приобрела грязно-желтый оттенок.

Из-за сильной пурги солнечного пятна видно не было, и поэтому казалось, что мутная поверхность Периметра сама излучает свет. Старик попытался разглядеть, как на двадцатиметровой высоте ветер играет снежинками, гоняя их по наклонным поверхностям Периметра, но не смог и с грустью вспомнил, как в детстве в солнечные дни ему это удавалось. Он вздохнул, и холодный воздух, наполнив легкие, мгновенно вывел его из раздумий. Сейчас внутри Периметра даже холоднее, чем снаружи, стальные балки конструкций и железобетонные стены Периметра Центра Сохранения Генетических Ресурсов буквально раскалились от холода под действием ледяного ветра. Если так пойдет и дальше, то спустя пару дней внутри Периметра шкала термометра упадет ниже отметки в сорок градусов. Хоть Центр и выстроили возле ГЭС, отапливать полмиллиарда кубометров пространства было непозволительной роскошью. Как и охлаждать, если бы Периметр располагался в жарких широтах. Конструкция ЦСГР концерна «Сёрвайвинг Корпорэйшн» была стандартной по всему миру: квадрат пять на пять километров, обнесенный мощной железобетонной стеной двухметровой толщины в десять метров высотой, накрытый двухслойной прозрачной крышей, форма которой зависела от модификации. Внутри Периметра в строгом геометрическом порядке параллельно друг другу располагались цепочки герметических корпусов, разделенных между собой улицами и редкими перекрестками. Семь этажей под землей и от двух до пяти этажей над ней, в зависимости от удаленности от стен Периметра. Снаружи Периметр опоясывал так называемый «военизированный пояс», в просторечии ВП, – фортификационные сооружения, отвечающие за безопасность ЦСГР и отслеживающие зону отчуждения километровой ширины. Вот и вся география больших консервных банок, рассчитанных на один миллион человек каждая и призванных сохранить остатки человеческого генофонда до судного дня. Если, конечно, они исхитрятся до него дожить, прости невежественных внуков своих, Шаро Предрекшая!

Старик поежился и торопливо засеменил в сторону административного гермокорпуса. Протопать по лютному холоду предстояло почти километр. Опять же, если верить архивам, изначально по улицам ходил общественный транспорт, но когда сто лет назад численность населения упала до отметки в шестьсот тысяч человек, содержание его стало настолько убыточным, что администрация Угличского ЦСГР приняла решение о расформировании Отдела Общественного Транспорта и демонтаже его активов. Все пошло на запчасти. Что уж теперь-то говорить, когда в Центре и полумиллиона не осталось. Персональный транспорт положен только офицерскому составу, а об общественном помнят только легенды. Профессор остановился и перевел дух. Эх, а ведь когда-то он преодолевал вдвое большее расстояние от дома до выходного шлюза Периметра играючи. Годы, годы... Годы уже не те, и силы уже не те. Кому есть дело до мучений страдальца, сгибающегося под грузом прожитых лет, но спешащего открыть человечеству тайну его спасения? А ведь могли бы и оценить беспрецедентную важность его исследований, благодаря которым теперь у планеты появился шанс. Так ведь мало того, что не оценили, так еще и посмеивались втихомолку, называя за спиной псевдочученым. И кто в результате оказался прав? Мысль о долгожданной победе придала ученому сил, и профессор припустил дальше с удвоенной скоростью.

Как и следовало ожидать, в такой мороз на улицах было немногочленно, и в этом был свой плюс. Не придется стоять в очереди перед входом в административный гермокорпус. Когда старик наконец-то достиг ближайшего шлюза, он уже окончательно выбился из сил. Ученый подошел к видеорегистрационной панели входа и нажал кнопку вызова, но так и не смог произнести ни слова. Несколько секунд он пытался восстановить дыхание. К счастью, кто-то из операторов систем видеонаблюдения узнал его, и на этот раз все обошлось без формальностей. В теплых помещениях гермокорпуса настроение старика значительно улучшилось, и в приемную Президента Угличского ЦСГР он вошел, будучи настроенным весьма решительно. Профессор хотел произвести серьезное впечатление на новую помощницу Президента, слухи о которой вот уже вторую неделю разносились по Центру.

– Здравствуйте, господин профессор! – Новая помощница Президента встретила его радушной улыбкой. – Чем могу помочь?

– Здравствуйте, Сашенька. Мне нужна срочная аудиенция! Это дело государственной важности, совершенно не терпящее отлагательств! – строго заявил профессор, поднимая вверх указательный палец, дабы подчеркнуть всю важность момента, и торопливо добавил: – Позволю себе напомнить вам, что у меня есть личное разрешение Президента на внеочередную аудиенцию, если обсуждаемое дело подпадает под классификацию «государственная тайна». Это определено его личной резолюцией на моем заявлении от двенадцатого июня 2259 года под входящим номером...

– Конечно-конечно, господин профессор! – Сашенька была сама доброта. – Я осведомлена о ваших полномочиях! Не волнуйтесь, господин Президент сейчас проводит сеанс связи с Заволжским ЦСГР, и, как только он освободится, я немедленно доложу ему о вашем визите. Давайте, я вам помогу!

Она вышла из-за стола и принялась помогать ученому снимать зимнее облачение, справиться с которым профессору никак не удавалось. Он уже извлек из дебрей тулупа свой ноутбук и теперь крепко прижимал его к груди, безуспешно пытаясь одной рукой размотать шарф. Сашенька ловко извлекла седого ученого из вороха ушанок-шарфов-тулупов и усадила в гостевое кресло.

– Присаживайтесь, господин профессор! – Она сноровисто поместила профессорскую экипировку на вешалку. – Не желаете чая? На улице просто ужас что творится, такой холод!

– Не откажусь, – профессор поспешил сменить официальный тон на миролюбивый, – признаться, я изрядно замерз по дороге сюда...

– Одну секундочку! – Сашенька упорхнула в хозяйственную комнатку и тут же выглянула оттуда: – Вам с подсластителем?

– Разве еще есть лимит? – удивился профессор.

– Сегодня же холодно! – Сашенька вновь сверкнула улыбкой. – Посетителей было немного! Так я добавляю?

– Сделайте милость, голубушка, побалуйте старика, – ученый заерзал в кресле, устраиваясь поудобнее.

Новая помощница Президента оказалась весьма милой девушкой, доброй и обаятельной. Впрочем, прежняя на первых порах тоже была сама кротость. Но так как должность помощницы Президента всегда совпадала с ролью его любовницы, все они довольно быстро осваивали привилегированное положение и столь же быстро входили во вкус. А по завершении данной метаморфозы житья от них не было никакого. Профессор напряг память, вспоминая всех женщин, которых ему довелось видеть сидящими за секретарским столом за свою долгую службу в научном аппарате Президента Угличского ЦСГР, и вынужден был признать, что почти никто из них не предлагал ему чая, и уж точно никто не тратил на это строго лимитированный подсластитель. И судя по скорости увеличения в размерах их «седалищного нерва», профессор небезосновательно делал вывод об истинных причинах «вечной скудности» суточного продовольственного лимита, выделяемого канцелярии Президента на нужды официального этикета.

– Вот, угощайтесь на здоровье! – Сашенька подала ему на подносе большую дымящуюся кружку.

Помимо нее на подносе стояла небольшая вазочка из ажурного хрусталя, в которой лежал предмет, слишком сильно похожий на настоящий сладкий пряник. Профессор поморгал глазами. Пряник не исчезал. Тогда он позволил себе податься поближе к подносу и прищурился, напрягая ослабевшее с годами зрение. Пряник был абсолютно реален.

– Эмм... – Профессор никак не ожидал такого роскошного приема. – Сашенька, голубушка, вы меня ни с кем не спутали? – Он постарался произнести эту фразу как можно более осторожно.

– Ну что вы! – сверкнула зелеными глазами девушка. – Как можно! Вы – профессор Синицын Николай Федорович, наш главный историк и географ, я вас прекрасно помню, вы даже принимали у меня экзамен по истории четыре года назад.

Старик вгляделся в ее лицо, напрягая память, но так и не смог вспомнить. Уж больно много у нынешней молодежи схожих черт лица, слишком велик инбридинг в рамках небольших популяций, столетиями живущих обособленно друг от друга. Проводящийся обмен генетическими материалами между Центрами лишь немного замедлял этот процесс. За свою жизнь Синицын имел возможность пронаблюдать, как население Центра в силу демографических причин сократилось на сто тысяч...

– И что поставил? – автоматически осведомился профессор, протягивая руку к заветному прянику.

Последний раз откусать пряника ему доводилось лет десять назад, когда его возраст еще позволял находиться в списках неограниченно трудоспособного населения и соответственно иметь стандартный продовольственный паек.

– Двойку! – хихикнула Сашенька.

Старческая рука замерла на полпути к прянику.

– Да вы не волнуйтесь! – беззаботно заявила помощница Президента. – Я сама была виновата, не готовилась совсем. Вы потом заболели, и я пересдавала Елене Георгиевне.

Сашенька поставила поднос на столик у кресла и упорхнула к своему рабочему месту, продолжая что-то щебетать о том, что география была явно не ее стихией, зато литература всегда была ей по душе. Слушая ее вполуха, профессор принялся за пряник и сладкий чай. Горячая жидкость разлила внутри приятное тепло, и старик почувствовал, как затихает гул

в натруженных ходьбой ногах. Да пошлет этой милой девушке счастья Шаро Предрекшая! И заодно пусть проследит, чтобы ее не испортило высокое положение. Впервые старик испытывал искреннюю симпатию к помощнику Президента.

Профессор неторопливо оглядывал президентскую приемную. Бывать здесь ему доводилось нечасто, а не отстояв долгую запись, и вовсе никогда. Помещение еще хранило следы былого великолепия. Массивная деревянная мебель, витиеватые люстры ручной ковки, декоративные панели, скрывающие радиаторы отопления. Идеально ровные стены и потолок, покрытые краской без малейшего следа трещин, чисто отмытые, без единой пылинки. Тут даже воздух другой, свежий и бодрящий, сразу чувствуется, что на это помещение работает отдельная фильтровентиляционная установка. Да, государственный аппарат как-никак, высший эшелон власти.

На секретарском пульте звякнул колокольчик, и Сашенька скрылась за огромной дверью из настоящего дерева. Спустя пару минут она вернулась и сообщила:

– Проходите, господин профессор. Господин Президент ждет вас.

Ученый торопливо поднялся с кресла, неуклюже поправил на себе затертый пиджак, отчего его внешний вид только пострадал, и, бережно сжимая старенький ноутбук, решительно шагнул в двери президентского кабинета.

– И все же, уважаемый профессор, вы уверены, что ошибки быть не может? – В голосе Президента явно слышалось недоверие. – Ведь подобные открытия за последние двести лет делались неоднократно. Но никто так ничего и не нашел. Вы лучше меня знаете, что официальная наука считает «Наследие» Шаро Предрекшей не более чем мифом.

– Я полностью отдаю себе отчет в том, как выглядит мое заявление в свете официальной науки, – Синицын поправил съехавшие на нос очки, – но позволю себе напомнить, что занимаюсь этой проблемой всю свою научную карьеру! Я потратил сорок лет на поиски и исследование архивных данных, исторических и устных упоминаний о Шаро Предрекшей и ее жизни, и теперь абсолютно убежден, что правильно истолковал и эпитафию, и замысел Великой Шаро.

Профессор вновь зашуршал кипой распечаток, в который раз раскладывая их перед Президентом.

– Я повторю коротко, чтобы подчеркнуть самую суть! – с жаром принялся объяснять старик. – Вот на этом документе основывается официальная научная позиция. – Он потыкал неровно обстриженным ногтем в одну из бумаг. – Шаро Предрекшая, в миру Алена Шаройкина, создатель и глава МАГБ, Международной Ассоциации Генетической Безопасности, умерла незадолго до наступления хаоса. Спустя десять лет, когда полностью оправдался ее первый прогноз и окружающая среда стала враждебной для генетически чистого человека, мировая общественность фактически причислила ее к лику святых, и церкви ничего не оставалось, как официально подтвердить этот статус. Последние годы своей жизни Шаро провела в Москве, на территории Новодевичьего монастыря, где располагался последний из ее приютов для лиц, имеющих генетическую инвалидность. Достоверно известно, что завещание покойной было исполнено в точности: ее тело кремировали, прах развеяли по воздуху с колокольни. В своем завещании Шаро сообщала, что не желает иметь могилу. Все свои средства, коих на момент смерти было немного, она завещала монастырю. Такова официальная версия, которая всем известна.

Синицын накрыл документ новым листом, стараясь случайным движением не стереть текст с целлулоидной поверхности многоразовой бумаги.

– А вот данные из закрытых архивов службы коммерческой безопасности «Сёрвайвинг Корпорэйшн» тех лет, из которых следует, что концерн вполне серьезно относился к слухам о некоей программе «Наследие», якобы тайно разрабатываемой МАГБ. Тысячи сотрудников были задействованы в поисках секретной лаборатории Великой Шаро, имеются многолетние

регулярные отчеты о проделанной работе от руководителей американского, швейцарского, российского и даже китайского филиалов службы безопасности.

– Но ничего так и не нашли, – нахмурился Президент. – Почему вы считаете, что вам в одиночку удалось сделать то, что не смогла сделать служба безопасности крупнейшего в человеческой истории концерна, безгранично управляющего всем миром, в распоряжении которого имелись мощнейшие технологии того времени? Согласно Уставу российского отделения концерна, после вступления в должность Президента, я был обязан ознакомиться с основными разделами закрытых архивов, так что имею представление об этом деле. Насколько я помню, оно было закрыто еще до наступления хаоса.

Синицын укладкой бросил взгляд на Президента поверх очков. Похоже, тот еще не потерял терпение. Это было хорошим знаком. Надо отдать ему должное, Президент был сильным руководителем. Бывший начальник службы безопасности Угличского ЦСГР, генерал Федотов недавно был избран на второй четырнадцатилетний президентский срок, причем на выборах у него не было ни одного конкурента. Что совсем неудивительно, учитывая при каких странных обстоятельствах погиб его предшественник. Но с избранием Федотова Центр буквально очнулся от спячки: новый Президент первым делом серьезно усилил службу безопасности, являвшуюся, по сути, армией, затем навел порядок среди чиновников и укротил бюрократию. Поначалу кое-кто был против его столь решительных действий, поползли даже слухи о вотуме недоверия, но после того как десяток человек был попросту выдворен за границу зоны отчуждения, все протесты прекратились сами собой. Тем временем новый Президент очистил окрестности от лигов, возобновил археологические рейды и захват рабов, что реанимировало промышленность Центра. Он вновь открыл летнее судоходство между Угличским и Рыбинским ЦСГР, восстановил взлетно-посадочную полосу и отремонтировал два самолета, наладив воздушное сообщение со всеми Центрами от Заволжского до Дивногорского. Предыдущий Президент был куда менее эффективен, совсем не чета Федотову, который, помимо прочего, обладает весьма редким для начальника его уровня качеством – умением выслушивать до конца предложения, не вызывающие у него энтузиазма. И, похоже, сейчас как раз такая ситуация.

– Именно в этом и есть ответ на ваш вопрос, господин Президент! – Синицын торопливо достал еще одну распечатку. – Дело было закрыто до наступления хаоса! Не стоит недооценивать МАГБ, Шаро Предрекшая имела в своем распоряжении те же самые технологии и немалые средства. Вот, обратите внимание, из материалов швейцарского отделения службы безопасности следует, что попытки обнаружить тайные счета МАГБ не увенчались успехом, и отследить финансовые потоки Ассоциации после запрещения ее политической деятельности тоже не удалось. Отсюда можно сделать вывод, что таковые все-таки имели место. Кроме того, российское отделение докладывало о наличии некой конфиденциальной части завещания Великой Шаро, содержание которой предназначалось только для руководства Новодевичьего монастыря. О чем там шла речь, выяснить не представилось возможным, хотя попытки надавить на монастырь предпринимались весьма серьезные. Информацию так и не добыли, что впоследствии и послужило основанием считать конфиденциальную часть завещания не существующей на самом деле. К тому времени МАГБ уже фактически распалась и не представляла угрозы для «Сёрвайвинг Корпорэйшн», в результате дело закрыли. Вскоре свершилось второе предрекшение Шаро Предрекшей – мировая экономика рухнула, наступил хаос, и всем стало не до «Наследия». Оно осталось лишь в легендах лигов и, что примечательно, с течением столетий стало основной их религиозной фабулой.

Старик перевел дух и рискнул еще раз посмотреть на Федотова. Президент молча глядел на него, ожидая продолжения. Нехороший знак. Но отступать Синицын не собирался, дело всей его жизни лежало сейчас на президентском столе, нанесенное плохо сохнувшей краской на истрепанные листы целлулоида. Ученый глубоко вздохнул и продолжил:

– В ходе многолетних изысканий мне удалось найти упоминание об одном интересном факте, информация о котором относится к первым десятилетиям хаоса, когда лиги еще не везде были столь враждебны, как впоследствии. В те времена некоторым представителям ЦСГР удавалось совершать паломничество в Новодевичий монастырь, к месту последней прижизненной обители Великой Шаро. Так вот, в одном из отчетов прямо сказано, что на территории монастыря есть памятная плита с эпитафией, являющаяся для лигов, несомненно, весьма важной святыней. Место вокруг той плиты редко пустовало, якобы к ней приходили лиги, многие из которых шли издалека, а некоторых, не имевших возможности передвигаться самостоятельно, приносили на руках. Все они возносили у этой плиты молитву Шаро Предрекшей. Показательно, что текст на плите не имел никакой подписи и гласил:

«Здесь нет меня, нет праха, нет печали.
Хранит земля лишь след моей души,
В надежде на спасенье страждущего мира,
Слезы разбившейся хрустальную частицу».

На вопрос о том, в чем смысл эпитафии, лиги из монастыря уклончиво отвечали, что «след души» – место, где Великая Шаро любила поразмышлять в последние дни своей жизни. Я никогда не придавал этому значения, но сегодня наткнулся на один файл, который кардинально изменил все!

Синицын выхватил из кипы следующий кусок целлулоида.

– Это данные по истории, любезно предоставленные нам ЦСГР острова Русский. Семь лет назад, во время тестирования работоспособности спутника связи, между нашими Центрами запускались различные информационные потоки. Для прогона тогда требовались файлы очень больших размеров, и поэтому использовались в основном архивные данные, так как...

– Я помню, как это происходило. – Федотов сделал жест рукой. – Не уходите в сторону, профессор.

– Да-да, конечно! – заторопился Синицын. – Так вот, многое из того архива, что отправляли нам из ЦСГР «Русский остров», оказалось на английском языке. Наиболее вероятно, что они сами получили эти данные при подобном же тестировании связи с одним из американских Центров и, судя по всему, довольно давно. К сожалению, у меня редко доходили руки до перевода, а указанный архив имеет колоссальную емкость. Но сегодня я обнаружил в архиве историческую справку, ссылающуюся на рассказ некоего очевидца. Документ датирован началом третьего десятилетия хаоса и описывает странный ритуал лигов, распространенный в окрестностях развалин американского города Лос-Анджелеса. Очевидец точно описывает место, где находится некая мемориальная плита, у которой как местные, так и пришлые лиги возносят молитвы Шаро Предрекшей. Очевидец сообщает, что под этой плитой якобы находится могила доктора Сэмюэля Уэйна, одного из ведущих генных инженеров концерна, широко известного своим предательским переходом из «Сёрвайвинг Корпорэйшн» в МАГБ. Историческая справка относит этот рассказ к разделу курьезов, питающих нынешнюю псевдо-религию лигов. Доподлинно известно, что Уэйн завершил свои дни среди лигов калифорнийского ареала. После смерти они выполнили его последнюю волю: тело доктора было сожжено на костре, прах развеян над морем. Так что могилы не существует.

Профессор позволил себе мгновение паузы, чтобы отдышаться.

– Теперь суть открытия. Надпись на той мемориальной плите в переводе на русский полностью идентична надписи на плите Новодевичьего монастыря! – Он победно посмотрел на Президента. – Вот видите! Все сходится, ошибки быть не может!

Президент продолжал молча разглядывать профессора. Пауза затягивалась. Наконец он покачал головой и произнес:

– Так что же все-таки сходится, господин Синицын? – Федотов нахмурился. – Я надеюсь, вы не хотите сказать, что под этими якобы существующими плитами и зарыто «Наследие» Великой Шаро?

Старик похолодел. Неужели ему не удалось убедить Президента? Заинтересовать хотя бы немного? Сорок лет жизни и кропотливой работы с десятками, сотнями километров архивных строк и давно забытых исторических данных... Не может быть, чтобы все это оказалось никому не нужным именно сейчас, когда он разгадал величайшую тайну цивилизации, из последних сил пытающейся выжить? Профессор собрал волю в кулак и попытался придать своему голосу как можно более решительное звучание:

– Нет, господин Президент, «Наследия» там нет. Если верить легендам лигов, то «Наследие» должно быть чем-то поистине колоссальным, чем-то, что способно спасти наш обезображенный мутациями мир и избавить от страданий самих лигов. Но я глубоко убежден, что эти две одинаковые плиты появились не просто так. Равно как и два практически одинаковых и довольно экзотических для того времени способа упокоения. Люди, подобные Великой Шаро и доктору Уэйну, не стали бы ничего делать без всякого смысла. Я уверен, все это – символы. Некий ребус, предназначавшийся потомкам. Тем, кто с высоты прошедших лет окажется в состоянии увидеть главное, сумеет отринуть тщету борьбы за власть и деньги, приведшую мир к хаосу. Плиты лежат не зря. Недаром надписи на них в точности дублируют друг друга и красноречиво дают понять, что земля под ними хранит «след души» Шаро Предрекшей. Там, под ними, лежит ключ к «Наследию»! Возможно, указатель! Господин Президент, мы должны снарядить археологический рейд! Сейчас самое удобное время: зима, сильные холода, насекомые в спячке, концентрация пыльцы не столь высока, большая половина ее видов в замороженном состоянии, низкая активность канцерогенов и токсинов, лиги и мутафауна в малоподвижной фазе, многие из них спят...

– Подсолнухи никогда не спят! – отрезал Федотов. – Да вы вообще понимаете, что предлагаете? – Похоже, Президент был близок к взрыву. – Переход за две с половиной сотни километров в одно из самых опасных мест, какое только можно себе представить. А если рейд погибнет? Такое уже бывало. А финансовая сторона вопроса? Вы хоть представляете, уважаемый профессор, во сколько обойдется Центру это ваше путешествие?

– Только горячее... – испуганно забормотал старик.

– А оно, по-вашему, из воздуха возникает?! – Президент красноречиво рубанул ладонью воздух. – Вы даже понятия не имеете, во что нам обходится его приобретение. А какие сейчас морозы?! Если, да хранит нас от этого Шаро Предрекшая, что-то из техники встанет колом на марше на таком удалении от Центра? Мы потеряем боевую единицу и тем самым уроним военную мощь! И как вы собираетесь добираться до Москвы зимой? По компасу? Спутник проходит над нами раз в шесть часов. Об этом вы подумали?

– Теоретически мы сможем добраться... – промямлил бледный, как снег, профессор. – Я все просчитал... основываясь на аэрофотосъемке... вот данные, проложенный курс...

Он трясущейся рукой протянул Президенту оставшуюся кипу распечаток.

– Теоретически? – саркастически ухмыльнулся Федотов. – Положите на стол. – Он коротко ткнул подбородком в направлении пустого угла своего стола. – Вы свободны, господин профессор. Моя помощница сообщит вам о моем решении позже. Можете идти!

– Но... господин Президент, позвольте мне объяснить...

– Ступайте, господин Синицын! Меня ждут государственные дела!

Едва Федотов произнес последнюю фразу, как двери его кабинета открылись, и на пороге появилась Сашенька.

– Прошу вас, господин профессор, – она сделала приглашающий жест, – позвольте, я помогу вам одеться.

Профессор спешно покинул президентский кабинет. Он был подавлен, раздосадован и не переставал ругать себя за столь неубедительную речь. Зато Сашенька была сама доброта. Закутывая ученого в тулуп, она ласково успокаивала старика, мол, все будет хорошо, просто сейчас Президента ждут срочные дела, но позже он детально изучит все представленные ученым документы. Наконец процесс облачения профессора в зимние одежды был завершен, и Сашенька закрыла за ним массивные двери президентской приемной.

Как только шарканье профессора стихло, она вошла в кабинет Президента и, томно улыбаясь, обвила его шею руками.

– Подслушивала? – усмехнулся Федотов. – По глазам вижу!

– Да, милый, – созналась Сашенька, – просто было так интересно, у профессора в распечатках чуть ли не в каждом предложении упоминалась Шаро Предрекшая, я не смогла удержаться!

– Не ври, – весело хмыкнул милый, будучи старше своей новой пассии в два раза с небольшим. – Великая Шаро тут ни при чем, ты подслушиваешь все подряд.

– Я больше не буду! – пообещала Сашенька. – Дорогой, неужели тебе совсем не интересно узнать, что на самом деле под той плитой? – Она задержала дыхание от любопытства.

– Не интересно, – ответил Федотов. – Совсем.

– Значит, ты не пошлешь туда рейд? – погрузилась Сашенька.

– Пошлю.

– Правда?! – обрадовалась помощница. – Но ты же сказал, что тебе не интересно!

– Мне – нет, – снисходительно улыбаясь, объяснил Федотов. – Но самое позднее к исходу завтрашнего дня о находке Синицына будет знать весь Центр. Рано или поздно об этом узнают и другие. Так что это уже политическое событие. И я должен разумно на него отреагировать. Заодно попробуем извлечь из всего этого выгоду. Проведем разведку местности за рекой Жабня на предмет технологических раскопок. И если от Новодевичьего монастыря остались хотя бы развалины, то там наверняка зимуют лиги, вряд ли много – уж больно голодно переживать морозы в развалинах, в лесах-то полегче будет. Но кто-то наверняка не захотел уходить с мест своих так называемых святынь, да и других можно будет насобирать на обратном пути. Так что отправим с рейдом «свинарник» и обзаведемся новыми рабами, их сейчас очень не хватает – многие издохли в такой холод.

К центральному выходному шлюзу Периметра Синицын явился за добрых полчаса до назначенного времени. За прошедшую неделю под действием сильного ветра температура внутри упала до минус сорока двух градусов, но, несмотря на жуткий холод, возле входа собралась солидная толпа провожающих. Последние пять дней весь Центр только и говорил о предстоящем рейде, любой разговор, начинавшийся по вполне обыденному поводу, менее чем через пять минут сводился к обсуждению готовящегося предприятия. Из-за непрекращающейся пурги отправление рейда откладывалось вот уже трижды, но сегодня с самого утра за Периметром стоял полный штиль, и было понятно, что выезд состоится. Проводить колонну пришли несколько тысяч человек, и сейчас закутанные в стандартные тулупы и ушанки люди переминались с ноги на ногу, не давая себе замерзнуть, из-за чего вся эта огромная масса народа напоминала профессору волнуемое рябью море.

Всю неделю Синицын находился в приподнятом расположении духа. Это был его звездный час, недаром его коллеги по ученому цеху, не скрывавшие своего пренебрежительного отношения к его историческим изысканиям, все как один, рассыпались в поздравлениях, едва канцелярия Президента объявила о его открытии и предстоящем рейде. Первые два дня профессор только тем и занимался, что отвечал на звонки и принимал заверения в крепкой и искренней дружбе. Потом началась тщательная подготовка к рейду, сопутствующие расчеты и уточнения, и стало не до лизоблюдов. Синицын до последнего не верил, что ему будет позво-

лено войти в состав рейда, но Президент согласился удовлетворить его прошение неожиданно легко. И вот теперь, облаченный в новенькую, прямо со склада, боевую экипировку, профессор гордо подходил к массивной громаде главного шлюза. Эмоциональный подъем был настолько велик, что старик забыл о своей одышке и шагал так бодро, будто на него не надели добрых пятнадцать килограмм снаряжения, но наоборот, сняли с плеч лет сорок. Люди, собравшиеся у входа, при виде человека в скафандре биологической защиты расступались, освобождая дорогу. Многие приветствовали его жестами, и хоть узнать кого-либо среди людей, зятянутых в лицевые повязки, было проблематично для слабых старческих глаз, профессор старался отвечать всем легкими кивками и улыбкой. Увесистый гермошлем противогаса делал это занятие далеко не таким простым, каким оно могло бы показаться на первый взгляд. К тому моменту, когда Синицын вошел внутрь здания, его шея уже отказывалась повиноваться хозяину. Створ внутреннего шлюза за его спиной закрылся, и ученый остановился, в нерешительности оглядываясь вокруг.

– Профессор Синицын? – Звук шел откуда-то издалека, словно из глубокой бочки. – Николай Федорович?

Профессор развернулся на голос и вздрогнул от неожиданности. Прямо перед ним стоял крупный мужчина в военной форме с капитанскими погонами.

– Можете снять противогаз! – Он постучал пальцем по профессорскому лицевому щитку. – Он вам пригодится позже.

– Ах, да, – спохватился ученый, – разумеется! – Он суетливо завозился с креплениями гермошлема. – Совсем позабыл, совсем. Я от дома пешком шел, а в нем, знаете ли, гораздо теплее, термоконтур совсем новый, превосходно держит температуру...

Пальцы в перчатке из толстой армированной резины соскальзывали с креплений, и профессору никак не удавалось их расстегнуть. Капитан коротко улыбнулся и ловкими движениями сноровисто выполнил за ученого необходимую процедуру. Затем он аккуратно снял противогаз и вложил его старику в руки.

– Капитан Ермаков, – представился военный. – Я отвечаю за вашу безопасность, так что на время рейда мы будем неразлучны. – Он снова улыбнулся. – Давно не приходилось покидать Периметр?

– Да-да, мне говорили о вас на совещании! – закивал профессор. – Знаете, раньше я частенько бывал снаружи, мне довелось принимать участие в восьми археологических рейдах, но после достижения пенсионного возраста... – он виновато развел руками. – Потерял сноровку. Давно это было, уважаемый... Простите, как вас по имени-отчеству?

– Михаил Владимирович. Можно просто Михаил.

– Весьма польщен! – ответил профессор. – Так вот, Миша, рассейте мои сомнения. За эти годы экипировка претерпела некоторые изменения или это память сыграла со стариком злую шутку?

– Все верно, – кивнул Ермаков, – изменения были, так что вашей памяти можно позавидовать. – Он взглядом показал на свое снаряжение: – Это девятая модификация зимнего СБЗ, скафандра биологической защиты, ее разработали семь лет назад в Дивногорском ЦСГР. Мы производим такие здесь уже лет пять. Очень удачная модификация. Фильтры стали долговечнее, рация мощнее, емкость автономного питания возросла почти втрое, усилили термоконтур, увеличили площадь лицевого щитка противогаса, изменили армирование, так что прочность скафандра стала намного выше. Доработали подвесную систему, теперь автомат из положения «за спину» в положение «на грудь» можно перевести одной рукой, система отвода отходов жизнедеятельности стала удобнее. Да много чего полезного, не зря поработали сибиряки. Я вам в дороге все подробно расскажу и покажу, путь предстоит неблизкий. – Капитан указал рукой в сторону коридора: – Пойдемте, господин профессор, через пятнадцать минут состо-

ится смотр готовности личного состава рейда, затем погрузка. Технику уже подают к транспортному шлюзу.

Колонна покинула Периметр только в полдень, намного позже запланированного срока. Пока проводили смотр, пока устраняли недостатки, по большей части надуманные военным руководством, пока проводили смотр повторно – теряли время практически впустую. При каждой новой заминке командующий рейдом, полковник Потапов, мрачнел все сильнее. Даже Синицын, будучи человеком сугубо гражданским, стал замечать, как подчиненные прикладывали все силы к тому, чтобы не оказаться слишком близко к взбешенному командиру. Затем грузились в технику, герметизировались, обменивались докладами, слушали торжественное радиообращение Президента, выступившего с напутствием, после чего, браво ревя турбинами, проходили мимо толпы провожающих, – в общем, в результате часов пять утекло, словно вода сквозь пальцы. Наконец внешние ворота центрального шлюза закрылись за замыкающей колонну машиной, и рейд начался. Профессору определили посадочное место возле Ермакова в гермокунге гусеничного тягача, тащившего на прицепе «свинарник» – усиленную арматурой теплушку на колесах, специально предназначенную для транспортировки захваченных в рабство лигов. Помимо их двоих в кунге расположилось еще восемь бойцов из подразделения Ермакова. В голове колонны шел танк, за ним БМП с десантом внутри, потом профессорский тягач со «свинарником», далее БМП полковника Потапова, за которой шел еще один тягач с солдатами в кунге. Только вместо «свинарника» к нему была прицеплена бронированная емкость с горючим. Замыкала колонну еще одна БМП.

Президент Федотов отправил в рейд серьезные силы – четыре единицы боевой техники и почти сорок человек десанта. С такой армией в успехе предприятия профессор не сомневался. Кто бы мог подумать, что на закате жизни ему посчастливится своими глазами увидеть Москву! Не иначе как сама Шаро Предрекшая ниспослала ему это вознаграждение за долгие годы, возложенные на алтарь науки. Вот только его спутник явно не понимал значимости момента. Ермаков в который уже раз посмотрел на часы и лишь покачал головой.

– Вас что-то тревожит, Миша? – поинтересовался Синицын.

– Полдня псу под хвост, – поморщился капитан. – Хорошо, если успеем до темноты пройти половину пути. Скверная ситуация, в опасное время в Москву попадаем.

– Полноте, молодой человек! – успокоил капитана старик. – В этом нет кардинальной разницы. Я лично рассчитывал маршрут. Наша колонна будет двигаться по данным аэрофото-съемки, это существенно упростит навигацию, ключевые точки будем уточнять по спутнику, как только он будет проходить над нами. Согласно проложенному курсу, до Москвы двести шестьдесят километров, это максимум двенадцать часов пути с учетом того, что через речные мосты техника будет проходить по очереди. До темноты еще шесть часов, так что мы успеваем организовать ночевку в пустынном месте. К тому же в морозные зимы и лиги, и мутафауна малоподвижны. Вам совершенно не о чем беспокоиться!

Однако Ермакова это не успокоило.

– Я не сомневаюсь в правильности ваших расчетов, профессор, но дело не только в них, – голос капитана в головных телефонах звучал хрипло и надтреснуто.

Внутренняя линия связи и энергии, к которой в целях экономии автономного энергоресурса подключались скафандры находящихся внутри техники людей, была такая же древняя и изношенная, как сама техника.

– До темноты мы пройдем половину пути, опять же если в дороге не случится ничего непредвиденного, – продолжал Ермаков. – Затем ночевка, двигаться ночью равносильно самоубийству: или заблудишься, или потеряешь технику в какой-нибудь засыпанной снегом яме. К восьми утра мы сможем продолжить движение. Стало быть, в лучшем случае в полдень будем в Москве. Затем нам предстоит пройти через город. Никто не знает точно, что там сейчас тво-

рится. Последний раз успешный рейд ходил туда почти двадцать лет назад, а это очень давно. Двенадцать лет назад был еще один рейд, и никто не вернулся. Заволжский ЦСГР за последние семь лет дважды посылал туда рейды, из которых один так же пропал без вести, а второй повернул обратно, будучи в десятке километров от Священной МКАД. И они до сих пор благодарят Шаро Предрекшую за то, что ниспослала это чудесное спасение – им посчастливилось услышать в эфире переговоры подсолнухов, – он болезненно поморщился. – Сколько времени мы будем пробираться к этому вашему монастырю? И сколько времени мы будем рыться в снегу в поисках плиты? – Ермаков хмуро покачал головой. – А ведь надо еще наловить рабов и выбраться из города. Так что у нас есть все шансы встретить ночь на опасном удалении от Москвы.

– Несомненно, ваши доводы имеют веские основания, но, полагаю, в нашем случае все не так фатально, – возразил Синицын. – Сейчас зима, нет ни хлябей, ни мелких водных преград, передвижение облегчено. Наша техника укомплектована системами эхолокации и тепловидения, мы сможем избежать падения в крупные пустоты и заранее обнаруживать лигов. Место, в котором следует искать плиту, описано довольно точно, так что много времени это не займет. Единственная заминка может возникнуть как раз с отсутствием лигов, а не с их присутствием. Позволю себе напомнить вам, что все описанные вами неудачные рейды проводились летом. Нынешняя зима одна из самых холодных за прошедшее десятилетие, мы можем вообще не встретить лигов. Тогда президентская программа по захвату рабов может оказаться под угрозой срыва. Три года назад, если мне не изменяет память, в октябре, Рыбинский ЦСГР провел успешное исследование Москвы с дирижабля и произвел подробную аэрофотосъемку. За три дня наблюдений не было обнаружено никакой активности лигов. А сейчас холода не в пример осенним. Повторюсь, есть большая вероятность, что лиги либо покинули город, либо спят.

– Подсолнухи никогда не спят, – покачал головой Ермаков. – И увидеть их можно только тогда, когда они сами того захотят, но это будет последнее, что суждено тебе увидеть. Так что никакой дирижабль тут не поможет. А насчет того, что лиги покинули город, я вам вот что скажу. Прислушайтесь! – Он приложил указательный палец к лицевому щитку противогаза в районе губ, призывая к тишине. – Слышите? Взгляните сами.

Напрягать слух не пришлось – по мере движения колонны через военизированный пояс к зоне отчуждения все громче приближалось беспорядочное дробное уханье. Профессор подсел к триплексу наружного обзора и покрутил рукояти-верньеры, настраивая резкость картинки под старческое зрение. Колонна проходила мимо позиций минометной батареи, ведущей огонь в сторону Углича.

– От наблюдателей с ГЭС пришло сообщение, что в городе снова зашевелились лиги, – прокомментировал капитан. – Минометчики с утра утюжат. Потом наши пойдут чистить дорогу до ГЭС, сегодня день смены недельной вахты. Рисковать нельзя, город между Центром и ГЭС, точно на пути вахтовых транспортов, в которых будет полно гражданских лиц.

Он меланхолично пожевал губами.

– За двести лет Углич превратился в руины, там давно уже нет ничего хоть сколь-нибудь ценного. Только лиги все равно упрямо туда возвращаются. Как видите, даже нынешняя зима им не указ. Я много времени провожу за Периметром и могу сказать: никто не знает, что ими движет. Некоторые из них, те, чьи страдания особенно тяжелы, специально выходят к рейду, чтобы попасть в рабство в надежде получить болеутоляющее. Но так поступают далеко не все. И в бойцов рейда летят не только камни, копья и стрелы. Иногда случается попадать в спланированные засады, устроенные с применением огнестрельного оружия, как было в Ярославле два месяца назад. Знаете, что я думаю, профессор? – Ермаков посмотрел в глаза ученому: – Я думаю, что те, кто составляет теории поведения лигов, довольно далеки от реальности. Им стоит хотя бы иногда бывать в боевых рейдах. – Его взгляд смягчился, и на губах появилась виноватая улыбка. – Вы не подумайте плохого, Николай Федорович, это я не вас имею в виду.

Чтобы не попасть под огонь своих минометов, колонна обошла Углич, двигаясь по самым его окраинам. Всю дорогу профессор провел, прильнув к перископу триплекса, изучая окружающую обстановку, однако увидеть даже одного лига ему не удалось. Вскоре заснеженные развалины города, сотрясаемые взрывами, остались позади, и колонна углубилась в лес. Унылое зрелище бесконечной череды узловатых, искореженных мутациями и покрытых зловонными наростами деревьев никакого научного интереса не представляло, и ученый заскучал. Он пробовал было продолжить разговор с Ермаковым, но военные выглядели обеспокоенно и не отрывались от перископов, ожидая нападения, и капитан отвечал односложно, рассеянно и часто вообще невпопад. Тогда Синицын принялся размышлять о сделанном открытии. Что же именно он найдет под заветной плитой? Как Великой Шаро удалось сохранить в тайне свое грандиозное творение? В том, что оно действительно грандиозное, ученый не сомневался. И самый важный вопрос, мучивший его на протяжении всех этих лет, – что же это такое?

Механики-водители боевых машин хорошо знали эти места, но полковник Потапов предпочел двигаться осторожно, ежесекундно сверяя данные аэрофотосъемки с показаниями эхолокатора. Чахлая лесная растительность не представляла для тяжелых боевых машин серьезной преграды, большие деревья ломались под танковыми гусеницами словно спички. Но рисковать никто не хотел, и колонна двигалась медленно. Профессор не заметил, как заснул, убаюканный монотонной тряской тягача. В результате он чуть не врезался в стену от резкого наклона, в самый последний момент Ермаков успел подхватить профессора, уже оторвавшегося от сидения.

– Что происходит? – испуганно воскликнул ученый, пытаясь протереть глаза через лицевой щиток противогаса. – Нападение?!

– Пока еще нет, – улыбнулся капитан, – сходим с насыпи, просто большой угол наклона поверхности.

– Где мы сейчас? – Синицын глянул на часы.

Выходило, что он проспал почти два с половиной часа.

– Подходим к Калязину, – ответил капитан. – Со стороны железнодорожного моста через Жабню. Сам мост еще цел, я был здесь в рейде полгода назад. Но выдержит ли он тяжелую технику, это вопрос. По имеющимся данным, последний раз им пользовались двенадцать лет назад, во время пропавшего рейда, но тогда в его составе не было танков.

– Железнодорожные мосты строились на века, молодой человек, – назидательно заявил Синицын, – и рассчитывались на весьма и весьма тяжелые составы. По моим расчетам, все мосты на нашем пути еще достаточно надежны.

Ермаков пожал плечами:

– Я только буду рад, если практика не разойдется с вашей теорией. И если этим мостам никто не помог потерять расчетную надежность.

– Десанту – к машине! – радиоэфир ожил голосом полковника Потапова.

– Входим в город, – сказал профессору Ермаков и, обернувшись к своим людям, отдал команду.

Десантники отключились от внутренней сети тягача, и капитан провернул штурвал кремальерного запора. Над открывающимся люком вспыхнула облезлая лампочка сигнала биологической опасности. Бойцы выскочили наружу, и люк начал закрываться. Однако, не дойдя до конечного положения, остановился и задергался.

– Твою мать! – выругался Ермаков. – Опять гидравлика заедает!

Он подошел к люку и с размаху пнул его. Дергание прекратилось, но закрывать люк пришлось уже руками.

– Мы с вами останемся здесь, – он обернулся к профессору, – вы можете наблюдать за окружающей обстановкой через триплекс, я по мере сил попробую объяснить вам суть происходящего.

Профессор последовал совету капитана и с интересом разглядывал, как пешие бойцы, развернувшись в цепи, под прикрытием техники входили в мертвые развалины, две сотни лет назад бывшие небольшим, но очень уютным городком.

К мосту вышли быстро. В соответствии с планом рейда, весь личный состав, за исключением механиков-водителей, покинул технику для прохода через мост. Сначала на ту сторону отправилась разведгруппа из десятка бойцов. Спустя полчаса от них пришел доклад: мост не имел видимых серьезных разрушений, противник не обнаружен. Первым отправили тягач со «свинарником», потом второй, за ними прошли БМП и танк. Мост в некоторых местах зловеще скрипел, но нагрузку выдержал. Последними переправились люди. Бойцы Ермакова образовали кольцо, внутрь которого капитан поставил профессора, и в таком порядке следовали через мост непосредственно до люка в гермокунг тягача.

– Эта предосторожность была излишней, любезный Михаил Владимирович! – Старик, кряхтя, взобрался на подножку кунга. – Мои предположения оправдались, в это время в городах лигов нет.

– Предосторожности лишними не бывают. – Ермаков отрицательно мотнул головой, втискиваясь во входной люк вслед за Синицыным. – Вот через этот триплекс посмотрите.

Ученый взялся за указанный перископ.

– Прямо в пяти метрах от нас видите развалившееся здание из красного кирпича?

– Секунду, молодой человек... – старик завопил с верньерами резкости, – да, вижу. Но там пусто. В развалинах никого нет.

– Приглядитесь к левой стене, – настаивал капитан. – Видите, рядом с ней зараженное дерево? Между куском арматуры, что торчит возле стены, и этим деревом на высоте человеческого роста натянута веревка. Видите?

– Да-да, теперь вижу, – пригляделся профессор. – Весьма любопытно, веревка сохранила неплохое натяжение за столько лет. Довольно любопытно. Вероятно, дело тут в колебании температур за последнюю неделю...

– Ее натянули не так давно, – прервал его размышления Ермаков, – когда колонна вышла к мосту, на ней висело одеяло, довольно большое, иначе бы мне не удалось разглядеть его в бинокль. Сейчас, как видите, веревка пуста. Мы спугнули кого-то, и этот кто-то, уходя, забрал свои вещи с собой.

– Но передовой отряд передавал об отсутствии лигов! – воскликнул профессор. – Какая невнимательность!

– Передовой отряд доложил об отсутствии противника, – поправил ученого Ермаков. – Лиги, живущие в этом доме, не собирались нападать. Они ушли при нашем приближении.

– Мне необходимо сейчас же осмотреть это место! – заявил Синицын. – Это может оказаться весьма продуктивным в научном плане!

– Это может оказаться весьма продуктивным в плане попадания в засаду, – ответил капитан и тоном, не допускавшим возражений, добавил: – Никаких экскурсий, Николай Федорович, у нас на счету каждая минута, три часа до темноты. И никто из нас не был на этой стороне реки дальше окраин городских руин.

В этот момент по внутренней радиосети пришел приказ полковника Потапова на отправление, и колонна тронулась в путь. Один из бойцов повернул выключатель, и под невысоким потолком кунга вспыхнула пара кварцевых ламп, предназначенных для первичной биологической дезинфекции. Одна из ламп тут же замигала и погасла. Боец протянул к ней руку и осторожно постучал пальцем по патрону. Лампа вспыхнула вновь. Боец криво усмехнулся и занял свое место.

До Поречья шли практически по прямой, через пустынную заснеженную равнину. Лишь однажды на пути им попались какие-то чахлые заросли, судя по всему, останки некогда цветущей здесь рощицы. К мосту через Нерль вышли менее чем за час, и операция по переходу на другой берег в точности повторилась. Недалеко от моста профессор увидел развалины церкви и невольно остановился, разглядывая покосившийся остов полуразвалившейся колокольни и ветхий дырявый купол, каким-то чудом еще удерживающийся на обломке здания.

– Пойдемте, профессор, пора отправляться! – поторопил его Ермаков. – На прогнившие дома в Москве посмотрите, там их побольше будет.

– Это не прогнивший дом, Миша! – Профессор, вздохнув, направился к тягачу. – Согласно старым картам, эта церковь имела колокольню выше, чем многие московские храмы! Раньше это был красивый памятник старины, с пятью синими куполами, с не дошедшими до наших дней...

– Нам надо спешить, Николай Федорович, пойдемте быстрее! – Капитан бесцеремонно перебил ученого и, взяв его за руку, решительно повел за собой. – Весь мир не дошел до наших дней. Таких памятников тут на каждом шагу. Поменьше бы среди них находиться, если забьются фильтры – так в этом музее навсегда и останешься...

От Поречья началась самая сложная часть пути, и возможности воспользоваться триплексами профессору больше не представилось. Военные непрерывно вели наблюдение, сменяя друг друга. По их отрывочным фразам, время от времени звучащим в радиосети, Синицын не мог составить более или менее связное представление о происходящем. Но по характерной тряске тягача, преодолевающего незначительные препятствия, профессор сделал вывод, что колонна идет через лес, и под гусеницами хрустят стволы поваленных танками деревьев.

Полковник Потапов пытался придерживаться разработанного маршрута, составленного на основании данных аэрофотосъемки трехлетней давности, проведенной дирижаблем Рыбинского ЦСГР. Но движение приходилось осуществлять по компасу и теоретически рассчитанным азимутам, точно установить местоположение рейда можно будет через три часа, когда спутник вновь войдет в зону досягаемости.

Дважды наблюдатели замечали свежие следы на снегу, но определить, принадлежат они лигам или представителям мутировавшей фауны, на ходу не представлялось возможным. Ермаков глядел на часы все чаще и хмурился все сильнее, пока, наконец, колонна не вышла из леса на открытое пространство. Здесь военные заметно повеселели, и их спокойствие передалось профессору. Он вновь углубился в изучение аэрофотоснимков Новодевичьего монастыря, пытаясь определить местонахождение плиты Шаро Предрекшей как можно точнее. Из раздумий его вывела остановка колонны.

– Похоже, перед нами озеро, – ответил Ермаков на его немой вопрос. – А его на нашем маршруте быть не должно. Сегодня дальше не пойдем, скоро станет совсем темно. Надо ждать спутник.

Синицын некоторое время изучал карту местности с маршрутом рейда, но так и не смог уверенно ответить себе на вопрос, где именно они находятся и на какое озеро натолкнулись. Ермаков получил вызов от Потапова и убыл к нему на совещание. Спустя сорок минут он вернулся с навигационным планшетом и в скверном расположении духа.

– Только что появился спутник, – мрачно сказал капитан, обращаясь ко всем сразу. – Были уточнены наши координаты. Мы сбились с расчетного курса на двадцать километров к западу и движемся прямо на Солнечногорск. До него осталось шестьдесят километров.

Профессор буквально кожей почувствовал охвативший людей страх. Даже ему, человеку, уже фактически прожившему жизнь, стало не по себе. Солнечногорск... Ареал обитания подсолнухов – самых жутких из всех лигов, безжалостных и таинственных монстров, о которых толком ничего не известно. Двести с лишним лет назад в этом городке размещалось одно из самых грозных и боеспособных подразделений специального назначения ГРУ ГШ Мини-

стерства обороны России. Элитные бойцы. Вокруг столицы в ту пору было размещено множество различных подразделений, особенно полицейских сил, но потом обстановка в мире резко изменилась, и практически все они перестали существовать. Но солнечногорский спецназ расформировывать не стали. Наоборот, его поддерживали в боеспособном состоянии до последнего, используя в качестве заслона против враждебно настроенных лигов и тех, кто не захотел бросать своих родных с генетической инвалидностью. В архивах имеются свидетельства о кровопролитных боях, проходивших по всей Москве в первые дни хаоса, когда правительство срочно вывозило из города в ближайшие ЦСГР запасы продовольствия, медикаменты и все, что могло представлять ценность для выживания. Миллионы лигов и тысячи оставшихся в столице чистых были брошены на произвол судьбы. Но солнечногорскому спецназу не нашлось места в штатах ЦСГР – цены на жилье внутри спасительных периметров оказались им не по средствам. И в самый последний момент отряд просто бросили. В указанное время на базу отряда не прибыл транспорт для эвакуации, на запросы в радиоэфире ответом было лишь молчание да треск далеких помех. Спецназ остался без средств существования в городе со стремительно возрастающим уровнем биологического заражения и миллионами горящих ненавистью лигов. Бойцы попытались самостоятельно добраться до Завидовского ЦСГР, считавшегося убежищем правительства и государственной элиты, но служба безопасности Центра встретила их минометным огнем, и уцелевшие скрылись в неизвестном направлении, унося с собой убитых и раненых. По этой причине так и не удалось определить, кто выжил, и с того момента никаких официальных данных о солнечногорском спецназе в архивах концерна не было.

Лет через пять начала появляться информация о неизвестных лигах, ставших ужасом для всех окрестных ЦСГР. Кто они такие, откуда и как выглядят – никто так и не узнал. Обычные лиги, захваченные в рабство, ничего толком не знали, кроме того, что неизвестные называют себя подсолнухами, ведут борьбу с Центрами и оказывают помощь всем остальным. Поначалу особого значения этому не придавали. Затем стали без вести пропадать рейды, высылаемые Центрами в Москву и близлежащие населенные пункты. Со временем потери рейдов увеличивались, особенно страдал Завидовский ЦСГР, находящийся ближе всех к столице. Дошло до того, что спустя двадцать лет завидовцы объявили о подготовке мощной боевой операции по поиску и уничтожению подсолнухов, не побоявшись направить крупные силы в обезображенную пожарами и эпидемиями столицу. Но карательный рейд до Москвы так и не дошел. Колонна вошла в Солнечногорск и из него так и не вышла. Назад не вернулось ни одного человека. О том, что там произошло, не сохранилось никаких документов, так как сам Завидовский ЦСГР не сохранился до наших дней. Ужасная трагедия произошла буквально через год, и ее обстоятельства также остались загадкой. Завидовский ЦСГР внезапно перестал выходить на связь. Торговый дирижабль завидовцев, находившийся в это время в Рыбинском Центре, срочно ушел домой и на следующий день вернулся обратно. Находившиеся в состоянии шока члены экипажа рассказывали жуткие вещи: весь Центр был объят ревущим пламенем, купол рухнул, наземные постройки выгорели дотла, огненные столбы вырывались уже из-под земли. Все изрыто огромными воронками, повсюду тела убитых, и ни одной живой души. Почти миллион человек был уничтожен за одну ночь. Как именно это случилось, так никто и не узнал. С тех пор слухи и жуткие байки прочно укрепили мнение, что это дело рук подсолнухов, и будто бы они не просто особо злобные лиги, а потомки бойцов расстрелянного правительственными минометами солнечногорского отряда спецназа ГРУ. Некоторые даже поговаривали, что это были сами расстрелянные спецназовцы, восставшие из мертвых, чтобы отомстить за предательство. Слухи ходили самые разные, от вполне правдоподобных до совершенно абсурдных. Как бы то ни было, но Москва и ее окрестности стали опасным местом. В поисках рабов и другой добычи близлежащие центры старались посылать рейды в менее опасные направления.

И вот сейчас их рейд совершил столь рискованное отклонение от маршрута.

– Что планирует предпринять полковник Потапов? – поинтересовался Синицын, стараясь выглядеть как можно более спокойным.

– Занимаем круговую оборону, – поморщился Ермаков. – Готовим лагерь к ночевке, выставляем наблюдателей у тепловизора. Затем ужинаем и спим, строго соблюдая светомаскировку. Что тут еще предпримешь, снаружи темень, хоть глаз выколи. Двигаться опасно, издавать привлекает к себе внимание освещением – еще хуже. Так что ждем рассвета и выдвигаемся с нужной поправкой на юго-запад.

Бойцы покинули кунг, и профессор остался один на один с тусклой лампочкой сигнала биологической опасности.

Ночь прошла беспокойно. Спать на узких жестких нарах было крайне неудобно, и профессор с непривычки постоянно бился гермошлемом о стену кунга. От глухого удара он просыпался, в первую секунду не понимая, что случилось, затем вновь забывался зыбким сном. За ночь дважды объявляли тревогу – наблюдатели замечали вдали одинокие движущиеся огни. Однако огни не приближались и довольно быстро пропадали. Других происшествий, к счастью, не случилось, но и без этого профессору два раза приснился один и тот же кошмар, в котором он пытался спастись бегством от жутких подсолнухов. Во сне он был моложе лет на сорок, и почему-то в своем лабораторном халате, без всяких средств защиты. Он бежал по объятых пламенем коридорам Центра, а за ним с хриплым ревом неслись с копьями и дубинами какие-то совершенно невообразимые существа, с головы до ног утыканные клыками и когтями.

Перед самым рассветом пошел густой снег, и видимость заметно ухудшилась. В результате продолжить движение стало возможным лишь к восьми утра. Это только добавило напряжения к всеобщему тревожному состоянию, люди стремились как можно скорее сойти с опасного направления. Вскоре стало понятно, что снег зарядил надолго и ждать улучшения видимости не приходится. Колонна тронулась на малой скорости, и Синицын подумал, что опасения Ермакова, возможно, далеко не так надуманны, как ему показалось изначально.

Военные непрерывно наблюдали за местностью, сменяя друг друга у триплексов, и, чтобы скоротать время с пользой, профессор принялся за сравнение географических карт. Теперь, когда их положение на местности было сверено со спутником, предстоящий маршрут выглядел гораздо понятней, но лишний раз уточнить детали не помешает. Тем более сейчас, когда дело пошло вразрез с предварительными расчетами. Карта двухсотлетней давности практически не имела ничего общего с недавней аэрофотосъемкой, но в сложившейся ситуации могут пригодиться любые ориентиры. Судя по старой карте, колонна должна будет пересечь две железные дороги. На новой карте ничего подобного видно не было. Видимо, насыпи были невысокими, и за двести лет их занесло землей под действием ветров. Весьма прискорбно, поморщился ученый, железнодорожное полотно могло быть отличным путеводителем. После двухчасового сличения обеих карт Синицын все же нашел решение. Если следы первой железной дороги обнаружить было, судя по всему, нереально, то вторую можно попытаться отыскать. Когда-то это была широкая двухколейная дорога, вдоль которой стояли бетонные столбы, несущие на себе провода линии питания электропоездов, а по мере приближения к Москве по обе стороны путей все чаще располагались полустанки, перроны и небольшие населенные пункты. Некоторое следы этих строений можно было различить на аэрофотосъемке. Другой вопрос, будут ли они видны сейчас, под снегом.

Профессор попросил Ермакова организовать связь с полковником Потаповым и высказал свое предложение. Он считал самым правильным найти старую железную дорогу и дальнейшее движение продолжать по ней. Полковник пробурчал что-то про теоретиков, никогда не ломавших глаза в попытках отыскать что-то в условиях почти нулевой видимости, но корректировку курса колонны все же произвел. Ермаков воспринял идею Синицына также без энтузиазма, разделив сомнения своего командира в успешности поисков в такую метель.

Однако на этот раз, волею Шаро Предрекшей, все обошлось. Спустя час головной танк буквально уперся в остов старой пассажирской платформы. Посредством эхолотатора и металлодетектора удалось довольно быстро найти железнодорожное полотно, и колонна по путям двинулась в сторону Москвы. Сквозь стену снегопада можно было различить развалины каких-то строений, тянувшихся вдоль бывшей дороги. Когда-то здесь был населенный пункт, возможно, даже небольшой город, но сейчас профессор затруднялся определить, где именно они находятся. Если судить по старой карте, колонна должна проходить то ли Пушкино, то ли Мытищи...

Снегопад все усиливался, вскоре видимость упала практически до нуля, а вместе с ней и скорость. Несколько раз путь перекрывали остовы железнодорожных вагонов со следами давнишних пожаров, их приходилось сдвигать в сторону, дважды колонна выходила к хлипким мостам через небольшие скованные льдом речушки. Оба раза полковник принимал решение переправляться по льду, не доверяя обветшалым бетонным конструкциям, простоявшим без ремонта больше двухсот лет. Его правота была очевидна, ведь в такие морозы неглубокие реки промерзали практически до самого дна. Примерно через час дорогу колонне преградили крупные обломки не то рухнувшего автомобильного моста, не то эстакады – разобраться точнее не представлялось возможным, слишком плотным был снегопад. Минут десять колонна стояла на месте, пока разведчики искали объездной путь, и профессор получил возможность воспользоваться триплексом. Взгляд его уперся в практически сплошную стену падающего снега, и он впервые засомневался в состоятельности своей теории. Как в таких условиях наблюдатели умудрялись хоть что-то увидеть, ему было совершенно непонятно.

Между тем объездной путь был найден, и движение продолжилось. Завалы и перевернутые остовы разнообразной техники стали попадаться все чаще, руины зданий, проглядывающие сквозь снежную пелену, становились все ближе и крупнее, скорость движения колонны резко упала, следующий час они еле ползли. Внезапно движение прекратилось, Ермакова вызвали к полковнику, и он выскочил из кунга. Гидравлику люка снова заело, и один из бойцов уже знакомым профессору способом восстановил ее работоспособность. Ученый удивился вслух, почему никто из бойцов не пошел проводить капитана, на что ему ответили: волноваться, мол, не о чем, в такой снегопад лиги передвигаться не любят. Синицын посмотрел на часы: до прохода спутника еще четверть часа. Капитан не возвращался, радиосеть молчала. Кто-то из бойцов даже умудрился вздремнуть, воспользовавшись возможностью отдохнуть от бесконечной тряски.

Ермаков вернулся через полчаса. Он быстро влез в люк, машинально ударив рукой по тумблеру включения кварцевых ламп, и привычным движением воткнул разъем внутренней сети тягача в гнездо своего скафандра. Затем, окинув взглядом людей, коротко произнес:

– Прошел спутник. Мы в полукилометре от Ярославского вокзала. – Он перевел взгляд на Синицына: – Господин профессор, полковник ждет вас в своей БМП. Позвольте, я провожу.

Совещание вышло недолгим. Как выяснилось, колонна была уже практически в центре Москвы, неподалеку от места, обозначенного на старой карте как «Комсомольская площадь». Исходя из сравнения карты и аэрофотосъемки, приняли решение двигаться по Садовому кольцу до здания Счетной палаты – оттуда до монастыря вела прямая дорога. Но сначала необходимо было дождаться окончания снегопада. Если он вскоре не прекратится, то ситуация начнет складываться угрожающе – ночь застигнет экспедицию посреди города.

Пока пережидали метель, провели дозаправку топливом и пообедали, но профессор так и не смог поесть. Эмоциональное напряжение было слишком велико, и синтетический пищевой концентрат не лез в глотку. В триплексах по-прежнему не было видно ничего, кроме нескончаемого снега, и Синицын погрузился в тягостное ожидание. К четырем часам ветер начал стихать, снегопад прекратился – наступил штиль. До темноты оставалось не более двух часов, и рейд спешно двинулся через мертвый город.

Стрела ударила в обитый железом борт кунга и, звякнув, отлетела в снег.

– Третий раз за последние пять минут, – подсчитал профессор, – но я по-прежнему никого не вижу!

– Стреляют из развалин, – пояснил Ермаков, – не рискуют высовываться. И правильно, кому охота получить пулю?!

Расстояние в восемь километров, проложенное на карте, на местности преодолевали около часа. Весь десант двигался пешком, высылая вперед дозоры для разведки дороги и прикрываясь техникой от развалин, в кунге остались лишь Синицын с Ермаковым. Капитан наотрез отказался разрешить старому ученому двигаться пешком по городу вместе с бойцами, и теперь профессор не отрывался от перископа триплекса, разглядывая мрачные руины некогда великого города. Рейд двигался медленно, приходилось обходить то огромные завалы из обломков рухнувших мостов и зданий, то глубокие провалы обвалившихся подземных тоннелей. Даже сейчас, спустя многие десятки лет, город отчетливо хранил следы огромных по своей разрушительной мощи пожаров, многократно бушевавших тут когда-то. Обугленные остовы рухнувших многоэтажек, скелеты когда-то знаменитых высоток, и руины, руины, руины... Синицын вздохнул. Совсем не так он представлял себе легендарную столицу. Не было здесь никакого величия, пусть даже былого, лишь огромное кладбище истлевших в прах зданий. Все было подернуто копотью и плесенью, повсюду из-под развалин торчали засыпанные снегом деревья, одинаково кривые и чахлые, густо расползся ядовитый кустарник. Мутировавшая флора имела скудное видовое разнообразие, и если ты видел одно дерево, значит, ты видел их все.

Еще один глухой удар отвлек Синицына от размышлений. На этот раз это был камень, видимо выпущенный из пращи. Хотя кто их знает, этих лигов? Никто толком не изучал, во что превратил их плеiotропный эффект генетических мутаций за двести лет.

– Но почему стреляют именно в нас? – удивился ученый, оборачиваясь к Ермакову.

– Потому что это недееспособные лиги, – капитан сидел за триплексом другого борта и наблюдал за противоположной стороной дороги, – как вы помните, порядка шестидесяти процентов лигов рождаются умственно неполноценными. Они, конечно, опасны, но не настолько, как те, другие сорок процентов. Два месяца назад мы проводили рейд в Ярославль, попали в засаду, потеряли одного человека убитым, еще трое получили ранения и были лишены статуса чистых. Еле ноги тогда унесли. Вот в этом самом кунге потом насчитали семнадцать пулевых отверстий, все стекла на триплексах побило. Их совсем недавно заменили, но стекло с антибликовым покрытием не нашлось, поэтому установили обычные. Теперь правый борт тягача на солнце сверкает двумя стеклами, и недееспособные лиги принимают их за глаза какого-то чудовища. Звук двигателя только подогревает их в этом заблуждении. Вот они и стараются.

Он улыбнулся, увидев пораженный взгляд профессора.

– Да вы не волнуйтесь, бронестекло стрелой или копьем не пробить, так что ничего страшного не произойдет. Это нам даже на пользу – лиги стремятся убить свое чудовище и отвлекаются от десанта.

Словно в подтверждение его слов из развалин вылетело кривое копье и угодило точно в стекло перископа, отчего у Синицына возникло ощущение, что копье ударило ему прямо в лицо. Он инстинктивно отдернулся и вновь приник к триплексу, ругая себя за излишнюю нервозность. Рука, запустившая копье, обладала недюжинной силой – ударившись о перископ, копье отлетело назад на добрый десяток метров. Ученый покрутил верньеры, приближая картинку, и с жадным любопытством разглядел примитивное оружие. Неровная деревянная палка, скорее всего, обломок строительного мусора, к одному из концов которой был неуклюже примотан грязной веревкой острый осколок металлической трубы. Тягач немного прибавил в скорости, и копье скрылось за границей обзора перископа. Право, весьма жаль, что он не может

захватить это копьё с собой для дальнейшего изучения. Это позволило бы узнать много интересного о текущем состоянии культуры деградировавших лигов.

Что-то мелькнуло среди развалин, и профессор поспешно завертел рукоятками перископа, пытаясь разглядеть, что это было. Небольшой представитель мутафауны прятался за углом обвалившегося дома и, осторожно высунув безобразную морду, разглядывал движущийся рейд.

– Миша, не считите за труд, взгляните сюда! – торопливо позвал Ермакова ученый. – Что это за существо? Вы не могли бы сказать?

Капитан прислонился к профессорскому триплексу.

– Не знаю, Николай Федорович, – пожал он плечами, – уж больно хорошо спрятался, стервец, не разглядеть толком. Но раньше я таких не видел. По размеру если судить, то собака это, наверное. Их довольно много в городах живет, ходят за лигами по пятам.

Он вернулся к своему перископу и задумчиво добавил:

– Что-то не похоже, чтобы зимний голод и холод мешали лигам заходить в город. Неужели все дело в этом монастыре? Ведь пока до Смоленской площади не дошли, тихо было...

В этот момент колонна остановилась, и бойцы стали занимать свои места в кунгах и десантных отделениях БМП.

– Профессор, впереди то, что вы назвали «Сквером Девичьего Поля», – раздался в головных телефонах раздраженный голос полковника Потапова, – не хочу вас огорчать, но дальше дороги нет, тут кругом настоящий лес, от развалин и до развалин. Так что держитесь крепче, у нас нет времени искать объезд. Скоро начнет темнеть.

Танк развернул башню стволом назад и двинулся напролом, пробивая просеку среди обезображенной мутациями растительности. Колонна пошла за ним, перемалывая гусеницами поваленные деревья, и ученому пришлось двумя руками ухватиться за поручни, чтобы не вылететь из сиденья от сильной тряски. А ведь если верить архивам, еще двести лет назад, до хаоса, видовое разнообразие растительного мира было поистине огромным. В частности, те же деревья были совершенно другими, гораздо более высокими и могучими, и вот так, как сейчас, проехать сквозь них, пусть даже и на танках, могло и не получиться.

Наконец хруст и скрежет за бортом стихли, колонна прошла еще метров шестьсот и остановилась. Ермаков встал, одним движением переместил автомат со спины на грудь и напряженно улыбнулся Синицыну:

– Ваш выход, профессор.

Развалины, у которых замерла колонна, мало чем напоминали величественный красавец-монастырь, гордо раскинувшийся на старом спутниковом снимке. Густая корявая растительность заполнила собой пространство возле остатков крепостной стены с уродливыми проломами и огрызками кирпича. Не было статной колокольни, высоко вознесшейся в прозрачно-синее небо. От храма, некогда сверкавшего в ярких солнечных лучах золотом пяти куполов, остались лишь обрушившиеся стены, заснеженным скелетом одиноко торчащие поверх окружавших монастырь остатков стены. Синицын печально вздохнул. Да простит Шаро Предрекшая своих неразумных потомков и ослепленных жаждой власти и наживы современников, чьи души давно уже горят в самом раскаленном месте ада.

Профессор в окружении двух десятков солдат направился к огромному разлому в крепостной стене монастыря, зиявшему на месте ворот. Странно, но около этого импровизированного входа не росло ни одного представителя небогатой мутафлоры. Когда отряд подошел к входу еще ближе, обнаружилось, что снег перед разломом был аккуратно расчищен и вглубь монастырской территории вела широкая тропа. Даже несмотря на недавно прошедший снегопад, было видно, что место это не пустует, наоборот, за ним исправно следили. Военные мгно-

венно насторожились, и в разлом был отправлен танк с разведчиками на броне. Через пару минут поступил доклад.

– Внутри пусто, тепловизор отметок не выдает, – зашипел помехами голос кого-то из танкистов.

– Это еще не значит, что там никого нет, – тихо пробурчал Ермаков, – холод от насквозь промерзших развалин может заглушить тепловую сигнатуру...

– Ермаков, вперед! – раздалась команда полковника, и капитан лишь пожал плечами, мол, приказ начальника – закон для подчиненного.

– Заходим, – сказал Сеницыну Ермаков и коротко кивнул своим бойцам.

Живое кольцо с ученым в центре вступило на территорию монастыря.

– Поторопитесь, профессор! – затрещал в эфире Потапов. – Уже смеркается, мы сильно опаздываем!

Однако искать мемориальную плиту не пришлось. Ведущая от входа тропа имела несколько ответвлений, но ее основная жила, петляя между развалин и обломков рухнувших монастырских построек, скрывалась в том направлении, где Сеницын рассчитывал начать поиски. Закончилась она широкой, тщательно расчищенной лужайкой, точно в центре которой виднелась вмурованная в землю невзрачная плита. Все пространство вокруг нее было густо вытоптано следами сотен ног. Сеницын подошел к плите. Кто-то совсем недавно заботливо убрал с нее снег, и было хорошо видно, что потемневший от времени гранит сохранил ту самую надпись. Архивы не вдали.

– Кто-то был здесь совсем недавно, – один из бойцов осматривал следы, – лиги, штук пять, никак не меньше.

– Вот тебе и пустой город, – огрызнулся второй, напряженно всматриваясь в развалины. Профессор оглянулся на Ермакова и указал рукой на плиту:

– Это здесь. Прямо под плитой.

Капитан кивнул и отдал приказ. Бойцы, принесшие с собой кирки и лопаты, принялись долбить промерзший грунт вокруг плиты. Кто-то с размаху ударил киркой по плите.

– Пожалуйста, будьте осторожны! – попросил профессор. – Это место является для лигов святыней! Нет нужды разрушать саму плиту!

– Может, прикажете еще расцеловать этих тварей? – огрызнулся боец. – У этого отродья нет ничего святого, кроме наркоты.

– Разговорчики! – подал голос Ермаков, и боец умолк.

Через десять минут стало ясно, что смерзшийся в многометровую толщу грунт можно долбить до утра с тем же успехом. К плите, петляя между развалинами, подошла БМП полковника. Потапов вылез из командирского люка и, бросив короткий взгляд на редкие комья смерзшейся земли, вылетающие из-под кирок, приказал Ермакову:

– Взрывай!

– Но позвольте, господин полковник! – У Сеницына расширились глаза. – Ведь это святыня! И не только для лигов! Вы не можете так поступить, это же ужасно!

– Ужасно будет заночевать возле этой вашей святыни! – зло отрезал Потапов. – Вы что, не видите? Город далеко не пуст! Через час вокруг будет тьма кромешная! И так бы успеть уйти. Капитан! – он сверкнул глазами на Ермакова. – Ты еще здесь?!

Через пять минут вокруг плиты заложили заряды, и люди поспешили отойти на безопасное расстояние.

– Давай! – скомандовал Ермаков.

Боец прокрутил рукоять подрывной машинки и вдавил кнопку. Через гермошлем противогаза грохот от взрыва прозвучал глухо и неубедительно. Куски расколовшейся надвое мемориальной плиты вперемишку с обледелой землей взлетели в воздух. Сеницын бросился было

собирать обломки, но Ермаков поймал его за локоть и настойчиво потащил за собой к неглубокой воронке.

– Перестаньте, профессор, сейчас не время для бессмысленных церемоний!

– Господин полковник, тут что-то есть! – Один из бойцов разгреб вывороченную землю. –

Похоже, контейнер.

Он неуверенно ухватился за угол маленького серого цилиндра, на треть торчащего со дна воронки.

– Он каменный вроде, – удивился боец.

– Извлечь! – рявкнул Потапов. – Быстро! И уходим! – Он побежал к БМП, на ходу бросив Ермакову: – Даю на все про все пять минут!

Боец взял кирку и в несколько ударов отколол кусок ледяной почвы с вмержшим в него цилиндром от дна воронки. Он бросил инструмент и с видимым усилием поднял контейнер.

– Тяжелый, зараза! Куда его, господин капи...

Неожиданно боец дернулся, и его слова перешли в хрип. Он выронил цилиндр и, судорожно хватая ртом воздух, пытался дотянуться руками куда-то себе за спину. Затем его колени подогнулись, боец медленно осел на землю и рухнул на утоптаный снег лицом вниз. Синицын, словно загипнотизированный, не мог отвести взгляда от короткого ржавого куска металлической арматуры, торчащего из спины бойца. Из-под разодранных краев скафандра темной лужицей, опоясывающей вонзившуюся в человеческую плоть железку, быстро выступала кровь. Тонкая струйка лениво потекла по грязной резине скафандра, и на снег упали первые красные капли.

– Лиги! – Раздавшийся в эфире крик вывел ученого из оцепенения.

Синицын побежал к лежащему человеку, совсем не понимая, чем же он сможет тому помочь. Что-то маленькое и очень быстрое промелькнуло в воздухе совсем рядом, и сзади раздался крик боли.

– Ложись! – заорал Ермаков и одним прыжком подмял под себя профессора.

Разом загремели автоматные очереди, взревела техника.

– Не двигайтесь, профессор! – раздался голос Ермакова, и тут же: – Свет! Прожекторы на развалины!

Капитан придавил его собой, стремясь максимально закрыть от врага своим телом, и дышать стало тяжело. Синицын попытался пошевелить головой и посмотреть вокруг.

Отовсюду со стороны многочисленных развалин к ним неуклюже бежали замотанные в грязные лохмотья люди, быстро заполнявшие собой окружающее пространство. Раньше ему доводилось видеть живых лигов лишь во время археологических рейдов, когда солдаты подгоняли к месту раскопок «свинарник», и выпущенные оттуда лиги-рабы под конвоем разбирали завалы и грузили ценные находки. Оборванные, грязные, изуродованные генетическими мутациями существа, язык не поворачивался назвать их людьми, вызывали у профессора лишь чувство жалости и сострадания, смешанное с брезгливостью. Однако сейчас все было совершенно иначе. Десятки, возможно, даже сотни лигов ринулись на людей, пылая ненавистью. Большие и маленькие, горбатые и тощие, с чудовищными уродствами, непропорциональными телами, с недостатком и избытком конечностей, и даже внешне похожие на полноценных людей – огромная толпа жаждала крови чистых. Почти все прямоходящие лиги были вооружены примитивным оружием, те же из них, кто мог передвигаться лишь на четвереньках, просто рвали вцепиться в людей зубами. Посреди толпы мелькали лучники, профессор разглядел пару арбалетчиков. Со всех сторон в солдат летели стрелы, копыя и камни. Лучи танковых прожекторов, скользящие по развалинам в сгущавшихся сумерках, выхватывали все новые и новые потоки лигов, вылезающих из недр раскаленных от холода руин.

В первое мгновение Синицыну показалось, что разъяренная толпа сметет людей в считанные секунды. Но автоматически-пулеметный огонь рейда, меланхоличным треском глухо про-

бывавшийся через гермошлем противогаза, делал свое дело. Метрах в тридцати от людей лиги спотыкались и падали, неуклюже кувыркаясь. Некоторые из них, наиболее живучие, пробегали еще несколько шагов, истекая кровью, густыми фонтанчиками бьющей из разорванной пулями плоти. Но потом и они падали в быстро багровеющий снег. Гулко застучала автоматическая пушка БМП, и в самом центре беснующейся толпы легла цепочка разрывов, разбрасывая во все стороны грязь, кровь и несущий смерть металл. Со стороны входного пролома вспыхнул прожектор идущей на помощь боевой машины с десантом на броне, замерцали вспышки автоматных очередей, и спустя несколько секунд лиги оказались под перекрестным огнем. Неожиданно оглушительно гроыхнул выстрелом танк, и на развалинах, кишащих лигами, расцвел оранжево-огненный цветок взрыва. В воздух полетели исковерканные тела вперемешку с землей и обломками кирпича. Вновь дробно застучали короткими очередями пушки БМП, перепархивая атакующую толпу, и треск автоматных очередей на секунду потонул в грохоте танкового выстрела. Наступление захлебнулось, и лиги отчаянно заметались в попытке укрыться от безжалостной смерти. Земля быстро покрывалась десятками неподвижных и бьющихся в агонии тел. В приглушенной гермошлемом какофонии боя стоны и крики умирающих были неслышны, и профессору казалось, что корчащиеся от боли лиги безмолвно открывают и закрывают рты, словно в жутком кошмарном сне. Старый ученый почувствовал, как по щекам текут слезы, и закрыл глаза.

– Отрезать их от развалин! – зычно прозвучала команда Потапова, перекрывая боевой радиообмен. – Прижать эту мразь к земле! Не давать подняться! Технике сосредоточить огонь на развалинах!

– Оставайтесь здесь, профессор! – услышал Сеницын голос Ермакова.

Капитан куда-то убежал, и дышать стало легче. Еще несколько минут ученый лежал, словно в забытии, потом грохот боя прекратился, сменившись какой-то возней. Возвращаться в реальность было омерзительно, но профессор усилием воли заставил себя открыть глаза и прислушался к радиоэфиру.

– ... «свинарник» правее! – Голос принадлежал полковнику Потапову. – Шевелитесь, если не хотите остаться здесь на ночь! И повнимательнее, чтоб никаких дебилов!

Оказалось, что вся техника, за исключением одной БМП, уже была здесь, освещая прожекторами залитую кровью и заваленную телами территорию монастыря. Посреди двора, под дулами автоматов, прижавшись друг к другу, стояло десятка три лигов. Несколько бойцов выдергивали их из толпы поодиночке, наскоро осматривали и задавали короткий вопрос. Если лиг отвечал более или менее разумно, двое солдат хватали его и заталкивали в стоящий рядом «свинарник». Если же умственное состояние лига не соответствовало минимальным требованиям, его отталкивали в сторону автоматным стволом.

– Вы в порядке, Николай Федорович? – Ермаков подошел к профессору, все еще лежащему на земле. – Герметизация не нарушена?

– Да, Миша, в порядке, – ученый медленно поднялся на ноги, – если, конечно, это можно назвать порядком...

– Вот, возьмите, – капитан протянул Сеницыну гранитный цилиндр. – Надо уходить, и чем скорее, тем лучше. – Он кивнул в сторону тягача и добавил: – Еще минут двадцать и будет совсем темно. Придется выходить из города на инфракрасных прожекторах. Хотя привлечь к себе внимание еще сильнее уже попросту невозможно.

Профессор двумя руками прижал к груди увесистый цилиндр и побрел к тягачу, стараясь не наступить на лежащие повсюду в пропитанном кровью снегу тела.

– Возвращаться назад будет гораздо проще, – машинально ответил он Ермакову, – дорога уже известна. Да и чего нам бояться? Вооруженных копьями инвалидов, терзаемых вечной болью...

– Эти инвалиды убили двух наших людей! – злобно зашипел эфир голосом Потапова. – И в городе полно этих кровожадных тварей! Внимание всем! Через пять минут уходим! Шевелитесь!

Синицын молча влез внутрь кунга, занял свое место и принялся разглядывать цилиндр. К чему бы ни привело то, что спрятано внутри, если оно может спасти этот изуродованный мир, корчащийся в муках боли, или хотя бы облегчить его страдания, оно должно быть найдено. Профессор смотрел на тщательно отполированную двести лет назад поверхность гранита, но перед глазами у него застыла картина монастырского двора, усеянного обезображенными мутациями телами, лежащими на густо залитом кровью снегу. Они просто хотели защитить свою святыню...

Тягач рванул с места неожиданно быстро, и профессор в который раз ударился гермошлемом о стену. Если бы не противогаз, уже давно бы разбил себе голову, попытался пошутить сам с собой Синицын, но это не помогло. Тяжелый осадок на душе саднил, словно лопнувший нарыв. Колонна возвращалась по собственным следам, механики-водители держали максимально возможную среди городских руин скорость, пытаясь как можно быстрее покинуть город. Тягач трясло, словно он ехал по огромной стиральной доске со встроенной функцией вибромассажа. Профессор вцепился руками в поручни и уперся ногами в пол, но даже это не спасало от зубодробительной тряски. Сидящие рядом бойцы чувствовали себя не намного комфортней, каждый держался за что мог, стараясь не вылететь из сидения. Ставшее привычным за время рейда постоянное наблюдение за местностью через перископы не проводилось. Впрочем, снаружи сейчас крошечная тьма, полковник приказал погасить любые огни, включая габаритные, и путь освещался только инфракрасными прожекторами. Интересно, есть ли у триплексов инфракрасный режим?

Оказалось, что есть. Как только колонна вышла на железнодорожные пути у Ярославского вокзала, тряска существенно уменьшилась и Ермаков немедленно приказал возобновить круговое наблюдение.

– Николай Федорович, сколько еще до выхода из города? – спросил капитан спустя четверть часа.

– Полагаю, мы уже пересекли Священную МКАД, – профессор представил себе карту, – но там практически сразу Мытищи, так что всего до границы зоны развалин где-то километров тридцать будет, если верить аэрофотосъемке.

Ермаков хмуро кивнул. Он по-прежнему выглядел крайне обеспокоенным, и тревога капитана передалась профессору. Понимая, что просто так Ермаков нервничать не станет, Синицын спросил:

– Миша, вас что-то беспокоит?

Капитан собрался было ответить, как вдруг что-то звякнуло, и практически сразу звук повторился.

– Черт! – выругался один из наблюдателей.

Ермаков резко обернулся к нему.

– Триплекс разбился, – доложил боец.

– И мой... – Второй наблюдатель правого борта тоже отстранился от перископа.

Удивленный профессор уже открыл рот, чтобы спросить, как может разбиться бронестекло, да еще в двух триплексах сразу, но не успел. Снаружи раздался взрыв, потом еще, и тишина за бортом сменилась густым стрекотом пулеметных очередей. В следующее мгновение где-то совсем рядом гроыхнуло, и тягач со всего размаху остановился и принялся крутиться вокруг своей оси на одном месте. Люди полетели на пол. Профессора сорвало с сиденья и вместе с цилиндром швырнуло куда-то в угол. Сверху на него упало чье-то тело, на лицевой щиток противогаза брызнула кровь.

– Подсолнухи!!! – Истошный вопль, словно ножом, вспорол эфир.

Тут же гроыхнуло снова, тягач вздрогнул и замер на месте, надрывно рыча двигателем и неровно подрагивая. Убитого сорвало с профессора и отшвырнуло в сторону. Рядом кто-то дико кричал от боли, крик одновременно пробивался через гермошлем и хрипел в головных телефонах, забивая радиоэфир близким сигналом. Профессор прижал цилиндр к животу и сжался в комок, плотнее забиваясь в угол. Он увидел, как кто-то из солдат открыл входной люк и попытался выскочить на улицу, но прямо в дверном проеме его швырнуло на крышку люка, тело неестественно поломалось и мешком вывалилось из кунга. Снаружи что-то ярко пылало, разбрасывая вокруг снопы искр и языки пламени, глухо гремели разрывы, прорезая темноту короткими вспышками. Эфир был заполнен паническими криками, обрывками команд, тонущих во всеобщей неразберихе, стонами и хрипами. Борта кунга мелко подрагивали, словно некто недовольный снаружи настойчиво стучал по ним кулаками, требуя впустить его внутрь, и стены прямо на глазах густо покрывались отверстиями. Синицын почувствовал, как кто-то схватил его за руку. Это оказался Ермаков. Капитан, вжавшись в пол, знаками показывал, что необходимо выбираться наружу. Профессор кивнул, и Ермаков быстро пополз к люку, пробилая дорогу между лежащими мертвыми телами. Синицын, прижимая к себе цилиндр, неуклюже карабкался за ним. Капитан, будто ящерица, выскользнул наружу и растворился в пылающей пожарами ночной тьме. Едва профессор дополз до дверного проема, как возникший из темноты Ермаков схватил его за подмышки, одним движением выдернул из кунга и, не отпуская, потащил к стоящему на прицепе «свинарнику». Они упали в снег, укрывшись за мощным колесом, и замерли. Капитан прислонил указательный палец к своему гермошлему на уровне рта, призывая сохранять тишину, и быстрым движением отключил встроенную в скафандр ученого рацию. Затем он ткнулся своим гермошлемом в гермошлем профессора, чтобы было слышно лучше, и сказал:

– Они прослушивают наш эфир. Говорим только напрямую. Готовьтесь, профессор, скоро надо будет бежать как можно быстрее!

Синицын кивнул и огляделся. Вокруг была крошечная тьма, посреди которой в свете мечущегося пламени замерла растерзанная колонна. Повсюду лежали трупы солдат. Головной танк был густо объят огнем, замыкающая колонну БМП и вовсе представляла собой один большой факел. Гигантские неровные тени скользили по снегу в безумной пляске перекрестных пожаров. У обоих тягачей были разорваны гусеницы, ведущие ролики все еще деловито вращались, подчиняясь работающим двигателям. Две уцелевшие БМП попытались укрыться за горящим танком и вели огонь, посылая штрихи очередей в темноту. Метрах в пятидесяти в развалинах вспыхивали взрывы. Ответного огня профессор не разглядел, а высовываться из своего укрытия ради выяснения обстановки он не рискнул.

– Почему в нас не стреляют? – спросил он Ермакова. – Вы их уничтожили?

Капитан криво ухмыльнулся:

– Мы их даже не видели. Броня наугад долбит. – Он достал какой-то прямоугольный предмет и что-то воткнул в его торцевую часть. – А не стреляют в нас потому, что не хотят зацепить «свинарник».

– Им нужны пленные? – догадался старик.

– Угу, – кивнул Ермаков, – и бочка с топливом. Но у меня есть для них сюрприз.

Он чем-то щелкнул, и на предмете в его руках загорелся тусклый огонек.

– Что это? – поинтересовался Синицын.

– Прилипающая мина. Ждите здесь. – Он снова растворился в темноте.

Оставшись один, профессор сразу почувствовал страх. Ему казалось, что со всех сторон в него впились глазами сотни безжалостных кровожадных подсолнухов, которые только и ждут, когда он покинет спасительную тень «свинарника». Синицын вжался в колесо и замер, стараясь слиться с местностью. Пытаясь не шевелиться, он всматривался в темноту, силясь обнаружить затаившихся врагов. В какой-то миг ему показалось, что он увидел, как белый силуэт,

полностью сливающийся со снегом, стремительно и бесшумно промелькнул совсем рядом со «свинарником». Старик даже перестал дышать от охватившего его ужаса, но, присмотревшись, понял, что скорее всего это мечущиеся по снегу тени сыграли с ним злую шутку.

Рядом раздался тихий шорох, и Сеницын обмер. Из темноты появился Ермаков.

– Порядок, – сообщил он. – Теперь бежим. Вы готовы?

Ученый лишь судорожно закивал. Капитан забрал у него цилиндр и помог подняться.

– Бегите за мной, как только можете, – он крепко взял профессора за локоть, – если повезет, успеем добежать до БМП, пока нас не пристрелят, или пока БМП не уйдут. Странно, что они до сих пор еще здесь.

С этими словами капитан рванул бегом, таща за собой ученого. Сеницын побежал что есть силы, но уже через двадцать метров возраст беспощадно заявил о себе, и старик упал на снег, судорожно хватая ртом воздух. Ермаков взвалил его на себя и побежал, пытаясь пригнаться на ходу. Волею Шаро Предрекей в них никто не стрелял, и болтающийся на капитанском плече Сеницын успел даже подумать, а отчего же действительно БМП давным-давно не ушли отсюда куда подальше на полном ходу.

Они успели практически в последний момент. Едва Ермаков с профессором на плечах выскочил к БМП, его чуть не застрелили свои же. Человек десять бойцов залегли возле боевых машин в ожидании противника, пока двое танкистов, прижимаясь к броне, ковырялись с ходовым прожектором инфракрасного диапазона. Один из них развернулся к десанту и коротко махнул рукой. Солдаты тут же вскочили и быстро принялись грузиться в БМП. Сеницына, не церемонясь, просто забросили в десантное отделение. Боевая машина вздрогнула и рванулась с места. Судя по доносившемуся сзади реву двигателя, вторая БМП шла за ней след в след.

– Чертовы твари, видимо, вели нас от самого вокзала! – произнес кто-то из бойцов, обращаясь к соседу.

– Сколько их было? – спросил второй.

– А кто их знает, – хмыкнул первый, – на тепловизоре, говорят, пять отметок мелькнуло...

– Повезло, – констатировал второй, – мало их было, вот мы и вырвались.

– Ничего, сейчас отсалютуем напоследок, – раздался голос Ермакова.

Капитан обнаружился возле десантного люка. В руках у него был пульт дистанционного управления подрывом. Ермаков нажал на кнопку, но грохота взрыва не последовало. Вместо этого на пульте загорелся красный огонек.

– Твою мать! – выругался Ермаков. – Они сняли заряд! Когда только успели... – Он еще пару раз нажал на кнопку, после чего отбросил бесполезный пульт и окинул выживших взглядом. – А ведь мы в рубашке родились. От подсолнухов живыми уйти...

Он замолчал, и в десантном отделении воцарилась тишина, сопровождаемая нещадной тряской и глухим рокотом двигателей.

Президент Федотов обставил их возвращение с помпой. Пару обожженных БМП с измученными солдатами на борту встречали как героев, с транспарантами и торжественными речами. Погибшему Потапову посмертно присвоили генеральское звание, Ермаков вне очереди получил подполковника и потаповскую должность, все выжившие были отмечены наградами и повышенными продовольственными пайками. Даже родственникам погибших на целый месяц выписали полutorные нормы синтетического пищевого концентрата, чего обычно не делалось. Журналисты мгновенно выдали «на-гора» несколько очерков и статей, посвященных мужеству и героизму воинов Угличского ЦСГР, проявленному при разгроме подсолнухов. Одним словом, Президент лишний раз доказал свое полное соответствие занимаемой должности, эффективными действиями предупреждая волнения и недовольство среди населения, которые могли бы возникнуть, взгляни это самое население на происшедшее с другой стороны:

Центр за одни сутки потерял убитыми три десятка бойцов, лишился четырех единиц техники и полторы тонны горючего. Федотов настолько искусно сманипулировал общественным мнением, что благодаря разгромленному рейду его популярность только повысилась.

Но главным героем похода стал профессор Синицын, которого теперь называли не иначе как отцом-вдохновителем великой миссии, обнаружившей ключ к «Наследию» Великой Шаро. Президент лично назвал его корифеем исторической науки и светилом мировой величины.

Спустя час после окончания торжественной встречи Президент со своим ближайшим окружением стоял в лаборатории Синицына, где под руководством профессора ассистенты проводили вскрытие цилиндра. Гранитную стенку аккуратно надпилили с нескольких сторон, после чего применили молоток. Цилиндр раскололся. Среди его обломков обнаружилась запаянная в хрусталь небольшая платиновая пластинка с короткой строкой выпуклых цифр. Пластинку бережно извлекли и положили под электронный микроскоп, но никаких данных или скрытых элементов ни на ней, ни внутри нее не нашли.

– Кроме этих цифр, тут больше ничего нет, – наконец сдался ассистент, вот уже двадцать минут колдовавший над микроскопом.

– Хм... – Федотов, склонив голову набок, разглядывал надпись: – Это похоже на угловые координаты. Тридцать один градус, десять минут, ноль-ноль секунд. М-да, не очень-то информативно... а эти две буквы английские?

– Это северная широта! – заявил Синицын. – Это первая часть пары координат того места, где Шаро Предрекая спрятала свое «Наследие». В этом нет никаких сомнений!

Президент поморщился:

– И вы полагаете, что недостающая часть координат находится под подобной плитой в развалинах Лос-Анджелеса?

– Совершенно верно! – Глаза профессора вспыхнули. – Это был гениальный план Великой Шаро и доктора Уэйна, части координат закладывались под плиты в разное время, с разрывом в два десятилетия! Все было рассчитано именно на последующие поколения! Современники не должны были даже догадываться о «Наследии»! Его тщательно скрывали от ищущих «Сёрвайвинг Корпорэйшн»!

– Хочу напомнить вам, уважаемый профессор, что мы все, и вы в том числе, и вообще все, кто еще борется в этом мире за будущее, являемся потомками людей, составлявших эту самую «Сёрвайвинг Корпорэйшн», и обязаны ей своим существованием! – официальным тоном изрек Президент.

Синицын счел разумным не напоминать в свою очередь, что именно из-за деятельности злополучного концерна всем им и приходится теперь бороться за жизнь. Вместо этого он выдержал паузу и торжественно заявил, обращаясь к Федотову:

– Мы должны разработать план и снарядить экспедицию за второй частью координат! Мы на пороге величайшего открытия! Возможно, мы на пороге всеобщего спасения в масштабах планеты!

– Экспедицию за океан? Это гораздо проще сказать, чем сделать! – скептически усмехнулся Президент. – Да и найденная широта проходит от нас уж больно далековато. Самим не добраться. Значит, придется делиться... – Он замолчал и задумался.

– Но мы же не можем бросить все это на полпути! – воскликнул профессор. – Особенно сейчас, когда уже потрачено столько усилий!

– Разумеется, уважаемый профессор! – ответил Федотов. – Гибель наших людей не была напрасной. Но этот вопрос крайне серьезен, мы должны изучить детали, обдумать все нюансы и подробно спланировать наши действия. На первом этапе поручаю вам разработать предложения. Я официально разрешаю вам внеочередную запись на президентскую аудиенцию по этому вопросу. А сейчас мне пора идти.

Федотов попрощался и вышел, сопровождаемый свитой, оставив Синицына получать поздравления от многочисленных завистников, в одну минуту превратившихся в преданных друзей.

Вернувшись в свой кабинет, Президент вызвал начальника службы безопасности:

– Глаз со старика не спускать. – Федотов смотрел на силовика в упор так, что у того по спине побежали мурашки. – День и ночь, понял? Я должен знать о каждом его шаге, о каждой написанной им строчке, о каждом произнесенном слове.

– Слушаюсь, господин Президент! – Безопасник вытянулся в струнку.

– Табличку изъять и объявить государственной тайной. Выясни, кто успел запомнить цифры, и проследи, чтобы держали язык за зубами, на всякий случай.

– Есть!

Президент Федотов замолчал и принялся размышлять, глядя сквозь силовика невидящим взглядом.

– Ведь все равно узнают рано или поздно, – задумчиво пробормотал он с нотками досады в голосе. – Кто бы мог подумать, что все так обернется...

Федотов вновь поглядел на начальника службы безопасности:

– И организуй мне максимально закрытую линию связи с президентом ЦСГР «Русский Остров».

Часть первая

Москва, суббота, 28 сентября 2002 года, 22.45

Мобильник заверещал, как и положено, в самый неподходящий момент, когда какой-то нахальный тип на «Бэхе» нагло пытался вклинить между ней и впереди идущим «Мерседесом».

– Вот урод, второй раз уже! – Алена раздраженно ткнула рукой в кнопку клаксона и нажала на педаль газа, отчего автомобиль стремительно рванул вперед.

Наглец испуганно шарахнулся в сторону, а она чуть было не догнала мерседесовский зад. Новенький «Порш Кайен» оказался очень резвой машинкой, и Алена еще не успела толком привыкнуть к его мощи. Пришлось срочно давить на тормоз, отчего автомобиль резко сбросил ход. Сзади немедленно зазвучали возмущенные трели сигналов, вплетаясь в переливы мелодии орущего мобильного.

– Вы что, сговорились все что ли? – поморщилась Алена, нащупывая рукой телефон, валяющийся где-то под сумочкой, брошенной на соседнее сидение.

Тип на «Бэхе» поравнялся с ней и принялся сверлить недовольным взглядом тонированное стекло, пытаясь выразить ей свое возмущение, одновременно с удивлением разглядывая незнакомую машину.

– Что уставился, болван? – усмехнулась Алена. – Машины не видел, что ли? – в этот момент мобильник все-таки нашелся, и она извлекла его на свет божий. – Через год насмотришься!

Она утопила педаль в пол, и «Кайен», взревев турбинами пятисотсильного двигателя, словно ураган, умчался вперед. Старенькая «Бэха» третьей модели осталась позади, словно и не двигалась вовсе.

– Тоже мне гонщик! – Алена бросила ленивый взгляд в зеркало заднего вида.

«Кайен» был подарком отца на ее недавний двадцать третий день рождения. В массовую продажу этот автомобиль поступит только в новом году, но как сказал отец, передавая ей ключи, избранное для избранных. Его друзья из «Порше» были счастливы поспособствовать ему с организацией этого подарка. Ну еще бы, улыбнулась она, у отца влиятельные друзья по всему миру, и все неизменно становятся счастливы, когда им представляется возможность угодить господину Рогожину. День рождения тогда удался на славу, отец, не изменяя своим правилам, сделал его еще шикарнее предыдущего.

Мобильник продолжал упрямо названивать, раздражая настойчивостью и отвлекая от приятных воспоминаний. Алена сбросила вызов, не глядя на определитель. Этот номер специально предназначался для того, чтобы давать его не особо нужным людям, и у нее сейчас было желание разговаривать ни с кем из них. Она проехала мимо здания МИДа и перестроилась в правый ряд, готовясь повернуть на Новый Арбат. Мобильник зазвонил снова. Это было уже слишком. На ночь глядя мог названивать только кто-то из бесконечной массы поклонников, наперебой вылизывавших пятки наследнице огромного состояния. Для серьезных людей существовал совсем другой номер.

Ну что ж, дружок, тебе не повезло, многообещающе ухмыльнулась Алена, у меня сейчас очень, очень плохое настроение. Так что ты как раз вовремя. Она поднесла мобильник к уху, нажимая на кнопку ответа.

– Добрый вечер, Алена Викторовна, – давно знакомый и давно уже немолодой голос был, как всегда, невозмутим, – вы снова забыли свой телефон?

«М-да, – подумала Алена, – на этот раз стоило взглянуть на определитель».

– Ой, Виталий Федорович! – Спрашивать, откуда начальник службы безопасности отцовского Холдинга знает ее номер, было по меньшей мере несерьезно. Порой ей казалось, что

старый отставной генерал ФСБ знал вообще все и обо всех. – Я не думала, что это вы! А разве мой телефон не со мной? Меня папа потерял?

– Виктор Александрович хотел напомнить вам о завтрашнем приеме в американском посольстве, но вы дважды не сняли трубку, – все так же спокойно отвечал генерал. – По моим данным, ваш телефон находится в офисе и за прошедшие сутки не покидал своего местоположения. – В голосе старика послышались веселые нотки.

– Спасибо, Виталий Федорович! – засмеялась Алена. – А я думала, чего мне сегодня с утра не хватает!

Положа руку на сердце, «с утра» – это, конечно, преувеличение. После вчерашней тусы она проснулась около трех часов пополудни, еще час валялась в кровати, потому что вставать было откровенно лень. Затем, сделав титаническое усилие, она все-таки встала и поехала в спалон, принадлежащий одной из многочисленных приятельниц, где вместе с ней и скоротала вечер, принимая всевозможные процедуры, после чего вернулась домой. Стоило подобающе одеться для вечерней тусовки. И вот теперь, когда она уже выехала в клуб, выясняется, что она забыла свой телефон в офисе еще в пятницу днем. Алена разочарованно вздохнула, глядя на пылающие разноцветными волнами неона вывески, ярко освещающие ночной Арбат. Телефон надо забрать сейчас, пока она про него еще помнит. Иначе завтра отец снова ее не найдет. А это уже нехорошо, проявлять подобную некорректность по отношению друг к другу в их маленькой семье из двух человек считалось весьма дурным тоном. Алена нажала на газ, и притягивающий к себе со всех сторон завистливо-любопытные взгляды «Кайен», взвизгнув покрывками, сорвался с места, стремительно набирая скорость.

Виталий Федорович, как всегда, позаботился обо всем заранее. Двери подземного гаража уже были открыты, и около них ее машину встречал охранник. Алена подъехала к лифту чуть ли не в плотную и бросила автомобиль посреди пустой парковки, гордо прошествовав в открывающиеся двери под взглядом многочисленных видеокамер. Охранники ночной смены, дежурящие за мониторами системы видеонаблюдения, наверняка уже сломали себе все глаза, пялясь на нее. На такую ерунду она давно уже не обращала внимания, мужики до дыр истирали себе глаза о ее миниатюрную точеную фигуру повсеместно и ежесекундно. Тем более сейчас, когда она соответствующим образом подготовилась к предстоящей тусовке. Вчера так вообще был прямо-таки парад неудачников от эстрады, и продолжение не заставит себя долго ждать. Да, сегодняшняя ночь обещает быть интересной, в понедельник можно будет написать статью для своей колонки. Хотя нет, лучше в воскресенье, если удастся пораньше сбежать с этого нудного приема в американском посольстве. По горячим следам пишется намного веселее.

Лифт мелодично звякнул, сообщая о прибытии на восьмой этаж. Центральный офис крупнейшего в стране медиа-холдинга «Independent Media Group» полностью занимал огромное четырнадцатизэтажное здание в центре Москвы. Единственный действительно независимый конгломерат неподконтрольных правительству средств массовой информации, объединяющий радиостанции, прессу и интернет-ресурсы, созданный ее отцом. Это был подлинный оплот демократии в тоталитарной России, как часто отзывались о нем американские коллеги. В состав Холдинга входило почти два десятка медийных компаний, и с такой информационной мощностью приходилось считаться всем, включая правительство. Иметь в списке своих недругов самого Рогожина не улыбалось никому, и власть имущие официально дружили с ним, хотя ни для кого не являлось секретом, что «Ай-Эм-Джи» для правящих кругов стала костью в горле. Но подобраться к медиамагнату было решительно невозможно, Рогожин слыл кристально честным человеком, принципиально не занимающимся ни политикой, ни сомнительными аферами. Его Холдинг освещал любые события беспристрастно и без купюр, за что и снискал уважение не только за рубежом, но и в кругах отечественных журналистов, не боящихся проводить дерзкие и отчаянные расследования. Каждый профессионал информационного поля знал, что

«Ай-Эм-Джи» всегда опубликует материал, который на корню зарубит любой государственный или подконтрольный ему медиаресурс. Алена гордилась отцом, и имела на то все основания. Работать в Холдинге хотели бы тысячи, но такая возможность предоставлялась только лучшим специалистам в своем деле.

Окончив журфак МГУ, Алена вот уже год вела колонку гламурной хроники в популярной интернет-газете рунета «Мнение. ру», на правах рядовой журналистки. Так пожелал отец, он считал, что она должна узнать всю подноготную медиабизнеса, прежде чем занять руководящую должность. В общем-то, она была с ним согласна, да и работа не напрягала: тусишь весь уик-энд, после чего выдаешь едкую статью о том, как очередное ничтожество из бомонда в очередной раз опозорилось. С соответствующими комментариями. Это было даже весело. На следующий год Алена планировала стать главным редактором «Мнения», а через пару лет у нее накопится достаточно опыта, чтобы возглавить какую-нибудь более серьезную структуру Холдинга. Кстати, именно отец предложил ей в свое время взять фамилию матери, чтобы злопыхатели имели на одну возможность меньше, тыкая в нее их семейным родством. Мудрая мысль, к тому же «Алена Шаройкина» – неплохо смотрится в качестве авторской подписи. Папа распланировал все до мельчайших подробностей, и не было смысла не доверять его чутью. Рогожин, истинный гений бизнеса, никогда не ошибался, предпочитая медленному, но гарантированному движению вперед смелые и рискованные решения. Завистники в личине друзей всегда удивлялись его умению продвигать, казалось бы, абсолютно безнадежные проекты на уровень передовых продуктов, приносящих колоссальные прибыли. Каким образом он заранее был уверен, что проект найдет инвестиции и соберет единомышленников, не мог понять никто.

Двери лифта открылись, и она вошла в прихожую «Мнения», занимавшую на этаже почти все западное крыло. Дежурный охранник, увидев ее, подскочил и вежливо поздоровался. Алена кивнула в ответ и направилась к своему офису. В офисе горел свет, и она удивленно огляделась, окидывая взглядом многочисленные столы, заставленные всевозможными компьютерами, принтерами, факсами, копирами и прочей оргтехниккой. Трудоголик, вкалывающий в поте лица в полдвенадцатого ночи в субботу, обнаружился в самом углу. Сутулая фигурка в огромных очках ожесточенно долбила пальцами по клавишам, ни на секунду не отрывая взгляда от монитора.

– Стасик?! – удивилась Алена. – Ты-то что тут делаешь?

Кстати о лучших специалистах в своем деле. Стасик Орешников работал во «Мнении» вот уже два года, и Алена решительно не понимала, за какие такие заслуги он получил эту работу. Кажется, она что-то слышала про благотворительность Рогожина в отношении перспективных выпускников детских домов для детей с ограниченными физическими возможностями. Что-то там у Стасика было жутко не в порядке не то с сердцем, не то еще с чем-то. В любом случае особой перспективности за год она в Стасике так и не заметила, если не считать его абсолютной безотказности по отношению к коллегам. Маленький, хилый и лопоухий, в очках с вечно ободранной дешевой оправой, Орешников был законченным добряком и тюфяком. Любой сотрудник знал, что если тебе лень зависать после работы, чтобы откопировать или отсканировать пару-другую сотен страниц, или нет никакого желания перетечь куда-то по пробкам через весь город на какое-нибудь совершенно бестолковое интервью, то можно чисто по-дружески попросить Стасика о помощи, и тот с радостью сделает все за тебя. В результате Орешников вечно носился со всякой ерундой, словно самолет-неудачник. За что его все и любили, не упуская, правда, случая посмеяться над Стасиковым талантом журналиста. В этом плане Орешников был неповторим. Он специализировался строго на журналистских расследованиях, гремевших разоблачениями разнообразных негодяев вселенского масштаба. При виде его статей главред заранее хватался за голову, а весь офис замирал в предвкушении грандиозной хохмы. Одно только его расследование геноцида камчатских черепашек стало дежурным анекдотом на протяжении последних четырех месяцев.

– А?! Что?! – Стасик аж подпрыгнул от неожиданности. Стул перевернулся, и Орешников грохнулся на пол: – Ай, блин!

Алена не смогла удержаться и засмеялась.

– Алена! Ты меня так напугала! – Стасик выбрался из-под стула и поднялся на ноги.

– Что, страшно? – Орешников на глазах залился краской и стал похож на помидор. – Думал, что враги из очередного мирового заговора нашли тебя? – Она снисходительно рассматривала нелепую фигурку, мгновенно съжившуюся под ее взглядом. – Что ты делаешь в офисе в субботнюю ночь, Стасик? Снова спасаешь мир? А может быть, у тебя просто проблемы с девушками?

– Зря смеешься, – обиделся Стасик, – дело очень серьезное! Это крупнейший мировой заговор со времен создания ФРС США! Масштабы просто грандиозны, это намного больше, чем даже убийство Кеннеди! Я наткнулся на него совершенно случайно!

– Ага, масоны, евреи и инопланетяне, – понимающе закивала Алена, направляясь к своему столу, – вновь над миром нависли тучи смертельной опасности! И только одинокий герой в ободренных очках способен спасти эту заблудшую планету!

Она принялась разбирать ворох бумаг на столе в поисках забытого мобильного.

– Между прочим, Виктор Александрович лично дал мне добро заниматься этим делом, – с гордостью отвечивал Стасик, – в отличие от некоторых, он всегда видит скрытый потенциал каждого своего сотрудника.

– Ого! Ты был на приеме у отца?! – Алена сделала круглые глаза. – И тебя к нему пустили? Удивил, удивил... Не скрою... – ее «Верту» нашелся в верхнем ящике стола, как ни странно, но аккумулятор сохранил еще почти половину заряда. – Стасик, ты растешь прямо на глазах! – Дисплей мобильного был усыпан пиктограммами всевозможных пропущенных вызовов. – Что же такое ты ему сказал?

Стасик попытался заважничать, отчего стал выглядеть еще забавнее, чем обычно:

– Я нащупал мировой заговор некой тайной группы очень могущественных лиц, ставящих своей целью захват продовольственных рынков всего мира!

– О! Круто! – воскликнула Алена. – Ну и как, долго щупал? – Надо же, за те сутки, что телефон пролежал в столе, ей, похоже, успела позвонить вся Москва и часть Европы. Даже электронная почта пришла.

– Ты, как всегда, в своем репертуаре! – Похоже, Стасика ее выпад совершенно не задел. Он продолжал светиться сознанием собственной значимости. – А вот ты знаешь, к примеру, что такое ГМО?

Алена уселась в свое кресло и принялась разбираться с пропущенными вызовами:

– Ну, слышала что-то такое. Новые биотехнологии и прочее. Рекомендовано Институтом питания РАМН и так далее. Я не поклонник рекламных роликов. – Отец действительно звонил ей дважды, теперь перезванивать уже некрасиво, время позднее, но надо обязательно отправить смс. – А что, злобные негодяи хотят вывести из страны чудо достижений нашей науки?

– Наоборот! – воодушевленно воскликнул Стасик, видимо, ему очень хотелось поговорить с кем-нибудь о своем намечающемся подвиге. – Это часть заговора! ГМО создано для установления контроля над миром! Я тебе потом расскажу подробности, ты ужаснешься! А сейчас мне надо вернуться к компу, у меня он-лайн с моим тайным источником! – Он бросился поднимать лежащий на боку стул.

– О, да! – скривилась Алена. – Два придурка нашли друг друга. – Среди пропущенных вызовов был звонок от Ксюши Собчак. Они еще в четверг договаривались, что встретятся сегодня в «Цепелине», но из-за этой эпопеи с забытым телефоном придется опоздать. – В интернете каждый второй жирный извращенец либо прекрасная блондинка, либо свидетель заговоров. Ты поинтересуйся у своего источника, не похищали ли его инопланетяне? Воз-

можно, он пострадал от их жестоких экспериментов. Сейчас у марсиан в моде, кажется, анальное зондирование?

– Зря ты так, Алена, – Орешников укоризненно покачал головой, – он дает весьма ценные сведения, и сильно рискует, связавшись с нами...

Стасик еще что-то бормотал, погрузившись в он-лайн, но Алена его уже не слушала. Первым делом надо было написать сообщение отцу. Он находился в деловой поездке в США, и на завтрашнем посольском приеме ей предстояло одной представлять «Ай-Эм-Джи». Алена быстро набрала текст: «Папочка, прости, что не ответила, забыла телефон. Завтра буду вовремя и во всеоружии. Люблю тебя и целую» и, вставив пару смайликов, нажала кнопку отправки. Несколько минут она просматривала пришедшую электронную почту и отправляла смски в ответ на пропущенные звонки, выбирая достойных адресатов.

– Алена! – смущенный голос Орешникова спас ее от тягостных размышлений на тему отвечать или не отвечать слишком назойливой подруге. – Можно мне воспользоваться твоим компьютером? Всего на одну минуту!

– А свой ты уже сломал?

– Двенадцать ночей, – Стасик виновато развел руками, – интернет отрубили. Круглосуточный доступ только у тебя и у главреда. Только его кабинет закрыт...

– И часто ты сидишь по ночам за моим столом?! – набросилась на него Алена.

– Нет-нет! Что ты! – съежился Стасик. – У тебя БИОС паролем заперт. А у главреда пароль все знают, да и кабинет у него всегда открыт, я даже не знаю, как его закрыли, вчера вечером он открыт был, а сегодня у главреда выходной, на работе его не было, – тараторил он. – Прямо невезение какое-то! – Стасик умоляюще посмотрел на Алену. – Ну, пожалуйста, Аленочка, только на одну минутку! Мне надо хотя бы предупредить свой источник, что все в порядке, ведь меня выбросило из чата без всяких объяснений! Вдруг он испугается и больше не выйдет на связь! Я без него провалю расследование, а мне Виктор Александрович лично доверил! Аленочка, ну пожалуйста, я все, что хочешь, для тебя сделаю!

– Тебе придется встать в очередь, – отрезала Алена, – знаешь, сколько вас таких, желающих все для меня сделать! – Однако Стасик выглядел так жалобно, словно мокрый воробей, сжавшийся в комочек на подоконнике под холодным проливным дождем, что Алена смирившись. – Ладно, работай, Шерлок Холмс-самоучка.

Она ткнула пальцем в кнопку запуска компьютера.

– Спасибо, Аленочка, я твой должник! – Стасик просиял и рванул за стулом. – Ты не представляешь, как меня выручила! Вот увидишь, это будет разгромный материал, Виктору Александровичу не придется жалеть о проявленном ко мне доверии!

Алена набрала пароль и с подозрением уставилась на огромный термос, который двумя руками тащил Стасик, пиная ногой офисный стул на колесиках в направлении ее стола.

– А это еще что? – поинтересовалась она, взглядом указывая на термос.

– Два литра крепкого горячего кофе! – отпартовал Стасик. – Я заранее подготовился к сегодняшнему сеансу связи с источником! Даже специально выспался днем!

– К сеансу связи? – Алена хихикнула. – А вы не пробовали со своим источником пользоваться псевдонимами? Для повышения секретности? Ну, там, Юстас – Алексу, например?

– Разумеется, мы ими пользуемся! – не понял подколки Стасик. – Это же чрезвычайно опасное расследование, тут ни в коем случае нельзя засветиться, слишком могущественные силы вовлечены! Раздавят, и следа не останется. Гуру сообщил, что погибло уже очень много людей, так или иначе выходивших на след заговора! Он и со мной-то согласился работать только после того, как узнал, что я сотрудник Холдинга самого Виктора Рогожина. Если кто-то и решится опубликовать всю правду, то только Виктор Александрович. Все остальные либо слишком слабы, либо подконтрольны заговору!

– Кто-кто сообщил? – подняла брови Алена. – Гуру?!

– Ну да! – Компьютер загрузился, и Стасик водрузил термос на край ее стола, после чего влез в кресло и неуклюже придвинулся поближе к столу, с опаской потянув к себе клавиатуру. При этом он искоса поглядывал на Алену, словно ожидая подвоха. – Такой псевдоним у моего источника! Ты же понимаешь, он вынужден скрывать свою личность!

Стасик принялся заходить в приват-чат на одном из многочисленных почтовых серверов. Алена с любопытством пригляделась.

– О! – едко воскликнула она. – Да ты у нас Крепкий Орешек?!

Стасик густо покраснел еще быстрее, чем в первый раз.

– Ну... Я... Это... – Стасик окончательно смутился. – Я думал, что псевдоним должен быть созвучен фамилии и при этом отражать внутренние качества...

– Значит так, Крепкий Орешек! – засмеялась Алена. – Убирай свой термос со стола, и упаси тебя бог, если я завтра найду на своем столе хоть каплю беспорядка, я тебя убью раньше, чем до тебя доберутся злые Хитманы твоих заговорщиков!

– Так ведь завтра же воскресенье! – поправил Стасик, но тут же натолкнулся на ее взгляд, и термос со стола как ветром сдуло. – Все будет в идеальном порядке, Аленочка, я клянусь! – Он забарабанил по клавишам и облегченно вздохнул: – Слава богу, Гуру еще здесь!

Алена закатила глаза. Стасик был явно неисправим, одни только камчатские черепашки чего стоили, а вот теперь он добрался и до мирового заговора... Бедный главред!

В этот момент зазвонил забытый мобильник, и определитель номера выдал надпись «Ксюша Собчак».

– Алло! – сняла трубку Алена. – Привет, Ксю!

– Аленка, где тебя носит? – поинтересовалась Ксения. – Я уже в «Цепе», между прочим. Ты чего не берешь трубку?

– Я мобилку в офисе забыла, пришлось возвращаться, – Алена поднялась с кресла и пошла к выходу, – уже выезжаю к тебе.

– А я уж подумала, что ты шифруешься! – с ехидцей поддела ее Собчак. – Трубки не берешь, от Игоря своего все скрываешься!

– Ну уж нет! – заявила Алена. – Все, с Игорем покончено. Больше никаких самодовольных и самовлюбленных уродов, я начала новую жизнь из сплошных радостей!

– Давно пора! – одобрила Ксюша. – Давай подъезжай, не то пропустишь чего интересного. Тут уже шоу покемонов в разгаре.

Алена положила трубку и вышла. Закрывшаяся дверь заглушила дробные щелчки компьютерной клавиатуры. Охранник вызвал ей лифт и пожелал доброй ночи. Внизу оказалось, что ее «Кайен» уже стоит мордой на выезд, а у входных ворот подземного гаража, как всегда, ждет охранник. Люди Виталия Федоровича свое дело знали. Алена села за руль и улыбнулась, вспомнив излюбленную отцовскую фразу: «избранное для избранных». Она нажала на педаль газа, и тишину ночного гаража разрезал оглушительный визг покрышек.

– На улице конец сентября, а ощущение такое, будто ноябрь заканчивается! – Алена сделала небольшой глоток мохито. – Плюс десять и дождь, просто замечательно.

– Не бархатный сезон, – согласилась Ксения.

Для разнообразия они решили на время покинуть свой столик в ВИП-зоне и теперь сидели за барной стойкой у танцпола, лениво обсуждая окружающую тусовку, словно сытые львицы, что в полудреме наблюдают за пасущимся неподалеку стадом антилоп. В качестве развлечения девушки наметанным глазом выцеливали в толпе наиболее нелепых персонажей и неторопливо разбирали их с головы до ног. Как всегда, спокойно поболтать более пяти минут не удавалось, ибо народная тропа к ним не зарастала. Множеству людей было прямо-таки жизненно необходимо хотя бы двумя словами, но перекинуться с дочерью влиятельного олигарха и ее не менее знаменитой подругой. Кто-то подходил просто поздороваться (но чаще – обра-

тить на себя внимание), кто-то спешил засвидетельствовать свое почтение (но чаще – просто вылизать зад), и каждый второй стремился облить грязью предыдущего собеседника. Особенно бесили Алену «рублевские любовницы», в изобилии снующие по «Цеппелину», все как одна выраженные по одинаковой моде и шлепающие одинаковыми губами, перекачанными силиконом настолько, что порой у нее возникало ощущение, будто кто-то вывернул этим девицам губы наизнанку. Настроения общаться со всей этой нудной массой ненужных людей сегодня не было совсем, и Алена отвечала на одни и те же глупые вопросы неохотно и односложно. Зато Ксюха была в ударе, и неудачники отскакивали от них, словно теннисные мячики от ракетки. Иногда это получалось у нее настолько блестяще, что Алена не скрывала ироничной улыбки, глядя на очередную оконфузившуюся жертву. Вечер складывался превосходно, материал для колонки копился сам собой.

– Еще один! – усмехнулась Ксения, указывая взглядом на появившегося на горизонте парня. – О! Прямо-таки эксклюзивный вариант!

– Думаешь, к нам? – Алена разглядывала приближающегося модника, чувствуя, как внутри нее назревает бурный приступ хохота. – Что это у него на ногах? Я вижу то же, что и ты, или у меня что-то со зрением не так?

Поглядеть было на что. К ним с чрезвычайно важным видом приближался мужчина лет тридцати в синих брендовых джинсах и модной рубашке, тщетно пытающейся скрыть объемистое брюшко. Откормленные щеки на плечах, нестриженная шевелюра в укладке – ничего необычного, стандартный вариант за одним небольшим исключением. На ногах у загадочного мистера красовались женские кроссовки ярко-золотого цвета.

– Хорошие башмачки, да? – улыбнулась в ответ Ксения. – Завидуешь?

– Обязательно бы завидовала, какой разговор! – Алена сделала серьезное лицо. – Только у меня уже есть точно такие же.

Тем временем сверхмодный дядечка уже был тут как тут и немедленно поразил подруг еще раз, обратившись к Алене на английском языке:

– Мисс Алена! Добрый вечер! Очень рад вас видеть! – расплылся в улыбке золотоногий. – Как здоровье господина Рогожина?

– Спасибо, все замечательно, – перешла на английский Алена, переглядываясь с подругой. – Простите, мы разве знакомы, мистер..?

– Арцибальд! Максимилиан Арцибальд! – важно представился золотоногий. – Но вы можете назвать меня просто Максимилиан, мы же договаривались, Алена, неужели вы не помните?

– Боюсь, что не припоминаю. – Акцент и ошибки в построении английских фраз начали ее веселить, и она подмигнула Ксении. – Будьте любезны, господин Арцибальд, освежите девичью память.

– Ар-тси-бальд! – наставительно поправил ее золотоногий. – Мы виделись с вами в Швейцарии, в прошлом году! Вы с вашим уважаемым отцом посещали мою всемирную выставку ювелирных изделий в Базеле!

– Вашу выставку! – подхватила разговор Ксюха, многообещающе улыбнувшись подруге. – Что вы говорите! Так это вы ее владелец? – Судя по ее виду, золотоногий только что подписал себе приговор. – О, это так интересно! – Она мгновенно стала само очарование. – Вы, наверное, очень богатый и знаменитый человек! – Тут Ксюха задумчиво наморщила лобик. – Странно, я регулярно слежу за новостями ювелирного цеха, но почему-то не могу вспомнить вашу фамилию среди учредителей Базельской выставки...

– Формально выставкой руководят другие люди, – заявил золотоногий, – на самом же деле все принадлежит мне. Это семейный бизнес, я – представитель древнего швейцарского королевского рода!

– Так вы – принц?! – Ксюха была сражена.

– Да, – скромно подтвердил золотоногий, – принц Арцибальд Швейцарский, к вашим услугам! – С этими словами он тут же потерял к Ксюше всякий интерес и обратил все свое внимание на Алену. – Жаль, что вы так и не вспомнили наше знакомство, Алена, но мы могли бы исправить эту досадную ситуацию! Я предлагаю встретиться завтра! Позвольте пригласить вас на ужин, а после покажу вам макет каталога новейших ювелирных изделий. В настоящее время я создаю на рынке новый бренд и решил назвать его «Максимилиан», в свою честь. Я с удовольствием назову самое роскошное бриллиантовое кольцо из первой коллекции вашим именем! Позвольте, я запишу номер вашего телефона?

– К сожалению, завтра я приглашена на прием в посольство США, – с подчеркнутой досадой ответила Алена, титаническим усилием воли запрещая себе гомерический хохот. Сохранению спокойствия изрядно мешала школьная программа по географии, из которой следовало, что Швейцария с XVIII века является федеративной республикой, а до того момента и вовсе не имела центральных государственных органов. – А разве вы не приглашены на прием, Ваше Высочество?

Ксюха тайком скорчила ей рожицу, и сохранять спокойствие стало еще труднее.

– Я прилетел из Цюриха три часа назад! – мгновенно нашелся принц. – Вероятно, мой секретариат еще не известил посла США о моем приезде в Россию. – Золотоногий снова сделался важным. – Но я могу пойти на прием вместе с вами! Вы произведете фурор, появившись в посольстве с особой королевской крови!

Ксения неторопливо трижды хлопнула в ладоши, изображая аплодисменты, и сказала по-русски:

– Bravo! Такой попытки я еще не встречала. – Она снисходительно покачала головой. – А я думала, что Ксению Собчак уже ничем не удивишь...

– Вы знакомы с Ксенией Собчак? – Золотоногий обратил свой королевский взор на Ксюху. – Передавайте ей привет!

– Вот это номер! – У Ксюхи брови поползли на лоб, и она немедленно перешла на английский. – Так вы тоже с ней знакомы?

– Разумеется! – надменно ответил золотоногий. – Мы с Ксенией старые друзья! Знаем друг друга еще с детства!

– Так это все меняет! – Ксюха незаметно прищурилась, подавая подруге знак. – Ваше Высочество, позвольте мне скрасить ваш завтрашний вечер, пока мисс Шаройкина будет страдать от скуки в окружении чопорных дипломатов! – Она изобразила обольстительную улыбку и томным голосом добавила: – Я всегда мечтала о знакомстве с принцем! Я обещаю вам очень, очень теплый вечер! – Ксюха многообещающе посмотрела на золотоногого: – Я очень темпераментная девушка! Вы покажете мне свой макет каталога? Я надеюсь, у вас очень большой... каталог! А позже к нам присоединится моя подруга Ксения Собчак, и мы вдвоем спасем нашу очаровательную Алену из лап официоза посольского приема! Позвольте, Ваше Высочество, я запишу номер вашего телефона?

– Какое восхитительное предложение! – светясь от восторга, воскликнула Алена.

– Разумеется, записывайте, – золотоногий поспешно засунул руки в карманы и стал демонстративно извлекать оттуда мобильные телефоны, – сейчас я найду нужный. К сожалению, я вынужден иметь множество телефонов, у меня бизнес по всему миру и приходится круглосуточно быть на связи... – Он выудил штук пять различных трубок и заявил: – Вот, это мой швейцарский номер, мисс...

– Анжелина! – с грудным придыханием ответила Ксюха, записывая под диктовку золотоногого цифры. – Ваше Высочество! Я буду с нетерпением ждать вас завтра в двадцать три часа на Поклонной горе у подножия величественной стелы! Это так романтично! словно серенада о любви, исполненная под луной бродячим менестрелем!

– Вы любите музыку, мисс Анжелина? – заулыбался золотоногий. – У меня дома отличное караоке, я с удовольствием исполню для вас несколько песен. У меня бесподобный голос, когда я пою, мне завидуют профессиональные певцы!

– Вы просто кладезь талантов, Ваше Высочество! – Ксюха сделала большие глаза. – А сейчас, с вашего позволения, нам с Аленой необходимо продолжить нашу приватную беседу.

– Это весьма важный разговор! – подтвердила Алена. – Увидимся завтра, Ваше Высочество, желаю приятно провести ночь!

Золотоногий секунду помялся и отбыл восвояси.

– Я тебя ненавижу, Ксюха! – завистливо прошипела Алена. – Ты отбила у меня мечту любой девушки! Это же был настоящий швейцарский сыр! Фу, блин... Принц!!!

Приступ смеха удалось подавить только минут через пять, когда от непрерывного хохота уже начало сводить мышцы живота. С трудом переведя дух, Алена спросила подругу:

– Что теперь станет с наследником швейцарского престола?

– Не знаю еще! – Ксюха вытирала выступившие от смеха слезы. – Для начала продержу этого идиота на Поклонной часика четыре-пять, а там придумаю. Такой способ съема я встречаю впервые. Это ж надо, принц Арчибальд Швейцарский, с русским акцентом!

– Ар-тси-бальд! – поправила ее Алена, и подруги вновь залились смехом.

В воскресенье Алена проснулась поздно и до самого вечера готовилась к посольскому приему. Ее надежды на скорое окончание мероприятия не оправдались, более того, прием затянулся до поздней ночи. Попав, наконец, домой, она сама не могла понять, каким чудом ей удалось выдержать всю эту официальную тягомотину и не сойти с ума от скуки. И как только отец выносит все эти протокольные мероприятия? Ведь у него их в месяц десятки. Настроения тусить не было, и Алена решила остаться дома и посидеть над статьей. Воспоминания о вчерашнем вечере были настолько забавны, что вдохновение нахлынуло на нее само собой. Она прекратила работу уже под утро, когда глаза стали упрямо закрываться от усталости. Алена решила, что закончит материал завтра в офисе, и легла спать.

Разбудил ее звонок менеджера косметического салона, вежливо сообщившей о том, что Алена опаздывает к назначенному времени, и уточнившей, надо ли им ждать госпожу Шаройкину, или ей будет удобнее перенести визит. Алена посмотрела на часы... четверть четвертого. Поздновато, однако. Она отложила спа на час и поплелась в ванную. Сонливость покинула ее только через полчаса, но, приехав в салон, она вновь чуть не уснула во время процедур. Желание заниматься чем-либо решительно отсутствовало, она набрала Ксюху, но, телефон подруга выключила, и Алена заставила себя поехать в офис. Незаконченный материал надо было все же доделать, и она рассчитывала, что рабочая обстановка в вечно гудящей редакции вернет ее настроение в деловое русло. А большего трудового энтузиазма, чем в центральном офисе Холдинга, найти было невозможно. В «Ай-Эм-Джи» даже самые небольшие отделы закрывались довольно поздно, многие сотрудники работали сверхурочно, что не только поощрялось руководством, но и оплачивалось по выгодным ставкам.

На этот раз в помещениях «Мнения» было особенно многолюдно, но почему-то на удивление тихо. Алена, привычно кивая в ответ на приветствия, подошла к своему рабочему месту и уселась в кресло, придирчиво осматривая поверхность стола. Так и есть. В правом углу красовался засохший кофейный отпечаток, оставшийся от доньшка кружки. Ну, Стасик, тебе конец. Хорошо хоть клавиатуру не залил. Алена встала и решительно окинула взглядом офис. Орешникова нигде не видно, наверное, кто-то уже послал его куда-нибудь вместо себя. Ничего, это не спасет тебя от возмездия, Крепкий Орешек, блин! Алена поморщилась.

– Что-то потеряла, Алена? – Анна Федосеевна, немолодой уже журналист, занимала рабочее место слева от ее стола. Вид у нее, обычно бойкой и жизнерадостной, сегодня был невеселый. – Я могу тебе чем-то помочь?

С Анной Федосеевной у Алены как-то незаметно сложились хорошие отношения. Женщина принадлежала к тому типу людей, что умеют найти общий язык даже с немым папуасом. Поэтому видеть ее без улыбки на лице было несколько непривычно.

– А где Стасик? – спросила Алена, вдруг отмечая, что вообще никто вокруг не улыбается, более того, все выглядят хмурыми и угрюмыми.

При этих словах работа в офисе замерла, и окружающие, словно по команде, уставились на нее.

– Ты же еще не знаешь! – спохватилась Анна Федосеевна. Она грустно кивнула в сторону орешниковского угла. – Стасик погиб. Разбился на машине. Завтра похороны.

Только сейчас Алена обратила внимание, что на столе Стасика лежат две гвоздики и зажжена небольшая свеча, отбрасывающая крохотный блик на фото Орешникова в рамке с черной ленточкой через угол. На фото лопоухий Стасик застенчиво улыбался, словно фотограф запечатлел его в момент, когда кто-то вешал ему на уши лапшу о крепкой дружбе с целью спихнуть на бедолагу очередную рутину. Скорее всего, так и было.

– Как же это могло произойти? – Настроение резко упало. Стасика было чисто по-человечески жаль. – Его «Оку» даже велосипедисты обгоняли...

– Несчастный случай, – горестно покачала головой Анна Федосеевна, – заснул за рулем. Он в субботу вечером пришел в офис поработать и засиделся до четырех утра. А когда ехал домой... – она достала платочек и аккуратно промокнула уголки глаз, – в общем, милиция уже тут побывала, провела расследование. Стасик заснул за рулем, машина набрала скорость, и произошло столкновение с препятствием. Он умер еще до прибытия «скорой». – Она замолчала, вновь вытирая слезы, и тихо добавила: – Алена, мы тут собираем средства на похороны, Стасик же из детдома, родственников у него нет...

– Да-да, конечно... – Алена вышла из оцепенения, с трудом осмысливая услышанное. – Холдинг возьмет на себя все расходы, я сейчас же свяжусь с помощником отца и дам указания...

Отец прилетит только завтра вечером, но согласовывать с ним подобное решение не имело смысла, он однозначно одобрит ее действия. Алена набрала номер его помощника и распорядилась немедленно организовать все необходимое.

Желание заниматься статьей пропало, и она некоторое время сидела, погрузившись в мысли. Взгляд сам собой возвращался к засохшему кофейному пятну. Да, Стасик, не помогли тебе твои два литра крепкого кофе. По мере раздумий Алена становилась все мрачнее. Вышло, что Стасик уснул за рулем именно из-за нее, ведь это она позволила ему просидеть в интернете до четырех утра. От подобных выводов ей стало совсем нехорошо. Она подошла к Анне Федосеевне и негромко спросила:

– А кто из милиции занимался делом Стасика? Есть такая информация?

– Да, один парень приезжал сюда и осматривал рабочее место Стасика, задал несколько вопросов. Сказал, что это необходимо для исключения версии о самоубийстве. – Анна Федосеевна сглотнула комок и тихо всхлипнула. – Он оставил свою визитку на всякий случай, – она протянула Алене небольшой картонный квадратик. – Приятный такой молодой человек.

Они еще немного обсудили обстоятельства этой ужасной трагедии, после чего Алена вернулась за свой стол и набрала номер с визитки. Трубку сняли практически сразу, и почти мальчишеский голос представился помощником следователя младшим лейтенантом Рукавишниковым. Алена назвалась коллегой погибшего Орешникова и милым голоском поинтересовалась, возможно ли ей поговорить с должностным лицом, ведущим его дело. Оказалось, что дело уже закрыто, и занимался им этот самый Рукавишников. Путем несложных манипуляций с неустойчивой к женскому полу подростковой психикой, Алена договорилась с помощником следователя о встрече на утро следующего дня и вновь погрузилась в невеселые мысли. Засох-

ший кофейный отпечаток неприятно притягивал взгляд, словно немое живое существо, молчаливо, но настойчиво требующее внимания.

Утро вторника выдалось пасмурным, холодным и дождливым. Алена уже отъезжала от здания отдела милиции, когда с ней связался референт отца и сообщил, что господин Рогожин будет лишь завтра утром. В связи с тяжелыми метеоусловиями командир экипажа настоял на том, чтобы отложить вылет. Отец всегда отличался здравомыслием и прислушивался к мнению пилотов своего самолета. Уж если летчики такого уровня настаивали на задержке вылета, стало быть, причины на то были действительно веские. Значит, отец прилетит завтра утром. Это даже на руку, теперь у нее будет больше времени, чтобы обдумать предстоящий разговор, а поговорить действительно было о чем.

Беседа с помощником следователя заняла почти три часа, первый из которых молодой человек с гордостью рассказывал о том, какой он сыщик-молодец. Он окончил милицейский вуз этой весной, но уже настолько поднатерел в следствии, что дело Орешникова вел самостоятельно, без помощи начальника, отчитываясь напрямую перед руководством. Жаль, что это всего лишь несчастный случай, он был готов справиться и с гораздо более серьезной задачей. Разумеется, это чисто риторическое заявление, сам он весьма сожалеет о постигшей Алену с коллегами утрате. Рукавишников буквально растаял при виде очаровательной брюнетки и болтал без умолку, Алене лишь оставалось направлять его рассказ в нужное русло. Вообще парнишка произвел на Алену вполне положительное впечатление. Пожалуй, слишком уж говорлив, а в остальном очень даже добросовестный молодой специалист. Несмотря на неоспоримые признаки несчастного случая, он тщательно провел все необходимые следственные действия. Опросил охранника, который последним видел Стасика в ту ночь, ближайших коллег и знакомых, квартирную хозяйку, сдававшую Орешникову угол где-то в Бибирево, досконально осмотрел место работы и жительства погибшего. Задавая вопросы, Алена удивленно хлопала глазками и демонстрировала сдержанное восхищение его профессионализмом, в результате чего тот позволил ей самой прочесть материалы крохотного дела, в том числе заключение патологоанатома. Алена осторожно удивилась, что вскрытие проведено столь оперативно, на что Рукавишников не без гордости ответил, что начальство делает на него ставку, как на перспективного сотрудника, и поэтому пошло ему навстречу. Даже при тщательном рассмотрении было ясно, что молодой помощник следователя провел это крохотное расследование предельно серьезно. Протоколы осмотра места происшествия, места жительства, рабочего места, фотографии, опрос лиц, так или иначе фигурировавших в деле, судмедэкспертиза, осмотр содержимого рабочего компьютера... Никаких предсмертных записок, ничего подозрительного в поведении. Все указывало на то, что Стасик сильно устал, в результате чего уснул за рулем и погиб. Тот факт, что никто не побеседовал с Аленой на предмет того, что она общалась с погибшим незадолго до трагедии, не вызвал у нее подозрений. Наверняка по указанию Виталия Федоровича дежуривший в ту ночь охранник просто скрыл факт их общения от милиции. Зачем было вешивать Алену в столь печальную историю, это могло вызвать ненужную шумиху в прессе. Все сходилась. За исключением одной мелочи.

Нигде не упоминался орешниковский термос. Его словно никогда и не существовало. Ни на работе, ни в разбитой в лепешку машине. Как не существовало и кофе в желудке трупа, и даже кружки в тщательно описанных ящиках его стола не значилось. Алена специально дважды перечитала заключение судмедэксперта. Выходило, что кофе Стасик в ту ночь не пил. Значит, термос в его руках ей привиделся? А кофейный отпечаток на столе возник сам собой. Что-то тут не сходилась. Она сильно сомневалась, что кто-то решился бы без разрешения хозяйничать за рабочим столом дочери Рогожина.

Алена посмотрела на часы. Похороны начнутся через час, и хоронить Стасика будут в закрытом гробу, он сильно пострадал в момент столкновения, а после еще обгорел. Она вне-

запно поняла, что не сможет вынести предстоящей церемонии, слишком жуткий осадок от всего этого лежал у нее на душе уже второй день. Алена развернула машину и поехала в офис.

В редакции было безлюдно: сотрудники либо на похоронах, либо под шумок улизнули по собственным делам. Это даже к лучшему, ей предстояло хорошенько подумать, и в данном случае уединенность только на пользу. Алена включила компьютер и по привычке бросила взгляд на правый угол своего стола. Пятна уже не было, видимо, уборщица вчера вечером протерла столешницу. Алена подошла к столу Стасика и на всякий случай осмотрела выдвижные ящики. Разумеется, ни термоса, ни кружки там не нашлось. Тогда она вернулась за свой стол и проделала те же операции у себя. Кружка пропала, стало быть, Стасик унес ее, когда закончил работу. Но в материалах дела она не значилась. Значит, кружка должна быть где-то здесь? Найти ободранную синюю кружку с облупившейся золотой надписью «Стас» в относительно небольшом помещении их отдела не представляло большого труда, однако преуспеть в поисках Алене так и не удалось. Кружки не было. Термоса тоже. Исчезнуть сами собой они не могли. Как бы фантастично это ни звучало, но вывод напрашивался только один: кто-то спрятал их еще до появления милиции. И делать это стоило лишь с одной целью – никто не должен был узнать, что Стасик выхлебал за четыре с небольшим часа два литра кофе. Но если все так, то мгновенно возникало огромное множество совершенно нереальных выводов. Выходит, это не несчастный случай? Авария была подстроена? Результаты судебной экспертизы сфальсифицированы? Все следы тщательно подчищены? Чуть ли не половина смены охраны, дежурившей в ту ночь, подкуплена? Или действовали супер-пупер ниндзя из голливудских кинофильмов, которых никто не заметил?

Сказать, что она в замешательстве, было бы явным преуменьшением. Кому мог перейти дорогу такое безобидное существо, как Стасик Орешников?! Да еще так, что на его убийство затрачены столь грандиозные усилия! Врагам камчатских черепашек?!

Алена только покачала головой. Стасик был последним человеком на планете, кто мог бы кого-то разоблачить. Его ночной «пресс-релиз» о мировом заговоре, опутавшем всю планету, и мистический Гуру, поставлявший сверхсекретную информацию, лишний раз доказывали, что Стасику еще долго вырастать из детских штанишек. Но, тем не менее, Стасик погиб, и обстоятельства его смерти оказались очень и очень «невыясненными». В любом случае стоит переговорить с отцом, как только он вернется в Москву. Она запустила браузер и зашла на «Майл.ру», собираясь проверить почту. Страница авторизации была настроена сохранять логин и пароль, и Алена, по привычке ткнув мышкой в кнопку «Войти», запоздало поняла, что видит в поле логина незнакомые символы. Почтовый ящик открылся с приветствием пользователю Крепкий Орешек. Эх, Стасик, Стасик, вздохнула Алена, Орешек, блин...

Среди кучи различного спама и писем, в основной своей массе крайне бестолковых, переписку Стасика с загадочным Гуру она нашла довольно быстро. Собственно, письмо от Гуру было всего одно. В нем он призывал Орешникова к осторожности и настоятельно просил больше не входить в сеть под своим именем и обо всех изменениях в графике их сеансов связи сообщать на указанный здесь же почтовый ящик, после чего этот самый ящик Гуру незамедлительно заменит. Похоже, источник Стасика менял почтовые ящики после каждого полученного от Орешникова письма. В качестве аргумента Гуру заявлял, что подобная неосторожность уже стоила жизни некоему журналисту, Исмаилу Шамоеву, с которым он пытался установить контакт полгода назад, а самому ему пришлось долгое время замечать следы. Алена еще раз перечитала письмо. Выглядело все как чистой воды параноидальный бред законченного сетевого психа. Только Стасик мог принять такое за чистую монету. Подобных спасителей мира было как селенок в банке на любом интернет-портале, объединяющем фанатов жутких мировых заговоров всех мастей. Странно только, что загадочный Гуру вполне конкретно указывал фамилию и имя якобы убитого врагами журналиста. Алена набрала в «Яндексе» данные и запустила поиск. К ее удивлению, запрос получил вполне конкретный ответ. Исмаил Шамоев

действительно был сотрудником одной заштатной желтой областной газетенки. Ничем выдающимся не прославился. Чуть больше пяти месяцев назад погиб в результате несчастного случая, редакция газеты выражает соболезнования родным и близким покойного. Ниже коротко указывалась причина смерти: парень возвращался ночью с рыбалки, заснул за рулем и разбился.

Алена откинулась на спинку кресла и потеряла занывший висок. Дело принимало недобрый оборот.

– То есть, ты полагаешь, что Орешников был убит, а несчастный случай есть не что иное, как грамотная имитация?

Отец сидел в своем рабочем кресле и задумчиво крутил в руках золотой «Паркер», отделанный бриллиантами.

Кроме него, в кабинете присутствовал Виталий Федорович, как всегда, молчаливый и незаметный, словно погруженный в свои мысли. При этом старому генералу спецслужб не составит труда воспроизвести их разговор дословно и через месяц просто по памяти. И сейчас он слушал очень внимательно, ведь под подозрение попадали его люди.

– Это не просто грамотная имитация, папа! – Алена покачала головой. – Это очень дорогостоящая и профессиональная имитация. Наверное, можно проникнуть в напичканное охранниками и всякими тревожными системами здание незаметно, – она бросила на генерала вопрошительный взгляд, – вроде бы такие спецы существуют?

– Это возможно в принципе, – кивнул Виктор Федорович, – но маловероятно на деле. Однако я предпочитаю рассматривать все варианты, как этот, так и возможность вовлечения в убийство кого-то из моих людей.

– Так вот, – продолжила Алена, – допустим, кто-то мог незаметно проникнуть в здание, почистить компьютер Стасика, а также унести с собой термос и кружку. – Она принялась загибать пальцы, подсчитывая свои аргументы. – Допустим, кто-то мог как-то испортить машину Стасика и устроить аварию. Допустим даже, что кто-то мог подделать заключение судмедэксперта о полном отсутствии следов кофе в желудке и крови погибшего, хотя лично я уже слабо представляю, как именно ему это удалось. Но сделать все сразу одному человеку просто не под силу. К тому же заключение патологоанатома мало просто подделать, надо было еще оперативно санкционировать само вскрытие. Никому не нужный Стасик Орешников не звезда бомонда и не сын политика. У него даже родственников нет. Такие, как он, в морги поступают десятками ежедневно. И несчастный случай один в один, как с Шамоевым. Я уверена, что Стасика убили. И убили его из-за того нелепого заговора, который он бросился расследовать со своим таинственным Гуру.

– Не такой уж он и нелепый, раз из-за него убивают людей, да еще столь изощренно, – нахмурился отец. – Что скажешь, Виталий Федорович? – Он посмотрел на генерала.

Начальник службы безопасности Холдинга несколько мгновений обдумывал ситуацию, после чего ответил:

– Дело непростое. Не приходится сомневаться, что налицо работа высокопрофессиональной организации, располагающей серьезными средствами и не менее серьезными связями. Даже странно, что они до сих пор не отловили этого Гуру, видимо, тот тоже не просто мальчик с улицы, – неторопливо излагал генерал. – Наиболее вероятно, что они имеют своих людей в здании, скорее всего, в моей службе. Но просто прийти и поступить на работу в нашу службу безопасности невозможно. Мы принимаем только бывших сотрудников правоохранительных органов и только по рекомендациям. Поэтому я предполагаю подкуп, как наиболее простой вариант. Хотя нельзя полностью исключать и такой вероятности, что агент или агенты были внедрены к нам заблаговременно именно с целью предотвращения подобных расследований на самых начальных стадиях. Все-таки «Ай-Эм-Джи» не какая-то бульварная конторка, а медиа-

лидер страны. Если данная организация настолько сильна, как мы сейчас предполагаем, они вполне могут себе это позволить.

После таких умозаключений Рогожин помрачнел еще сильнее, но ничего не сказал.

– Судя по тому, как они виртуозно обыграли ситуацию с несчастным случаем и вскрытием, – продолжал генерал, – своих людей они имеют не только у нас. Мы, конечно, можем воспользоваться нашими возможностями и предпринять определенные меры, например, на основании ваших, Алена Викторовна, показаний, добиться эксгумации тела и проведения повторной экспертизы. Но одних только ваших слов будет маловато. Без существенных доказательств дело пойдет не так быстро, как хотелось бы, и наши враги наверняка отреагируют на угрозу. Завербованных кротов можно отозвать, положить на дно, или, в крайнем случае, зачистить, тело из могилы выкрасть, контакты в государственных структурах предупредить, чтоб замели следы...

Он отрицательно качнул головой:

– Нет, так мы ничего не добьемся, только спугнем их. Тут надо действовать грамотно. С кем еще вы говорили об этом, Алена Викторовна?

– Ни с кем, – ответила Алена, – а смысл? Рассказывать молоденькому мальчику, третий месяц работающему в милиции, о таинственно пропавшем термосе?

– Хорошо, – одобрил генерал, – надо сохранить все это в тайне. Особенно сейчас, в первые дни после гибели Станислава Орешникова. Несомненно, что противная нам сторона в настоящее время тщательно следит за обстановкой, анализируя степень успеха проведенной операции. И мы должны дать им иллюзию, что все прошло чисто, пусть они решат, что их существование по-прежнему остается нами незамеченным, и ослабят бдительность. Мы же, в свою очередь, должны собрать достаточную доказательную базу для того, чтобы иметь возможность действовать решительно и быстро. Нам необходимо получить конкретные факты, ведь мы толком ничего не знаем о том, что за интересы у этой организации. Чего именно они добиваются?

– Что-то связанное с генетикой, – пожала плечами Алена, – какие-то операции с генномодифицированными организмами. Стасик все порывался похвастаться своим грандиозным расследованием, но не успел, торопился на сеанс связи со своим Гуру...

– А вот это уже зацепка, – отметил генерал, – нам стоило бы связаться с Гуру. Он мог бы многое прояснить.

– Я еще вчера написала ему письмо, – поморщилась Алена, – но ответа до сих пор нет.

– Это было опрометчиво! – нахмурился Виталий Федорович. – Стоило сперва посоветоваться со мной или с Виктором Александровичем! Вы можете попасть в поле зрения их агентов.

– Не думаю, – отмахнулась Алена, – и так ясно, что эти самые агенты прошляпили тот факт, что Стасик в ту ночь работал с моего компьютера. Иначе его бы тоже почистили или испортили, если б не смогли взломать пароль. А Гуру этот явно не лыком шит, почтовые ящики меняет регулярно, честно говоря, я вообще не уверена, что он ответит. Может, того адреса уже не существует. – Она протянула генералу небольшой канцелярский стикер. – Вот, я записала для вас его адрес на всякий случай.

– Хорошо, я проверю его по своим каналам. – Виталий Федорович спрятал бумажку в карман. – А что именно вы написали в письме, Алена Викторовна?

– Да ничего особенного, в общем-то, – ответила Алена, – я подумала, что раз он такой продвинутый сетевой конспиратор, то наверняка следит за новостями в интернете, а значит, скорее всего, уже знает или скоро узнает о гибели Стасика. Я написала ему, кто я, что про него мне рассказывал Орешников и что Стасик погиб в результате несчастного случая. Что я изучила подробности и считаю аварию подстроенной. Что возмущена и собираюсь вывести всех на чистую воду, благо возможности для того у меня есть. Ну и предложила ему связаться со мной, если он захочет мне помочь. Вот и все.

– Что ж, это приемлемо, – согласился генерал, – и все же, на будущее, Алена Викторовна, постарайтесь сразу известить меня об этом Гуру, если он вдруг выйдет на связь.

Алена согласилась, и генерал, заявив о необходимости проведения тщательного и негласного внутреннего расследования в службе безопасности, оставил их с Рогожиным наедине. Она еще минут двадцать болтала с отцом о делах, недавнем посольском приеме и прочих мелочах, после чего он уехал на какую-то важную встречу, и Алена вернулась в офис.

Ответ от Гуру по-прежнему не пришел, зато прочей почты накопилось предостаточно, и Алена пару часов вела деловую переписку. На сегодня никаких других дел у нее не осталось, и можно было отправляться домой, однако мысли о деле Стасика никак не выходили из головы и, немного подумав, Алена вновь запустила браузер. Стоило все-таки получше понять, что вообще это такое – проблема ГМО, из-за которой убили Орешникова.

Она довольно долго изучала различные материалы на всевозможных сайтах, но копание в интернете не дало ничего конкретного, только ворох противоречивой информации. С одной стороны, область ГМО и интересы его производителей поддерживали довольно серьезные научные умы, возглавляющие далеко не самые последние государственные структуры, например, директор научного центра «Биотехнология» Российской Академии Наук академик Скрябин, директор Института Питания РАМН академик Тутельян, академик РАСХН Эрнст, главный санитарный врач России академик РАМН и РАЕН Онищенко... Весьма солидная когорта, одним словом.

Но, с другой стороны, им активно противостояли зеленые и ученые с не менее солидными послужными списками. Среди них были академик РАСХН Соколов, профессор института Общей Генетики имени Вавилова Животовский, директор Института Физиологии Растений Кузнецов, кандидаты биологических наук Баранов и Куликов из Института Биологии Развития РАН, ученые из Питерского Института Цитологии РАН, например, кандидат биологических наук Вонский...

Страсти кипели нешуточные, причем в проекции на весь мир ситуация выглядела довольно похоже. Однако разобраться в сути вопроса более конкретно не представлялось возможным в силу того, что споры велись на сугубо научном языке с применением таких терминов, понять которые обычному человеку, далекому от науки, было попросту нереально. Спустя три часа изучения материалов от всевозможных «плазмид», «эукариот» и «морфогенеза» голова у Алены пошла кругом. Кроме того, все это никак не указывало на суть заговора или чего-то в подобном роде.

В конце концов стало ясно, что нужен другой способ уяснить суть столь спорного вопроса. Необходимо получить квалифицированную консультацию у кого-то из специалистов, способных перевести всю эту научную полемику на русский язык. Алена набросала небольшой список наиболее активных противников ГМО и принялась обзванивать научные учреждения, планируя добиться встречи с кем-нибудь из них. Рабочий день уже подошел к концу, и во многих институтах нужных людей уже не было на месте. Наконец ей удалось связаться с одним из ученых, попавших в ее список. Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института Биологии Развития РАН Баранов Александр Сергеевич оказался еще на месте. Алена представилась и выразила желание задать ученому некоторое количество вопросов по проблематике генно-модифицированных организмов. Тот не возражал, и встречу назначили на следующий день.

Биолог Баранов оказался приятным и весьма энергичным человеком лет пятидесяти пяти, среднего роста и сухого телосложения, с внимательным взглядом голубых глаз. Именно так Алена и представляла себе настоящего ученого, окруженного пробирками и микроскопами. Его небольшой кабинетик в первом корпусе Института Биологии Развития имел и то, и другое, и еще много чего, неотделимого от образа российской науки: старенькие компьютеры, толстые

научные книги и справочники в потертых переплетах, в изобилии стоящие на потемневших от времени стеллажах, кипы документации на столах и всевозможные пометки на различных распечатках, укрепленных прямо на стенах. Кабинет ученого, как впрочем и все здание института, евроремонт не блистал, неся на себе стойкий отпечаток давно минувшего благополучия, судя по всему пришедшегося еще на советский период, что невольно навевало мысли о том, что отечественная наука переживает далеко не лучшие свои времена.

– Вы позволите? – Алена положила на столик небольшой диктофон.

– Как вам будет угодно, Алена Викторовна, – улыбнулся Баранов, – итак, что именно вас интересует?

– Видите ли, так сложилось, что этим вопросом у нас в газете занимался другой журналист, – ответила она, – но несколько дней назад он трагически погиб в автомобильной катастрофе.

– Весьма сожалею! – погрузнел Баранов. – Полагаю, вы говорите о Станиславе Орешникове?

– Вы знакомы? – удивилась Алена.

– Нет, – ученый отрицательно кивнул, – но он связывался со мной по телефону неделю назад, просил о встрече. К сожалению, я тогда уезжал в деловую поездку и не имел возможности с ним встретиться, а более он не звонил. Несколько дней назад я увидел статью о его гибели в интернете.

– Мы все очень опечалены этой трагедией, – сказала Алена, – Стасик, простите, Станислав был очень чутким и отзывчивым человеком, без него в офисе стало намного холоднее. Теперь его темой занимаюсь я, но до сегодняшнего момента мне не приходилось сталкиваться с этой областью. Поэтому меня интересует все: что такое ГМО, в чем его плюсы и минусы, из-за чего вокруг него разгорелись столь нешуточные страсти.

Баранов слегка прищурился:

– Это будет довольно долгий разговор, Алена Викторовна! Суть данного вопроса нельзя рассказать в двух словах.

– Я знала, что так получится, – улыбнулась Алена, коснувшись диктофона, – поэтому подготовилась заранее. С удовольствием выслушаю все и постараюсь понять, только, пожалуйста, Александр Сергеевич, сделайте скидку на отсутствие у меня биологического образования.

– Разумеется! – кивнул ученый. – Но, даже несмотря на это, разговор получится непростой для восприятия. Вас ждет обилие научных сведений. Вы уверены, что ваших читателей это не вгонит в тоску и уныние?

– Знаете, Александр Сергеевич, я думала над этим, – призналась Алена. – И пришла к выводу, что умный, мыслящий читатель не поверит в ничем не подкрепленные сведения. Ему будет интересно и познавательно ознакомиться с подлинной сутью проблемы, он потребует доказательств. Ну, а недалекий в любом случае не осилит статью, будем ли мы называть вещи своими именами, или же попытаемся излагать упрощенно, результат будет один – прочесть такой материал ему мозгов не хватит. Таких примитивных людей в жизни не интересует ничего, кроме бездумной «развлекухи», и наша статья изначально не для них. Поэтому объясняйте все, как есть на самом деле!

– Ну, как знаете, Алена Викторовна, это ваша работа, и вам виднее. – Ученый устроился на стуле поудобнее. – Я постараюсь излагать доступным языком. Итак, ГМО – генетически модифицированные организмы, еще один термин – трансгенные культуры, или трансгеники. Это организмы, в которые встраивают чужеродные гены с целью получения хозяйственно-полезных свойств. Например, развитие у культурных растений устойчивости к пестицидам, увеличение сопротивляемости к вредителям, повышение урожайности.

Чужеродные гены внедряются в геном целевого организма разными способами, в том числе с помощью плазмид. Это – специальные биологические конструкции, созданные из гене-

тического материала некоторых организмов, подходящих для этих целей, например, вирусов. Донорами встраиваемых генов могут быть микроорганизмы, опять же вирусы, другие растения, животные и даже человек. Например, в ДНК морозоустойчивого помидора был встроены ген североамериканской морской камбалы, а устойчивая к засухе пшеница получила ген скорпиона.

Первые трансгенные растения были разработаны в США фирмой «Монсанто» в 1983 году, первые посадки трансгенных злаков были сделаны спустя пять лет, а в 1993 году в продаже появились первые продукты с генно-модифицированными компонентами. С тех пор трансгенная продукция интенсивно завоевывает продовольственные, сельскохозяйственные и фармацевтические мировые рынки, что вызвало немалое возмущение в научных кругах по всему миру, позицию которых разделяет и «Гринпис».

– Скажите, Александр Сергеевич, – у Алены сработала журналистская привычка навещающими вопросами задавать ход беседе, – почему же ГМО так быстро продвигаются на рынке? Чем вызвана их привлекательность?

– Как ни странно, обманом! Причем, обманом весьма грамотным! – усмехнулся Баранов. – Но об этом несколько позже. Сначала разберем так называемые плюсы трансгенных организмов. Основной и наиболее весомый аргумент производителей ГМО и их сторонников – экономическая выгода. ГМО дает производителям серьезную экономическую преференцию, ведь такое сырье позволяет делать тот же самый продукт при существенно меньших затратах. Посевы ГМ-культур не страдают от паразитов, например, ГМ-картофель, устойчивый к колорадскому жуку. Помимо этого, трансгеники легко переносят обработку полей гербицидами, уничтожающими сорняки, что многократно облегчает обработку полей и существенно экономит время и средства. Иными словами, производители обещают, что ГМ-семена дают повышенный в два-три раза урожай, устойчивы к вредителям и гербицидам, а также к токсинам и тяжелым металлам. К примеру, модифицированная соя может стоить в два-пять раз дешевле своих натуральных аналогов. Но прибыль производителя будет еще больше, например в колбасе, содержащей трансгенные продукты, их доля составляет порядка трех процентов, а себестоимость готовой продукции снижается на двадцать пять процентов. Это очень хорошая прибыль.

– То есть с экономической точки зрения ГМО – очень выгодное вложение средств? – уточнила Алена. – Ведь гораздо приятнее все лето отдыхать где-нибудь на теплом море, чем ежедневно с утра до ночи полоть сорняки!

– Разумеется! Весьма выгодное! – улыбнулся Баранов. – Но только не для всех. Сверхприбыли получают лишь те, кто стоит за его созданием и столь агрессивным распространением. Это не просто состоятельные бизнесмены. Создание каждого нового вида ГМ-организма, по экспертным оценкам, стоит порядка трех миллионов долларов США, а ведь общее количество генно-модифицированных сортов и видов уже перевалило за тысячу. Подобные фокусы с природой под силу только крупным транснациональным корпорациям. И такие колоссальные затраты необходимо окупать. Около восьмидесяти процентов всех зарегистрированных ГМО принадлежат родоначальнице индустрии – компании «Монсанто», два следующих по величине игрока на рынке – швейцарская «Сингента» и немецкая «Байер». Эти фирмы зарабатывают продажей патентных прав на выращивание ГМО, семян ГМ-культур, сопутствующих пестицидов и сельскохозяйственной техники. Один только годовой оборот семян ГМ-культур, по экспертным оценкам «Гринпис», составляет порядка пятидесяти миллиардов евро, в данную величину не входят доходы от продаж пестицидов, патентных прав и прочего. Естественно, что за подобными деньгами стоят весьма влиятельные силы, способные создавать мощнейшие лобби. Наиболее крупной из них является «ГруппЛайф Америка», Ассоциация агропромышленных корпораций, в которую входят такие гиганты, как «БАСФ», «Байер ГруппСайенс», «Дюпонт Агросайенсес», «Монсанто» и «Сингента». Но Ассоциация – это еще далеко не все сторон-

ники ГМО. Свои интересы в данной области имеют и фармацевты, среди них американский фармацевтический гигант «Мерк», использующие в своих лекарствах продукты генной инженерии, и пищевики, с немалой выгодой продающие продукты, содержащие или произведенные из трансгенных культур.

И надо сразу отметить, что конфликт по поводу ГМО касается не науки, а власти, точнее, способности горстки корпораций, занимающихся торговлей семенами, пестицидами и тому подобным, диктовать свои условия мировому сельскому хозяйству. В этом и состоит смысл «Генной революции» – заставить местных фермеров по всему миру отказаться от традиционных сельскохозяйственных сортов и поставить их в абсолютную зависимость от собственных патентованных трансгенных продуктов и сопутствующих им пестицидов. Ведь все генные вставки, встраиваемые в геном растений для получения ГМО, являются объектом интеллектуальной собственности. Следовательно, их использование платно, и страна, выращивающая на своей территории семена трансгенных культур, которые имеют запатентованную генетическую вставку, всегда будет платить компаниям-собственникам этой вставки лицензионные платежи, так называемые роялти. Иными словами, выращивание трансгенных культур приводит к возникновению узаконенной международным правом жесткой зависимости национального аграрного производства от биотехнологических корпораций, обладающих правами на возделываемые ГМ-культуры.

Но кроме регулярных платежей, которые должны платить фермеры компаниям-производителям за использование трансгенных семян, финансовые потери понесут и те, кто специально не выращивал ГМ-растения, в том числе и самые обыкновенные дачники. Ведь любое ГМ-зерно – это обычное семя, и когда оно вызреет во взрослое растение, его пыльца будет разлетаться и опылять традиционные виды.

– Такое действительно возможно? – заинтересовалась Алена, доставая блокнот и ручку. Беседа становилась все более интересной, и она начала делать для себя пометки в ключевых эпизодах. – Не могли бы вы остановиться на этом моменте подробнее?

– Такое не просто возможно, – ответил ученый, – это давно уже превратилось в настоящее бедствие, получившее в научном мире название «генетическое заражение». Однако давайте рассмотрим опасности, связанные с ГМО, чуть позже. Прежде необходимо уяснить еще один немаловажный коммерческий фактор.

Сейчас 80 процентов рынка сельскохозяйственных химикатов контролируют всего пять компаний, безусловным лидером среди которых является «Монсанто», и они же являются мировыми лидерами в создании и внедрении в производство трансгенных растений, устойчивых к производимым ими пестицидам, и разработчиками технологий возделывания данных трансгеников с использованием своих гербицидов. По сути, замкнутый круг. Можно с уверенностью предполагать, что задача этих компаний – жестко контролируемая глобализация мирового сельского хозяйства.

– Скажите, Александр Сергеевич, каким образом эти компании планируют реализовать свои планы? – Алена сделала еще одну пометку в блокноте.

– Я поясню, – согласился Баранов, – на примере реального положения дел. Компания «Монсанто», олицетворяющая собой растущее влияние крупного агробизнеса, в настоящее время контролирует 23 процента мирового рынка семян, а ее ГМО-разработки составляют, по разным данным, от 85 до 94 процентов трансгенных культур, выращиваемых в мире. Именно она является главным сторонником запрета фермерам использовать полученный ГМО-урожай в качестве семенного фонда на будущее. Тем самым усиливается зависимость фермеров от компаний по производству семян. Более того, «Монсанто» в судебном порядке получила десятки миллионов долларов от фермеров, которых объявили виновными в незаконном использовании ГМО-семян даже в тех случаях, когда, скорее всего, ГМО-культуры появились

на их полях случайно, в результате перекрестного опыления, которому больше подходит упомянутый термин «генетическое заражение».

Таким образом, когда Америка ввозит генетически модифицированную кукурузу, например, в Африку, под видом «продовольственной помощи» или продает трансгенный рис в Китай и другие азиатские страны, это не что иное, как мощение дорог к господству своих агрокорпораций на мировом продовольственном рынке в глобальном масштабе.

Первые ГМ-сорта растений компании «Монсанто» были созданы таким образом, чтобы не впитывать в себя самое прибыльное и запатентованное этой же компанией средство против сорняков – «Раундап», которым она торгует еще с 60-х годов прошлого века. Изначально цена на семена занижалась в убыток себестоимости ради привлечения покупателя. Но убытки были недолги – в ГМ-семена встроен ген саморазрушения, так называемые «терминаторные технологии». Он не дает возможности появиться второму поколению семян, и фермер каждый год вынужден покупать семена заново. Как мы уже сказали, полученные растения устойчивы к «Раундапу» – гербициду этой же компании, который призван уничтожать сорняки. Но на практике сорняки быстро приобретают устойчивость к данному гербициду, и, чтобы справиться с новыми сорняками, фермер вынужден ежегодно увеличивать объемы закупаемого «Раундапа». Где же обещанное снижение применения пестицидов, которое обещали нам создатели ГМ-культур?

Исследования Северо-Западного научного центра экологической политики США доказали, что создание устойчивых к гербицидам сортов ГМ-растений только увеличивает расходы химикатов и обостряет проблему химического загрязнения окружающей среды.

Китайские исследования показали, что использование пестицидов на полях с ГМ-хлопчатником не уменьшилось, но напротив, резко возросло из-за появления вторичных вредителей, к которым эта культура не устойчива.

В Аргентине, которая активно выращивает ГМ-культуры, устойчивые к гербицидам, использование «Раундапа» по сравнению с 1992 годом возросло в 70 раз, с 1 миллиона тонн до 70 миллионов тонн за сезон!

Обстоятельный анализ данных статистики, опубликованных госорганами США, показывает, что с внедрением ГМ-культур употребление пестицидов в мировом агропроизводстве значительно увеличилось. Из-за чего в продуктах агропромышленного производства накапливаются серьезные количества химических токсикантов. Кроме того, обилие пестицидов вызывает существенные изменения в генетической структуре живых организмов аграрных биоценозов. Выражаясь проще, живущие в почве и на злаках бактерии и микроорганизмы мутируют.

За последние годы продажи «Раундапа» выросли более чем в семь раз. ГМО-технологии привели к тому, что фермеры стали покупать еще больше и семян, и химикатов.

– Вот и ответ на ваш вопрос, – улыбнулся ученый, – наибольшие прибыли получают компании, производящие ГМ-семена, которые затем загрязняют нашу планету «патентованной» пылью. Существует серьезное опасение, что человечество – будущие его поколения – станет заложником нескольких корпораций, которые будут иметь юридические права на снабжение продовольствием всего мира и на стороне которых будут выступать суды. В свое время компания «Монсанто» заявила, что через 10–15 лет все семена на планете будут трансгенными. В такой ситуации производители трансгенных семян могут устроить голод в любой точке мира, в том числе и в России, просто отказавшись продавать стране семена.

– Вы сказали – Америка, – поинтересовалась Алена, – значит ли это, что вы хотите сказать, что официальный Вашингтон причастен к ГМО-экспансии?

– Истинные кукловоды в мировой политике всегда остаются в тени, как вы понимаете, – улыбнулся Баранов, – и никто сейчас не назовет вам настоящих владельцев ни ФРС США, ни той же самой «ГрупЛайф Америка», хотя многие строят самые различные догадки. Я ученый и привык оперировать фактами, потому не буду разводить ничем не подкрепленных домыслов.

Но тот факт, что лоббирование ГМО в США происходит на правительственном уровне, не подлежит сомнению.

Именно Соединенные Штаты Америки являются крупнейшим экспортером зерна в мире, и ГМ-культуры получили там широкое распространение практически сразу после появления. Правительство сертифицировало трансгенные культуры как безвредные для употребления в пищу и для окружающей среды. С тех пор США остаются лидером по возделыванию ГМО-культур. На них приходится почти половина всех мировых площадей по выращиванию трансгенных культур, что составляет около 58 процентов американской пашни. Естественно, что экспорт ГМО-продукции приносит американским компаниям огромные деньги, и они ведут себя на рынке весьма агрессивно. Например, существует серьезное противостояние между Европейским Союзом и США по вопросам использования ингредиентов, полученных из ГМО, кормов и маркировки продуктов питания, которые США считают абсолютно безопасными. В этом их активно поддерживает ВТО – организация, в которой Штаты фактически доминируют. Европа, Австралия, страны Африки, Южной Америки, Юго-Восточной Азии и страны СНГ считают безопасность ГМО недоказанной, в связи с чем активно принимают законодательные акты, регулирующие различные вопросы оборота ГМО. Это вызывает гнев в США.

Например, совсем недавно на сентябрьском Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоханнесбурге разгорелся настоящий скандал, связанный с отказом правительств Замбии и Зимбабве принять от США генетически модифицированную кукурузу в виде продовольственной помощи. Американские биотехнологические корпорации усиленно проталкивали свою ГМ-продукцию, рекламируя ее как спасение человечества от голода и болезней. На помощь корпорациям была призвана «тяжелая артиллерия» в виде Всемирной Торговой Организации, Продовольственной и Сельскохозяйственной организации ООН, Всемирной продовольственной программы и экономической комиссии ООН по Африке, которые в один голос заявляли, что ГМ-продукты абсолютно безопасны. Что их широкомасштабное применение никаких последствий для окружающей среды и здоровья человека не влечет. Как видите, биотехнологические корпорации основательно подготовились к саммиту.

После отказа африканцев от помощи, власти этих государств обвинялись чуть ли не в убийстве своих голодающих граждан. Однако министр информации Замбии, выступая на саммите, еще раз подтвердил принципиальную позицию правительства страны – отказаться от ГМО, одновременно заверив, что власти предпринимают все усилия для того, чтобы обеспечить граждан немодифицированной пищей. 135 африканских неправительственных организаций высказались в поддержку решения Замбии и Зимбабве. Кстати, чуть позже выяснилось, что американцы предлагали Замбии вовсе не помощь, а займ в 51 миллион долларов для покупки зерна в США, при этом еще и скрыв, что зерно генетически модифицировано. Решение отказаться от импорта кукурузы было вызвано принципом предосторожности, чтобы обезопаситься от потенциально возможного генетического загрязнения местных видов, ведь законодательство в отношении ГМО в Замбии практически отсутствует.

Ученый коротко усмехнулся:

– Не трудно догадаться, что ГМ-лобби в США весьма сильно и влиятельно. Кстати, тезис о том, что ГМ-культуры решат проблему голода, сейчас очень популярен. Сегодня в мире от голода страдает почти один миллиард человек, более трехсот миллионов из которых проживают в Индии. Однако на самом деле в этом году Индия уничтожила около 60 миллионов тонн зерна, часть которого просто сгнила, остальное было сожжено. Дело в том, что покупательная способность населения настолько низка, что приобрести зерно попросту было некому. Корень зла не в отсутствии продовольствия, а в отсутствии доступа к материальным благам и ресурсам, и индийские эксперты серьезно сомневаются в том, что ГМО как-то изменит сложившуюся ситуацию.

К слову, фермеры все той же Зимбабве, чье правительство неоднократно отказывалось от трансгенной гуманитарной помощи, также не уверены в необходимости трансгеников для голодающих стран Африки. ГМ-кукуруза, которую упорно навязывают им международные организации под влиянием США, отстаивающих интересы своих корпораций, не нужна местному населению уже хотя бы потому, что кукуруза никогда не являлась традиционной для африканского континента культурой. Она не приспособлена ни для местного климата, ни для местных почв. Там издревле культивируют свои виды зерновых. Для Замбии, например, характерно выращивание маниока, сорго и проса. Это одна из беднейших стран Африки, но и там ежегодно гниют тонны невостребованного зерна, до трехсот тысяч тонн маниока в год, так как никто не может их купить. Вот где на самом деле кроется проблема голода. Я не слишком сложно объясняю? – улыбнулся Баранов.

– Нет, – улыбнулась Алена, – пока все очень доступно. – Она сделала очередную пометку и задала следующий вопрос: – Значит, США напрямую поддерживает действия своих агротехнических корпораций?

– Именно так, – подтвердил ученый, – и это не удивительно, если учитывать, что наибольшее количество посевных площадей ГМ-культур засеяно в США и большинство компаний-производителей трансгеников являются американскими. «Монсанто» для продвижения своих интересов использует различные рычаги давления, в том числе и ВТО, поэтому европейские власти могут пойти ей на уступки и без предоставления необходимых документов о безопасности ГМО. Но правительство США, помимо продавливания интересов торговцев ГМО в Евросоюз, еще и пытается скрывать данные о неконтролируемом генетическом заражении.

Так, например, «Комиссия по сотрудничеству в области экологии Североамериканского соглашения о свободной торговле» подготовила отчет, составленный по требованию мексиканских местных жителей, экологических и фермерских организаций. Отчет подтверждает полученные ранее результаты независимых исследований, показывающих, что в Мексике, являющейся родиной кукурузы и хранилищем богатейшего в мире разнообразия ее видов, местные сорта кукурузы подвергаются заражению американскими ГМ-сортами, несмотря на действующий в Мексике запрет на коммерческое выращивание ГМО. Агропромышленные и биотехнические компании упорно отрицают этот факт, а вмешательство администрации США задержало публикацию данного отчета. Сейчас Штаты работают над тем, чтобы сделать эту задержку бессрочной. Однако выдержки из отчета просочились в интернет, и правительство США в комментариях к отчету быстро свело все к одному вопросу: рекомендации отчета о немедленном перемалывании всех ввозимых из США партий кукурузы «являются существенным препятствием к торговле». Не сложно догадаться, что истинная их цель – захватить мексиканский рынок кукурузы в интересах американского агробизнеса, как это произошло с Канадой, которая уже находится в сильнейшей зависимости от ГМ-кукурузы и сои. Как говорится, выводы делайте сами. – Баранов сделал красноречивый жест.

Алена выдержала небольшую паузу, давая ученому возможность немного отдохнуть, и продолжила интервью:

– Александр Сергеевич, не могли бы вы более подробно рассказать о том, какие именно существуют трансгенные организмы, как сильно они уже распространены, кто и где занимается их выращиванием?

– Разумеется, – согласился ученый. – На сегодняшний день ГМО уже получили широкое распространение. В мире сельскохозяйственными ГМ-культурами занято 110 миллионов гектаров, и это количество ежегодно увеличивается на 10 миллионов гектаров. 98 процентов мирового производства трансгенных культур, таких как соя, кукуруза, рапс, хлопок, картофель, сосредоточено в США, Аргентине, Бразилии, Чили, Канаде и Китае. Лидером по выращиванию трансгеников, как мы уже отметили, является США, где одобрено использование 40 видов ГМ-растений. Это многие сорта сои, кукурузы, картофеля, томатов, сахарной свеклы,

горчицы, фруктов. В Латинской Америке основная ГМ-культура – соя, далее следуют кукуруза и хлопчатник. Основная трансгенная культура Китая и Индии – ГМ-хлопчатник, в Китае также широко выращивается ГМ-табак. В Австралии есть компании, выращивающие трансгенные голубые гвоздики, проходят испытания устойчивой к засухе ГМ-пшеницы с генами дрожжей и мха, ведутся работы по созданию кормовых ГМ-культур. В Европе разрешено использовать 21 разновидность трансгеников. Как я уже говорил, в мире выведено уже порядка тысячи ГМ-культур, из которых допущено к производству 136 линий ГМ-растений. Это соя, кукуруза, канولا (ГМ-рапс), хлопчатник, картофель, пшеница, ячмень, томаты, сахарная свекла, рис, лен, дыня, папайя, цикорий, гвоздика, кабачки, табак. Наиболее широко в мире распространены трансгенная соя, хлопок, кукуруза. По оценкам Всемирной организации здравоохранения, к 2010 году доля ГМ-продовольствия в общем объеме мировой торговли сельскохозяйственной продукции достигнет 60 процентов. Так что шествие трансгенов по планете идет полным ходом! – Баранов невесело улыбнулся.

– Понятно, – Алена чиркнула ручкой в блокноте, – скажите, Александр Сергеевич, а что же в том плохого? Ну, идет на мировом рынке экспансия транснациональных биотехнических корпораций, проталкивающих везде свой продукт. Почему бы нет? Это ведь всего лишь бизнес, зачем науке вмешиваться в эту область?

– На первый взгляд так оно и есть, – кивнул Баранов, – и все вроде верно, если бы не одно обстоятельство: трансгены несут огромный вред, последствия которого, если не принять вовремя меры, очень быстро станут непоправимыми. Однако это мало заботит транснациональные корпорации, зарабатывающие на ГМО колоссальные деньги. Девиз «Монсанто» и других им подобных: «Накормим всех голодных». Производители трансгеников сулят уменьшение затрат и повышение урожаев. Но такой девиз уже звучал пятьдесят лет назад, когда начиналось массовое внедрение в сельское хозяйство пестицидов. За это время количество голодающих в мире только увеличилось, зато токсичные остатки пестицидов и связанные с ними тяжелые металлы и химикаты загрязнили Землю, делая ее все более опасной для человека. Например, во Франции сейчас закрываются многочисленные пляжи из-за огромных выбросов на берег морских водорослей, которые источают ядовитые испарения. Водоросли эти, по мнению ученых, появились в результате мутации под воздействием попадающих в море с сельхозугодий вод, несущих в себе огромные концентрации пестицидов. Но самое тяжелое последствие всепланетной пестицидизации заключается в том, что она на долгие годы отодвинула разработку альтернативных, природных экологических средств защиты земледелия. А ведь эти средства придуманы самой природой. Тот же колорадский жук не пожирает картофель, если его выращивать по правильной, натуральной технологии. Личинка колорадского жука даже не выходит из так называемой «диапаузы», она просто спит в земле несколько лет. И урожай, получаемый таким способом, намного больше обычного. Но это не приносит прибыли агрокорпорациям. Пестицидная революция провалилась, теперь идет трансгенизация планеты.

– Скажите, – Алена пометила следующий вопрос, – в чем же конкретно выражается вред трансгенных организмов?

– Ну, на этом вопросе мы задержимся надолго, – улыбнулся Баранов, – может быть, хотите чаю или кофе?

– Кофе, пожалуйста, – согласилась она. – Но почему же надолго?

– Рисков, связанных с ГМО, очень много, и их перечисление займет много времени, – ученый включил кипятившийся старенький электрический чайник, – кроме того, я рискую запутать вас в дебрях научной терминологии. Давайте я расскажу вам о самых основных опасностях и попытаюсь изложить все доступным языком.

– Это было бы очень любезно с вашей стороны, – улыбнулась Алена, – ведь ни у меня, ни у большинства наших читателей нет ученых степеней в биологии. А донести информацию

до людей необходимо. Я думаю, в этом зачастую и заключается проблема взаимопонимания ученых и простых людей – некому перевести с ученого языка на русский!

Баранов негромко рассмеялся.

– Вы правы, Алена Викторовна. Я постараюсь быть предельно понятным. Но прежде чем мы начнем обсуждение угрозы, которую несут нам трансгеники, я хочу рассказать вам о, пожалуй, самом опасном аспекте из всех рисков генетической модификации, являющемся настоящей бомбой замедленного действия, последствия которой проявляются лишь в череде поколений, и их невозможно спрогнозировать. Это так называемый **плейотропный эффект**. Что же это такое?

В первую очередь необходимо отметить, что на сегодняшний день науке точно неизвестно, как функционирует геном, и даже до конца не понятно, что есть такое ген и зачем нужны многие его элементы. Например, так называемые «молчащие последовательности» – участки генома, никак не проявляющие себя в ходе онтогенеза. Зачем и для чего они нужны, за что отвечают – науке решительно неизвестно. А ведь геном эволюционировал многие миллионы лет, и было бы, по меньшей мере, наивно считать «генетическим мусором» то, чего мы понять пока еще не в силах. А исследование уже известных генных цепочек дает гораздо больше вопросов, чем ответов. Те же растения содержат в себе множество органических соединений, чей синтез обусловлен их геномом, но для чего эти соединения образуются в растениях вообще – на сегодняшний день зачастую вообще не очень-то понятно. Например, зерна кофе содержат кофеин, и люди принимают это как факт. Но зачем кофеин в таком количестве растению, не известно. А ведь синтез кофеина не одностадийная реакция, это сложная цепочка.

Если мы рассмотрим схему получения ГМО, то увидим, что в плазмиду вставляется так называемый «целевой ген», точнее, даже некая конструкция, его включающая. На сегодняшний день не существует способа, с помощью которого можно было бы внедрить целевой ген в конкретное место генома, по желанию заказчика, например, исследователя или бизнесмена. Куда именно внедрится этот ген, зависит от случая, то есть чужой ген может внедриться и внутрь другого гена, может даже повредить его. Может он внедриться и внутрь «молчащих участков» генома.

Кстати, надо еще раз отметить, что встраиваемый ген не есть ген в чистом виде. Это некая генная конструкция, которая содержит несколько генов. Обычно, когда о какой-то культуре говорят, что она генетически модифицирована, что в ее геном внедрен определенный ген, то, как правило, имеют в виду, что внедрен один-единственный ген в одной-единственной копии. На самом деле это не так. Копий этого гена может быть много или несколько, а может быть и одна. Все зависит от случая. Невозможно сделать так, чтобы одна-единственная копия гена была перенесена в нужное место генома растения. Сколько этих копий будет содержаться в геноме после трансформации и куда именно они «воткнулись» – дело случая.

Так вот, когда в геном внедряется чужеродный ген, да еще неизвестно куда и в неизвестном количестве копий, может быть нарушена любая генная цепочка, в том числе и «молчащий участок». И если это произойдет, то не факт, что этот «молчащий» участок как-нибудь заговорит. Если реакция будет смертельной для самого организма, то трансформированная клетка не выживет и результата трансформации никто не увидит, то есть точная причина ее гибели так и останется неизвестной. Все будет списано на неудачи трансформации. Но может случиться и так, что чужеродный ген куда-то внедрится и трансформация произойдет. ГМ-организм будет создан, но никаких видимых повреждений не будет выявлено. В конечном итоге получается какое-то растение, содержащее вот этот самый ген, например, устойчивости к чему-либо. Цель достигнута.

Но стабильность созданного генома нарушена. Невозможно предугадать, как повлияет появление чужеродного гена, а точнее чужой генной конструкции в составе генома на работу окружающих чужака генов и генных цепочек. Какие изменения это вызовет? **Результат абсо-**

лютно непредсказуем и может быть практически любым. Собственно говоря, это и есть плейотропный эффект. Растение даст потомство, и генетическая мутация начнет усиливаться и распространяться, так как его геном нарушен. Причем трансформация вызывает нестабильность и изменение функционирования как измененного генома, так и внедренного гена, так как сам факт модификации есть ситуация, абсолютно чуждая для них обоих. В результате потомство, в отличие от родителя, может иметь уже совсем другие свойства. В какой степени и как именно выразятся эти нестабильности – опять-таки неизвестно, потому что фирмы-производители ГМ-растений таких исследований не ведут, поскольку это фундаментальная работа, не имеющая, с их точки зрения, немедленного коммерческого значения. А если такие работы и ведутся, то их результаты попросту не публикуются, что лишний раз вызывает настороженность.

В качестве одного из наиболее ярких примеров плейотропного эффекта могу привести следующее. Генетически модифицированная кукуруза MON 810 компании «Монсанто» имеет ген устойчивости к мотыльку. Действительно, мотылек не пожирает данную кукурузу. Но его место заменила тля, которая сожрала этой самой кукурузы еще больше. Как оказалось, тлю привлек сладкий запах трансгенного белка, того самого, что призван отпугивать мотылька. Возникновения этого сладкого запаха никто не планировал и предугадать не мог, он появился в результате сбоя в работе генетического аппарата. Плейотропный эффект налицо.

Причем необходимо особо подчеркнуть, что плейотропный эффект не прерогатива одних лишь растений. Ему подвержены абсолютно все геномы, когда-либо созданные природой, в том числе и геном человека.

Чайник закипел, и Баранов принялся колдовать над кофейными чашками.

– Так что же получается, – удивилась Алена, – если мы едим трансгенные продукты, мы со дня на день начнем мутировать?

– Нет, все далеко не так просто. – Ученый протянул ей дымящуюся чашечку с кофе.

– Не трансгенный? – Алена сделала большие глаза.

– Натуральный, – улыбнулся ученый, оценив шутку, – или, как принято в мировой терминологии, органический.

Он уселся на стул, взял свою чашку и продолжил:

– Как я уже сказал, плейотропный эффект поражает последующие поколения, но и для нас сегодняшних существует более чем достаточно опасностей, напрямую связанных с трансгенами. Теперь самое время рассмотреть основные из них. – Ученый сделал небольшой глоток.

– Сама по себе технология получения ГМО не фатальна. В царстве бактерий перенос генов широко распространен и идет в природе постоянно. Он получил название «горизонтальный перенос генов», то есть способность бактерий обмениваться друг с другом участками генома. Другое дело, что геновая инженерия позволяет преодолевать один из наиболее мощных эволюционных запретов – запрет на обмен генетической информацией между далеко отстоящими видами и, тем более, разными типами. Условно говоря, можно «скрестить» ужа с ежом, пшеницу со скорпионом, человека с растением – просто взять гены от одного и пересадить их другому, у которого такого гена и в помине не было на протяжении миллионов, а то и миллиардов лет эволюции. По всей видимости, подобные события в любом случае происходят на планете в процессе эволюции. Но для этого природе требуются как раз те самые миллионы лет. И тревожным является именно то, что человек преднамеренно вносит существенные изменения в устоявшиеся геномы в очень быстрый по историческим масштабам промежуток времени. Последствия этого практически непредсказуемы. К чему могут привести такие генетические манипуляции? Тем более, что сам человек не в силах контролировать распространение трансгенов в дикой природе! Трансгенные организмы имеют тенденцию распространяться «сами по себе», это уже известный факт. По мнению мирового научного сообщества, проблема генетического загрязнения и контроля за ним выходит сейчас на первое место.

Первые ГМ-культуры были высажены на открытых полях в США в 1995 году. Это стало началом «генетического загрязнения» природы, которое сейчас приняло глобальные масштабы. Новый тип загрязнения происходит в результате попадания искусственных генно-инженерных конструкций в геномы других растений, как культурных, так и представителей дикой природы. В процессе перекрестного опыления ГМ-пыльца этих культур, распространяемая ветром, насекомыми и человеком, стала «загрязнять» все вокруг на большие расстояния, оставляя нетронутыми ничтожно малые территории тепличного сельского хозяйства. Кроме того, заражение идет при смешении семян и кормов на этапе хранения и транспортировки урожая. И все это несмотря на многочисленные заявления сторонников ГМ-технологий о том, что такого никогда не произойдет. Сообщения о фактах заражения ежедневно приходят со всего мира.

Канадские фермеры утверждают, что посеяв однажды ГМ-зерновые, от них невозможно избавиться. Эти культуры рассеиваются из оставшихся на поле соломы и семян даже при очень тщательной обработке полей. И всходы ГМ-культуры все равно заглушают новые посевы.

Независимые исследования, проведенные британскими учеными, выявили, что одни только пчелы переносят пыльцу ГМ-растений более чем на 26 километров, а выращенный однажды урожай ГМ-зерновых оставляет после себя загрязненную почву на 16 лет.

Калифорнийские ученые опубликовали в 2001 году разоблачительную статью в авторитетном издании «Nature». Они обнаружили в мексиканских сортах обычной кукурузы следы ГМ-сортов. Разразился небывалый скандал, поскольку Мексика славится в мире своей замечательной кукурузой, и правительство страны ради сохранения невозполнимой генетической наследственности приостановило выращивание трансгенных культур еще в 1998 году. Тем не менее, каким-то загадочным образом ГМ-кукуруза сумела скреститься с традиционными сортами, сводя на нет полувековые усилия мексиканских аграриев, которые лелеяли эту культуру, возведенную в ранг чуть ли не национального достояния. Такой агрессивности от растения-мутанта никто не ожидал. Мексика является центром происхождения порядка шестидесяти сортов маиса. Возникла опасность, что трансгены выживут уникальные местные сорта растений, как это произошло в Канаде. Ведь там фермеры, выращивавшие традиционный рапс, фактически лишились своего бизнеса, так как на территориях, где ГМ-культуры выращиваются уже несколько лет, генетического загрязнения избежать невозможно. А ведь в Мексике кукурузу начали выращивать около восьми тысяч лет назад.

В австралийской провинции Виммера фермер, выращивающий органический рапс, провел независимое тестирование и обнаружил на своих полях рапс трансгенных сортов. Зеленые предупреждают, что Австралию вскоре ожидает судьба Канады.

В Великобритании трехлетнее исследование в агроценозах, где выращивался ГМ-рапс и свекла, показало, что общее число диких видов растений сократилось в среднем на 30 процентов, а число семян и биомасса – упали в несколько раз.

Кстати, в той же Канаде ГМ-рапс переопылится с дикими близкородственными видами и, будучи устойчивым к гербицидам, превратился в «суперсорняк», на которого эти самые хваленые гербициды уже не действуют. И подобных «суперсорняков» в мире уже насчитывается более пятисот видов. В США, например, они занимают территорию в сотни тысяч гектаров. И знаете, как та же «Монсанто» призывает фермеров бороться с ними? Использовать еще больше своего «Раундапа», а именно в количествах, в тысячу раз превышающих исходные. Или осваиваться от сорняков методом ручной прополки. Как вам эти «инновационные» технологии?

Мировое сообщество давно уже признает факт существования генетического загрязнения окружающего нас мира. При этом констатируется, что загрязнение нарастает из года в год. Американские ботаники даже сделали прогноз для двух Америк. По их мнению, **там через пятьдесят лет не останется ни одного нетрансгенного растения**. Таким образом, трансгены угрожающими темпами загрязняют собой окружающую среду, все быстрее уничто-

жая биологическое разнообразие. А ведь биологическое, а точнее, генетическое разнообразие, отвечает за устойчивость любой популяции к меняющимся условиям внешней среды. Какая-то популяция может быть очень хорошо приспособлена к неким конкретным условиям среды обитания, но стоит данным условиям резко измениться, и эта популяция вымрет целиком, если ее генетическое разнообразие недостаточно. А ГМО как раз его и сокращают. И все пресловутые технологии типа терминаторных, которые сейчас везде и всюду рекламируются, оказываются не очень-то совершенными и не могут гарантировать на все сто процентов от неконтролируемого «расползания» трансгенов. Например, тот факт, что уже сейчас американцы ездят к нам на Дальний Восток за дикой соей, говорит сам за себя.

Но это еще далеко не все «прелести» ГМО. Накапливается все больше фактов о губительном воздействии ГМ-культур на почву. Установлено, что если с полей не убраны ботва, солома или еще какие фрагменты трансгенных растений, то эти остатки не гниют в течение полутора-двух лет. Почвенные бактерии не могут утилизировать их, как обычные сорта. Почвообразующие микроорганизмы и беспозвоночные животные в большинстве случаев гибнут. **Почва подвергается трансформации с последующей эрозией и быстро превращается в бесплодную пустыню.**

Плейотропный эффект дает о себе знать через несколько поколений, отсроченно изменяя заявленные свойства растений, и вот уже у кукурузы, устойчивой к засухе, после нескольких лет культивирования неожиданно проявился признак растрескивания стебля. В результате весь урожай погиб прямо на полях. А картофель, устойчивый к колорадскому жуку, потерял устойчивость к патогенам при хранении и полностью сгнивает за два месяца лежания в хранилищах.

Трансгенный хлопок приводит к возникновению все более серьезных экологических проблем. Например, в США сорняки, устойчивые к «Раундапу», все больше засоряют поля ГМ-хлопка и ГМ-сои. При этом трансгенная устойчивость такого хлопка и сои к вредителям через несколько лет массового использования данного сорта становится неэффективной, что и вовсе делает бессмысленным его дальнейшее культивирование.

Ведь каким образом ГМ-культура получает устойчивость к вредителям? Благодаря трансгенной вставке она начинает выделять токсин, приводящий этих вредителей к гибели. Но, по данным американских, российских и китайских ученых, уже через несколько поколений среди насекомых появляются устойчивые формы к используемым трансгенным токсинам, которые начинают пожирать растение в еще больших количествах. Естественный отбор еще никто не отменял!

Известия о появлении устойчивости к токсинам ГМ-растений у вредителей, которые должны бы погибать от этих самых токсинов, приходят все чаще. В результате неконтролируемого переноса трансгенных конструкций из ГМ-растений в обычные бактерии появляются новые патогенные штаммы фитовирусов, намного более опасных, чем их природные предшественники.

Кроме того, в природе, как известно, свято место пусто не бывает, и экологическую нишу основного вредителя, против которого введен трансгенный токсин, занимают другие вредители, на борьбу с которыми никто не рассчитывал. Тот же колорадский жук, уничтоженный в результате выращивания ГМ-картофеля, оказался заменен на совку, а в некоторых агроценозах – на тлю. И нашествие этих вторичных вредителей влечет за собой еще большие финансовые потери фермеров.

Зато полезные насекомые, исторически связанные с этими растениями и не планировавшиеся к истреблению, исчезают. В мире сейчас очень актуальна тема массовой гибели пчел в различных регионах мира в последние годы. Например, в Азербайджане она произошла в результате высева ГМ-кукурузы и картофеля в некоторых районах. В научных кругах продолжаются дискуссии о том, что трансгенный токсин, который выделяют многие ГМ-растения,

является причиной их гибели. Но чтобы это окончательно доказать, нужно проводить принципиально иные, по сравнению с существующими, эксперименты. А ведь резкое сокращение популяций медоносной пчелы несет серьезную угрозу не только сельскому хозяйству и индустрии производства меда, но и биосфере в целом, поскольку данное насекомое является одним из основных опылителей многих растений.

Распространяющиеся по всему миру ГМО вытесняют другие сорта и породы растений, животных, грибов и микроорганизмов, обитающих на полях, где выращиваются трансгеники, и вокруг них. Быстрорастущие виды ГМ-организмов вытесняют обычные виды из естественных экосистем. Например, ГМ-бактерия, созданная как переработчик растительных отходов, серьезно уменьшила популяцию полезных грибов.

Весьма показательны результаты опытов с божьими коровками, поедающими тлю. Эта тля питается на ГМ-растениях. Так вот, пожирая тлю, божьи коровки быстро становятся бесплодными и перестают размножаться. В результате птицы, питающиеся божьей коровкой, сначала получают в кишечник бактерии, содержащие ГМ-вставки, а потом теряют пищу и вынуждены мигрировать, разнося эти самые бактерии все дальше.

Кроме того, в природе у каждого вида есть естественные враги и паразиты, не позволяющие ему чрезмерно размножаться. Воздействие ГМ-токсинов трансгенных растений на хищных и паразитических насекомых может привести к серьезным нарушениям этого равновесия, в том числе к неконтролируемым вспышкам численности одних видов и вымиранию других.

Не менее опасно выглядит ситуация и с ГМ-животными, которых в мире создан уже целый ряд, включая экономически значимые виды. Трансгенные аналоги имеют, например, уже более 15 разных видов рыбы, таких как лосось, теляпия, карп. Американские специалисты из университета Пердью в штате Индиана создали компьютерную модель популяции из 60 тысяч диких рыб, в которую проникли 60 трансгенных особей. Результат – через 40 поколений, а в природе это всего несколько лет, более крупные трансгенные особи вытеснили всю популяцию диких сородичей. И это не просто домыслы, ведь сейчас регулярно происходит убегание из рыборазводных садков трансгенных рыб, например, теляпии, в дикую природу. Это несет реальную угрозу водным экологическим системам и будет происходить повсеместно.

На Кубе проводились эксперименты с трансгенной теляпией, являющейся озерной рыбой, с целью получить крупные быстрорастущие особи. Очень скоро выяснилось, что рыба каким-то образом приобрела способность выживать в соленой воде, что еще раз демонстрирует действие плейотропного эффекта. Вместе со встроенным участком ДНК рыба получила свойства, которые не выявились сразу, и никто из специалистов не был способен это предвидеть.

Какими еще побочными свойствами обладают продукты генного манипулирования – одному Богу известно, ведь в природе тоже происходят мутации, в том числе и с попадающими в дикий мир ГМ-вставками.

Биолог помешал ложечкой кофе и сделал глоток. Напиток уже остыл, и ученый лишь покачал головой.

– В качестве пищи для размышления хочу добавить небольшое уточнение, – продолжил Баранов, – как уже было сказано, в мире на сегодняшний день выведено около тысячи ГМ-организмов. Из них только сотня разрешена к промышленному производству, остальное не решились выпустить в мир даже сами производители. И это не случайно. У самих микробиологов и вирусологов, создающих трансгенные микроорганизмы, работа с ними приравнена к четвертому уровню опасности. Чтобы вы могли полнее оценить ситуацию, добавлю, что к этому же уровню опасности относятся такие болезни, как лихорадка Эбола, чума и сибирская язва.

– Все настолько серьезно? – удивилась Алена. – Человек может погибнуть от ГМО?

– Напрямую – нет, – успокоил ученый. – Вероятность встраивания трансгенной конструкции из растения в геном млекопитающих и человека ничтожно мала. Как вы, наверное, знаете, все живые организмы, в том числе и человек, клетки которых имеют ядра, называются эукари-

отами. Так вот, клетки высших эукариот имеют сразу несколько изолирующих барьеров, которые весьма эффективно препятствуют горизонтальному переносу генов. Мы все-таки не бактерии. А перенос трансгенной конструкции в половые клетки и вовсе невероятен, так как они имеют так называемый гемато-тестикулярный барьер, непроницаемый для крупных молекул. На первый взгляд, никакой опасности не существует. Но это только на первый взгляд.

Не следует забывать, что и человек, и животные имеют симбионтов, в частности, кишечную бактериальную флору. А ведь именно бактериям, как мы уже знаем, свойственен горизонтальный перенос генов. Именно они, наши симбионты, получают трансгенные вставки. И никто не может уверенно сказать, какие же свойства они получают в результате. Ведь, как уже было сказано, ГМО приобретают не только желаемые их создателями, но и непредсказуемые, зачастую неблагоприятные свойства и признаки. **Продуктом мутировавших кишечных симбионтов могут стать токсичные, аллергенные, канцерогенные и мутагенные вещества, опасные для живых организмов.**

Большинство сельскохозяйственных ГМ-культур помимо генов, придающих им нужные свойства, содержат гены устойчивости к антибиотикам в качестве маркеров, так называемый технологический мусор. Существует опасность того, что они могут быть перенесены в болезнетворные микроорганизмы, что вызовет их устойчивость к антибиотикам. Или, например, встроенный в ГМ-растение ген может перейти в микрофлору кишечника, в результате чего она может стать нечувствительной к антибиотикам. Как следствие – распространение новых штаммов болезнетворных бактерий. **То есть вылечить инфекцию может оказаться невозможно.**

На сегодняшний день в Испании, Нидерландах и Великобритании устойчивость к группе антибиотиков, которые используются для лечения легочных инфекций, хламидиозов и инфекций мочевыводящих путей, достигла 82 процентов.

В Англии на полях с ГМ-сортами растений были найдены сорта, несущие гены устойчивости к канамицину, неомицину, ампицилину, амоксицилину и гидромицину, одним из наиболее распространенных и эффективных антибиотиков.

Американская компания «Эпицит» недавно сообщила о создании и испытаниях сорта ГМ-кукурузы, вырабатывающей человеческие антитела на поверхностные белки спермы. С помощью этого трансгеника они планируют получение противозачаточных препаратов. Можно представить, к каким серьезным демографическим последствиям может привести неконтролируемое переопыление такого сорта с пищевой кукурузой.

В то же самое время на рисовых полях Калифорнии прямо среди пищевых сортов риса проводятся открытые испытания сортов риса, несущего человеческие белки лактоферин и лизозим, используемые в фармакологии. Также разрабатывается и культивируется большое число сортов риса и кукурузы, несущих биологически активные вещества: вакцины, гормоны роста, факторы свертывания крови, человеческие антитела, промышленные ферменты, подавляющие иммунитет цитокины и вызывающие аборт препараты. Все это призвано работать во благо фармакологии, но существует огромный риск неконтролируемого использования такой продукции. Это может быть как уже названное переопыление с пищевыми сортами, так и распространение их в природе из растительных остатков.

При сборе урожая любой пищевой культуры на полях остается огромная масса растительных остатков – листья, стеблей, корней. Вероятность прямого распространения трансгенных вакцин, входящих в состав этих трансгеников, в почвенных и поверхностных водах низка, однако все-таки не нулевая. Но значительно выше вероятность горизонтального переноса трансгенных конструкций в почвенные и другие бактерии, и как следствие – неконтролируемая вакцинация птиц и млекопитающих, обитающих в данной местности. И если окажется, что трансгенные вакцины создавались против бактерий и вирусов, родственных человеческим болезнетворным бактериям и имеющим местных животных в качестве переносчиков, то такая

вакцинация спровоцирует мощный естественный отбор среди этих патогенов, **что приведет к формированию суперинфекций.**

Не исключено появление трансгенных конструкций, которые будут «молчать» в растениях, но «заговoryт» в кишечнике человека. Причем это может быть не какая-то новая инфекция, а патогенный штамм собственных кишечных бактерий-симбионтов.

Неконтролируемое распространение трансгенных вакцин в составе пищевых продуктов обладает не меньшим риском. В период беременности вместе с эмбрионом формируется и иммунная система человека. Она учится распознавать «свои» белки, не путая их в дальнейшем с «чужими». Если трансгенный белок вакцины попадет в это время в кровоток эмбриона, то иммунная система плода запомнит его как «свой», полезный белок. В результате родившийся ребенок не сможет вырабатывать иммунитет к данному заболеванию, всегда распознавая данную бактерию или вирус не как угрозу, а как безвредный для организма элемент.

К тому же детский организм остро реагирует на «чужие» белки, к которым не адаптирован, отсюда – особенно высокая чувствительность детей к аллергенам. Особенно рискуют дети до четырех лет, они меньше всего защищены от воздействия чужеродных генов. Вот почему крайне важна невозможность использовать ГМО в производстве детского питания.

Существует уже достаточно много доказательств аллергенного действия белков трансгенных растений. Частота пищевых заболеваний в США, где нет ограничений на использование ГМ – ингредиентов в пище и кормах, в 3–5 раз выше, чем в странах Скандинавии, где эти продукты не употребляются. В России, по данным ведущих аллергологов, до начала массового использования в пище и кормах ГМ – ингредиентов, уровень аллергических заболеваний, особенно у детей, был в 5–7 раз ниже, чем в США. Сейчас мы догнали США по этому показателю.

Более половины трансгенных белков, обеспечивающих устойчивость растений к насекомым, грибковым и бактериальным заболеваниям токсичны и аллергенны.

Например, использование альбумина – гена из ДНК бразильского ореха при создании сорта ГМ – сои привело к тому, что значительное количество людей пострадало от обострения аллергических заболеваний.

К тому же вещества, предназначенные для борьбы с насекомыми, могут блокировать работу пищеварительного тракта не только у насекомых, но и у человека, а также влияют на поджелудочную железу.

Ряд трансгенных сортов кукурузы, табака и помидоров, устойчивых к насекомым вредителям, вырабатывают лигнин – вещество, препятствующее поражению растений. Он может разлагаться на токсичные и мутагенные фенолы и метанол. Поэтому увеличение содержания лигнина в плодах и листьях растений опасно для человека.

Самым ярким примером токсичности ГМО стал случай с Японской Компанией Showa Denko К.К. ГМ-аминокислота, использованная при приготовлении лекарства – снотворного «Эл-триптофан», привела в США к смерти 37 человек, еще около полутора тысяч остались инвалидами на всю жизнь. Компания, чтобы не допустить скандала, без лишнего шума выплатила пострадавшим компенсацию в два миллиарда долларов.

Помимо этого существует и опасность химического отравления. Ведь неуклонное возрастание объемов применения ядовитых пестицидов и гербицидов отражается на здоровье сельскохозяйственных работников и работников плантаций. Из США приходят данные о том, что люди, многие годы работающие на засеянных трансгенными полях или живущие вокруг них, стали находить у себя растущие на коже пучки жестких черных волос. И это не шутка.

ГМО могут стать мутагенными и канцерогенными за счет их способности накапливать гербициды, пестициды и продукты их разложения. Например, гербицид глифосат, используемый при возделывании трансгенных сахарной свеклы и хлопчатника, является сильным канцерогеном и может вызывать лимфому – рак крови.

Некоторые гербициды могут оказывать негативное влияние на выживаемость и здоровье человеческих эмбрионов, а также вызывать мутации.

В результате внутриклеточных процессов, в сортах ГМ табака и риса, отличающихся повышенной урожайностью, накапливаются биологически активные вещества, способные спровоцировать развитие рака.

Соответственно в ГМ-продуктах могут содержаться продукты распада гербицидов, которые при попадании в организм человека могут образовать новые ядовитые соединения.

И еще обязательно надо сказать несколько слов о кормах, поскольку это напрямую связано с нашей безопасностью. – Баранов поднял указательный палец, подчеркивая важность сказанного. – По моему мнению, ГМ-корма для наших сельскохозяйственных животных, а также наших домашних любимцев – это вообще проблема проблем, поскольку у нас практически нет никакого контроля за ними. Все корма для животных, которые существуют на нашем рынке, – преимущественно корма, полученные из трансгенных культур и ввезенных к нам из-за рубежа. Мы неоднократно обнаруживали в наших лабораториях трансгенные компоненты, которые никак не обозначались поставщиками. Наши овечки, поросята, коровки, птички спокойно едят все это, а как оно влияет на их физиологическое состояние – никто вам не скажет. Как не скажет и того, как повлияют взятые от них мясо, молоко и яйца на наше с вами здоровье. А ведь если данные, полученные на крысах и мышах, экстраполировать на сельскую живность, то беда не за горами, она уже здесь.

Согласно утверждениям компаний, производящих ГМО, если коровы и козы питаются ГМ-кормами, то их молоко остается стопроцентно биологически чистым. Животное съедает корм, и ГМ-вставка в растении просто разрушается в процессе пищеварения. Однако, по данным ученых из Центра контроля за молочными продуктами Мюнхенского технологического университета, в коровьем молоке были выявлены следы ГМ-растений. Исследовалось молоко коров, которых кормили трансгенной соей и кукурузой.

К этому добавлю исследования норвежского специалиста, доктора Терджа Траавика, который проводил эксперименты на крысах. Им получены данные, что вирус мозаики цветной капусты, который используется в зерновых ГМ-растениях в качестве средства доставки чужого гена в геном модифицируемого растения, был найден в клетках тканей некоторых подопытных животных. Ранее считалось, что такое принципиально невозможно.

У нас в России был проведен уникальный эксперимент: беременных крыс кормили ГМ-соей. В результате более половины потомства погибло в первые недели жизни, а остальные оказались бесплодными. Помимо этого, крысята родились слабыми, болезненными, с множественными патологиями, фактически недееспособными.

А исследования крыс, питавшихся ГМ-картофелем, показали ухудшение состава крови, возникновение аномалий в размерах внутренних органов, множество животных погибло. Практически у всех погибших была выявлена патология тонкого и толстого кишечника.

На последнем Всемирном форуме производителей экологической и безопасной сельскохозяйственной продукции Терра Мадре (Terra Madre) в Италии, где собралось около восьми тысяч представителей со всех континентов, ученые из канадской делегации задали мне конкретный вопрос: «Скажите, российские ученые исследовали влияние ГМ-кормов на сельскохозяйственных животных и ГМ-продуктов, полученных от таких животных, на человека?» Я ответил, что о таких работах в нашей стране мне не известно. На что канадцы заявили: «Это глобальная, мировая проблема! У нас в Канаде, где выращиваются в основном трансгенные культуры, мы обратили внимание на то, что потребление ГМ-корма совершенно очевидно влияет на плодовитость свиней. У них в помете стало меньше поросят почти в два раза. Причем поросята отличаются по размеру и состоянию здоровья, наблюдается большая смертность в первые недели жизни».

Баранов поставил остывший кофе на стол.

– Вы понимаете, Алена Викторовна, – продолжил ученый, – в Канаде есть озабоченность, поскольку они уже не гипотетически, а напрямую столкнулись с этой проблемой и их это беспокоит. У них на повестке дня уже стоит вопрос «А что будет с нашими женщинами, которые будут есть трансгенное мясо, и не произойдет ли с ними нечто подобное?» А мы по-прежнему продолжаем беззаботно употреблять ГМО, и нам все нипочем!

Подытоживая вышесказанное, остается добавить, что общий вывод ученых стран ЕС: **введение ГМ-продуктов в пищевую цепочку человека может привести к непредсказуемому воздействию на его здоровье.**

Полный комплекс исследований о влиянии ГМО на организм человека и животных еще не проведен. Оценка пищевых рисков от потребления ГМ-продуктов сейчас возможна на основании отрывочных данных и разрозненных научных фактов. Нам жизненно необходимы всеобъемлющие и, самое главное, независимые научные исследования под наблюдением общественных организаций и широким оповещением людей о ходе их проведения.

Баранов замолчал, и Алена несколько мгновений обдумывала услышанное.

– Жутковатая получается картина, – произнесла она, – а какова ситуация с ГМО у нас в России?

– О, в России экспансия прошла незаметно, – саркастически усмехнулся Баранов, – мы ежедневно потребляем ГМО на протяжении почти десяти лет.

– Что, вот так все просто? – удивилась Алена.

– В общем-то, да, – подтвердил ученый, – в России даже не существует внятного законодательства, которое бы регулировало использование ГМО. По закону в России нельзя выращивать ГМ-растения в промышленных масштабах, так что все ГМО в наших продуктах – импортные. Причем такой запрет действует де-факто, поскольку нельзя в России выращивать не все ГМ-культуры, но лишь те, что не получили от Государственной экологической экспертизы заключения, подтверждающего их безопасность. Кстати, стоит подчеркнуть, что в нашей стране формально не существует законодательных актов, запрещающих выращивание любых трансгенов. Мы, по крайней мере официально, трансгены не выращиваем. Но в составе импортных продуктов употребляем их в огромных количествах, ведь эти трансгены одобрены Институтом Питания РАМН и утверждены главным санитарным врачом страны Онищенко. Эти господа считают их безопасными.

Первым ГМО, официально получившим прописку в России, стала соя производства компании «Монсанто», устойчивая к гербициду глифосат, он же «Раундап». Всего же на сегодняшний день в России официально зарегистрировано 16 линий ГМ-культур. Среди разрешенных организмов: по четыре сорта картофеля и сои, один сорт риса, два сорта сахарной свеклы и пять сортов кукурузы. Причем, два сорта картофеля произведены уже у нас, в Центре «Биоинженерия» РАН под руководством академика Скрыбина. Остальные ГМО принадлежат американской «Монсанто», швейцарской «Сингента» и немецкой «Байер».

– А как была доказана их безопасность? – Алена выделила этот вопрос в блокноте жирной линией, как один из наиболее важных.

– Фактически никак! – усмехнулся Баранов. – Как заявила заместитель директора Центра «Биоинженерия» РАН госпожа Камионская: «Наше дело создавать трансгены, а проверять их безопасность должны другие». Причем, кто же именно эти «другие», для всей страны остается загадкой. А ведь 16 линий отнюдь не мало. Данные ингредиенты используются практически во всех основных продуктах, таких как хлеб, кукурузные хлопья, кондитерские изделия, мясомолочная продукция, соки и даже детское питание. Чаще всего у нас в России трансгены встречаются в продуктах, содержащих сою, – в 17,7 процента мясных полуфабрикатов, в 16,7 процента хлебобулочных и мукомольно-крупяных изделий, в 16,4 процента соевых продуктов. В группу риска также входят шоколад, газировка, чипсы, детские молочные смеси.

Точных данных по трансгенным продуктам и прочим продуктам, содержащим ГМ-компоненты, поступающим на российские прилавки, нет. В мире этот список насчитывает несколько сот наименований, и все они могут импортироваться в Россию.

Например, по данным Минздрава, в России зарегистрировано 59 пищевых ГМ-продуктов, в том числе 11 напитков и коктейлей, 4 специализированных продуктов для спортсменов, 22 пищевые добавки, 3 вида мороженого, 3 вида вегетарианских гамбургеров и 16 других белковых продуктов.

Но по данным Института питания, трансгенные соя и кукуруза присутствовали в 61 продукте, а именно в муке, колбасах, напитках, пищевых добавках, детском питании.

По данным же российского отделения «Гринпис», все двенадцать крупнейших международных пищевых корпораций поставляют в Россию не менее 77 пищевых ГМ-продуктов, а это сотни наименований кондитерских и хлебобулочных изделий, жиров, приправ, напитков. Причем за последние три года импорт в Россию ГМО увеличился в сто раз. Более 50 процентов импортируемой в страну пищевой продукции и 80 процентов кормов содержат зерно или продукты переработки генно-модифицированных сои, кукурузы, рапса, а также некоторые виды плодов и овощей. В настоящее время, по оценкам экспертов, в реализации населению могут находиться содержащие ГМ-компоненты: 80 процентов соевых продуктов, 80 процентов овощных консервов, 70 процентов мясных продуктов, 70 процентов кондитерских изделий, 50 процентов фруктов и овощей, 15–20 процентов молочных продуктов и 90 процентов пищевых смесей для детей. Кроме того, на рынке России находятся ГМ-сорта томатов, кабачков, рапса, папайи, дыни и других, которые еще не прошли регистрацию в нашей стране.

В России существование ГМ-продуктов выгодно и производителям, и ритейлерам, поскольку никаких сколько-нибудь серьезных санкций за это не предусмотрено. ГМ-продукты привлекательны для розничной торговли. Например, генно-модифицированные овощи и фрукты стоят в 4–5 раз дешевле, чем их натуральные аналоги. Ритейлерам, работающим в низком и среднем ценовых сегментах, торговать ими очень выгодно. Так как сегодня никто в мире не может предоставить точных научных данных о том, что ГМО наносят ущерб здоровью человека, то пока нельзя юридически утверждать, что человечество травят трансгенными продуктами. А пока вред от ГМО не очевиден, отказываться от них продавцам не выгодно. Кстати, единственным ритейлером среднего ценового сегмента, открыто признавшим, что торгует ГМО, стала сеть гипермаркетов «Ашан». Да и то, заявление было сделано на страницах французских СМИ. Свою позицию руководство компании обосновало тем, что, отказавшись от ГМ-продуктов в России, сеть не сможет проводить нынешнюю ценовую политику.

– Но неужели у нас в стране нет специализированных лабораторий, которые могли бы выявлять вредные ГМ-продукты? – Алена подчеркнула в блокноте очередной вопрос интервью. – Ведь кто-то должен следить за этим?

Баранов усмехнулся.

– Все разрешенные ГМО могут применяться в любом продукте, даже, повторюсь, в детском питании. Правда, производитель должен в таком случае указать на упаковке факт наличия ГМО, но на практике это условие зачастую обходится. Но дело даже не в экспертизах как таковых. Производители, которые хотят получить соответствующие сертификаты, приносят в лаборатории образцы продукции без ГМО. Сколько-нибудь объективная картина может появиться, только если проводить регулярные проверки.

Статистически достоверных и, тем более, подтвержденных фактов негативного влияния на здоровье человека ГМ-компонентов нигде в мире не существует, и таких исследований не проводилось. Имеющиеся в нашем распоряжении данные получены только на экспериментальных животных. К тому же и они зачастую противоречивы, так как выполняются разными учеными, часто – представителями фирм-создателей ГМО, и крайне редко – по госзаказу.

Производители трансгенов отказываются предоставлять ученым и экологам информацию о своих продуктах. В Европе дело доходит даже до судов. У нас с получением информации о трансгениках дело обстоит не лучше. Сторонники ГМО вообще отказываются признавать «Гринпис» авторитетом в области трансгенов и предоставлять экологам информацию по их первому требованию. Главный диетолог Минздрава, директор Института питания РАМН Виктор Тутельян однозначно заявил, что часть информации может быть конфиденциальной, и он не понимает, почему должен предоставлять ее общественной организации. Местный «Гринпис» даже судился с ними, кажется, без особых результатов. А тем временем, как мы уже сказали, институт уже провел 16 ГМО в государственную регистрацию.

Поймать же за руку производителей, протаскивающих на рынок неразрешенное ГМО, очень сложно. Существующие методы анализа выявляют только хорошо известные трансгены. Необходимо вводить новые, более эффективные технологии. Кроме того, данные отечественных лабораторий, определявших безопасность ГМО, внедряемых в России, вызывают сомнения как недостаточно полные. В настоящее время в стране катастрофически не хватает законодательно сертифицированных лабораторий в области определения ГМО. А лабораторий, способных выявлять ГМО и достоверно определять их содержание, в России всего три.

Причем, если все лаборатории Госсанэпиднадзора, единственные административные учреждения, которые могут контролировать оборот ГМО, будут регулярно делать анализы продукции на их содержание, то они охватят всего два процента от необходимого объема пищевых продуктов и пищевого сельскохозяйственного сырья. Корма вообще не контролируются.

А самое главное, **не существует надежных методов определения последствий распространения ГМО и их продуктов для природы и человека**. Многие негативные эффекты ГМО, как я уже сказал, проявятся лишь в чреде поколений. Без систематического мониторинга отсутствие доказательств вреда совершенно не означает отсутствие самого вреда.

Все говорят примерно об одном и том же: о недостатке информации. И те, кто выступает против распространения трансгенов на рынке, и те, кто стремится активно продвигать ГМО «в массы».

Необходимость проведения срочных государственных научных исследований в этой области неоднократно подчеркивалась в различных выступлениях ученых, государственных деятелей, представителей общественных организаций. Проблема ГМО вызывает множество споров и разногласий, как в обществе, так и в научном мире, потому в этом вопросе не обойтись без публичных, независимых исследований. По-хорошему, подобные работы должны были вестись пару десятков лет до того, как продукты поступили на рынок.

Ситуацию усугубляет и тот факт, что единого законодательства об использовании ГМ-продукции сегодня нет ни в США, ни в Европе, поэтому точных данных относительно оборота такого товара не существует. В России также нет целевой юридической законодательной базы для обязательного контроля наличия ГМО в пищевых продуктах, сельскохозяйственном пищевом сырье и кормах, вследствие чего практически нет и самого контроля за их оборотом. Да и контроль за правильностью маркировки состава пищевых продуктов практически отсутствует, по сути, каждый может написать на своей упаковке что пожелает, — закончил ученый.

— Но почему нельзя решить эту проблему? — удивилась Алена. — Разве это так сложно? Привлечь больше исследовательских организаций, благо в России их немало, установить законодательную базу, выделить средства, в конце концов, это же в определенном аспекте безопасность страны!

— Совершенно верно! — согласился Баранов. — Я бы даже добавил, что с учетом того, что это достаточно долгая работа, было бы разумным и логичным ввести в стране временный мораторий на использование трансгенов до появления официальных результатов исследований. Кстати, стоить это будет не так уж и дорого в масштабах страны. По нашим подсчетам,

порядка полумиллиона долларов США. Вот только вы забываете про одно маленькое обстоятельство.

– Какое же? – подняла брови Алена.

– Мощное лобби сторонников ГМО. Ведь на карту поставлены огромные прибыли, исчисляющиеся миллиардами долларов в год. И компании-производители трансгенов не скупятся на формирование прочных рядов своих «единомышленников».

– Вы хотите сказать, что они покупают себе сторонников? – Алена отчеркнула этот вопрос как один из наиболее важных.

– Скандалы, связанные с подкупом чиновников биотехническими компаниями, уже не редкость, – ответил ученый. – Достоверно известно, что ради продвижения своих ГМ-культур на рынки целевых стран владельцы трансгенов подкупали различных должностных лиц в таких странах, как Индия, Индонезия, Шри-Ланка, также осуществлялись подобные попытки в странах Африки, и, судя по текущей ситуации, в ЮАР и Алжире им это удалось. Это единственные африканские страны, не отказавшиеся от ГМО.

– Скажите, Александр Сергеевич, – следующий вопрос закономерно вытекал из предыдущего, и не задать его Алена не могла, – а в нашей стране чиновники, ратующие за продвижение ГМО, тоже финансируются производителями трансгенов?

– Ну, подобной информации у нас нет, – улыбнулся Баранов, – и не думаю, что она есть у кого-то другого, иначе это был бы грандиозный скандал на всю страну и не только. Я могу говорить лишь о том, что известно наверняка. А наверняка известно о многочисленных грантах, выделяемых компаниями-производителями трансгенов некоторым нашим ученым.

– И вы можете привести примеры? – поинтересовалась Алена.

– Могу, отчего же нет. Секретом ни для кого это не является. Та же компания «Монсанто» грантовала академика Скрыбина и возглавляемый им Центр «Биотехнология» РАН на исследование и создание ГМ-культур. В этих же целях опять же «Монсанто» неоднократно выделяла гранты Тимирязевской сельскохозяйственной академии, там вопросами ГМО занималась группа ученых, в том числе академик РАСХН Григорий Константинович Эрнст. Ну и конечно же получал гранты от «Монсанто» Институт Питания РАМН под руководством академика Тутельяна, в задачи которого входило определить, несут ли ГМО опасность нашим гражданам или нет. Результаты этих грантов всем известны: 16 линий ГМО официально разрешены в России Институтом Питания, 2 из которых созданы Центром «Биотехнология», – Баранов развел руками.

– Остается только добавить, – усмехнулся он, – что по странному стечению обстоятельств, вызванному, разумеется, простым совпадением, именно эти ученые в настоящее время энергично поддерживают идею трансгеников и активно продвигают ГМО на российском рынке.

– Интересная картинка, – хмыкнула Алена, – накануне нашего интервью я просматривала в интернете информацию по вопросу ГМО. Там можно найти целую баталию из выступлений различных сторонников и противников трансгенов. К сторонникам ГМО, как я поняла, относится и главный санитарный врач России Онищенко?

– Да, он прямо заявляет о своей позиции поддержки трансгенных продуктов, – подтвердил Баранов, – и среди чиновников, ратующих за приход ГМО на российский рынок, он не одинок.

Алена улыбнулась и изобразила движение ручки по бумаге:

– Опять же – например?

– Будет вам пример, – кивнул ученый, – более того, это будет весьма интересный пример. В прошлом году я был включен в состав экспертной комиссии по ГМО Государственной Экологической Экспертизы при Министерстве природных ресурсов РФ. Комиссия эта действовала в соответствии с приказом министра МПР Артюхова от 26.04.2001 года за номером 363.

Членами комиссии были серьезные ученые: четыре кандидата и один доктор биологических наук, представляющие основные научные учреждения страны в области биологии. Руководил комиссией член-корреспондент РАН. Как видите, случайных людей в комиссии не было. Эта экспертная комиссия должна была рассмотреть на предмет биологической безопасности два сорта ГМ-картофеля компании «Монсанто», которые эта фирма пыталась поставить на российский рынок. Был тщательно изучен большой объем информации, материалов и отчетов, сделанных по итогам полевой и экспериментальной проверок. Кстати, в ходе работы комиссии некоторые ее члены упоминали, что на них оказывается давление со стороны как представителей московского отделения «Монсанто», так и со стороны российских ученых, заинтересованных в продвижении ГМО, в частности, соответствующие телефонные звонки делал все тот же академик Скрябин. Однако, несмотря на это, 1 февраля 2002 года, комиссия пришла к заключению, что биологическая безопасность трансгенных сортов картофеля не доказана, и рекомендовала не допускать их на российский рынок.

Вскоре наша комиссия приказом министра МПР Артюхова была распущена. Как нам объявили, вследствие того, что функции свои она исполнила полностью, больше исследовать нечего и потому необходимость в комиссии отпала. На первый взгляд, все логично, вот только совсем недавно я узнал, что подобная комиссия только что создана вновь, приказом все того же Артюхова, но уже в другом составе. У меня сам собой возник простой вопрос: чем же министра не устроил старый состав? Уж не тем ли, случайно, что результатами нашей работы осталось недовольно российское ГМ-лобби?

– Действительно странно, – согласилась Алена, – а это точная информация? Ошибки быть не может?

– Исключено, – Баранов отрицательно качнул головой, – руководителем новой комиссии назначен серьезный ученый, академик Российской Академии Сельскохозяйственных Наук Михаил Сергеевич Соколов, с которым я знаком уже очень давно.

– Все это более чем странно, – повторила она, подчеркивая заметку в блокноте жирной чертой.

В этот момент диктофон издал предательский писк, сообщая о том, что его батарейки собрались в мир иной.

– Похоже, наше интервью окончено? – весело прищурился Баранов.

– Похоже так, – Алена виновато улыбнулась, – на самом деле полученной информации мне хватит надолго, я даже всерьез переживаю, чтобы не запутаться в ней по неопытности.

– Ничего страшного! – ободрил ее ученый. – Если возникнут вопросы, вы не стесняйтесь, звоните, приезжайте, я буду рад помочь.

Они попрощались, и Алена покинула скромный кабинет ученого.

На улице как всегда было холодно, на небе собирались подозрительно темные тучи, довольно прозрачно намекавшие на возможный дождь. Алена, поевшись, забралась в машину, но теплее от этого не стало, за время долгого интервью салон «Кайена» успел остыть до уличной температуры. Алена включила печку на полную мощность и откинулась на спинку сидения, ожидая результата. Ехать в холодной машине не хотелось. Пока салон прогревался, она достала блокнот и принялась изучать сделанные во время интервью пометки. Информации действительно оказалось слишком много, тут по одним тезисам не разберешься, а запасных батареек к диктофону, как назло, не оказалось. Надо будет заехать в магазин.

Стук пальцев по ветровому стеклу отвлек ее от раздумий. Она оторвала взгляд от блокнота и посмотрела в окно. Перед дверью стоял горбатый, донельзя замызганный бомж в каком-то немыслимом рванье, с лицом, наполовину заляпанным грязью, наполовину затянутым самодельной повязкой из остатков чуть ли не сгнившей лыжной шапочки с застарелыми следами крови. Общую картину довершали нелепые ободранные очки с обломанной дужкой и треснув-

шими стеклами, скрепленными грязной полоской скотча. Бомж что-то настойчиво требовал от нее.

– Дай мелочи, красавица! – хрипло донеслось из-за стекла. – Помоги голодному, подай на хлеб Христа ради!

Бомж прислонился ладонями и лицом к стеклу, отчего его чумазая физиономия заняла собою все окно.

– Сколько не жаль, дочка, не оставь в беде инвалида! – продолжал домогаться бомж, все сильнее прижимаясь к стеклу.

В какой-то момент Алене показалось, что она чувствует исходящую от него вонь прямо сквозь автомобильную дверь. Она торопливо нашарила кошелек и не глядя вытащила оттуда купюру. Банкнота оказалась тысячерублевой, но сейчас это значения не имело, Алене казалось, что бомж с минуты на минуту от усердия просто выдавит ей ветровое стекло. Она коротко нажала на кнопку электроподъемника, опуская дверное стекло буквально на сантиметр, и торопливо просунула в образовавшуюся щель купюру.

– Ай, спасибо! – расцвел бомж. – Не дала сирому инвалиду умереть голодной смертью! Дай бог тебе счастья, доченька, и мужа хорошего! – Он вдруг засуетился, шаря за пазухой, и извлек на свет белый жутко грязную тряпку. – А вот я тебе сейчас это, машину вымою, окошки, значит, протру!

Воображение живо нарисовало ей последствия этого процесса, и Алена пришла в ужас.

– Нет-нет! – воскликнула она, закрывая окно и судорожно нашаривая рукой рычаг автоматической коробки передач. – Не надо! Я уже уезжаю, я тороплюсь!

– Дык, я это, я быстренько! – успокоил ее бомж. – Семь секунд! – Он решительно принялся мусолить тряпкой по ветровому стеклу.

Окно моментально покрылось мутной пленкой какой-то грязи.

– Я уже уезжаю! Спасибо! Ничего не надо! Спасибо! – возопила Алена, чуть ли не в пол утапливая педаль газа.

«Кайен» взревел могучим движком, звук которого тут же заглушил визг резины бешено проворачивающихся колес. Автомобиль резко рванулся назад, пронзительно запищал сигнал парктроника, и Алена машинально ударила по тормозам. Сзади раздался душераздирающий визг покрышек экстренно тормозящего автомобиля, возмущенный гудок клаксона и крепкая ругань. К счастью, столкновения не произошло, «Кайен» замер в каких-то сантиметрах от капота чужого автомобиля. Его водитель высунулся в окно чуть ли не по пояс и громогласно принялся рассказывать Алене и всем мимо проходившим собственную теорию о женщинах за рулем вообще и о таких молодых и сопливых, как она, в частности. Наблюдавший за всей этой картиной бомж виновато пожал плечами и, почесываясь по всему телу, побрел прочь, что-то бормоча себе под нос. Алена поспешила поскорее покинуть место стоянки, чуть было не ставшее местом происшествия.

Первым делом пришлось заехать на мойку, чтобы отмыть грязь, налипшую от бомжа на дверь машины и ветровое стекло. Пока мойщики возвращали ее авто прежний вид, Алена понемногу пришла в себя, отходя от инцидента с бомжем. Вот ведь паразит, поморщилась она. «Подай инвалиду, дочка!» Тоже мне, инвалид. Руки и ноги на месте, да и возраста явно не пенсионного. Если и инвалид, то только на голову, блин. Как он сказал? «Дочка»! Алена представила, что было бы, будь у нее такой вот эксклюзивно ароматизированный папочка, и невольно рассмеялась. Бывает же такое. Попала в приключение на ровном месте, хорошо еще, обошлось без аварии.

После мойки она решила сразу отправиться домой, работать с диктофонной записью в офисе, среди множества любопытных ушей, ей не хотелось, да и в сложившейся ситуации это будет не самым верным решением. Дома в одиночестве можно было обдумать всю получен-

ную информацию гораздо спокойнее и продуктивнее. Она позвонила в офис и предупредила редактора, что сегодня ее не будет. Оставалось только купить батареек к диктофону.

Дома Алена четырежды прослушала запись, тщательно обдумывая каждую фразу Баранова. Ситуация с ГМО складывалась совсем не детская, это было видно сразу. Весь хоть сколько-нибудь заинтересованный в данном вопросе мир разделился на два противоборствующих лагеря, каждый из которых решительно отстаивал свои позиции. Власть, деньги и наука плотно перемешались друг с другом в тугом международном клубке противоречий. Однако все это не давало ответа на самый главный вопрос, интересовавший ее изначально. Кому и ради чего понадобилось убивать Стасика. Было крайне нереально, чтобы такой безобидный чудак, как он, мог перевесить в какую-либо сторону чашу весов в этом бурлящем страстями споре мировых титанов. Такое вот уже несколько лет не удавалось фигурам и покрупнее, причем намного. Да и зачем вообще надо было убивать Стасика? Гораздо проще было бы его купить, тем более что для ГМ-корпораций, судя по всему, это стало делом привычным, давно поставленным на поток. Конечно, существовала некая вероятность того, что Стасик окажется жутко принципиальным и неподкупным, однако дело до этого явно не дошло. Было ясно, что ему даже и не пытались дать такую возможность. Выходит, Орешников вдруг узнал нечто столь важное, что жизнь его обесценилась практически мгновенно. Но что именно?

Понять это при текущем уровне информированности не представлялось возможным. Алена включила компьютер и проверила почту. Ответа от Гуру так и не поступало, и она решила на некоторое время отложить эту проблему. Стоило закончить материал для своей колонки, все-таки среда через несколько часов заканчивается, скоро новый уик-энд, а она еще не опубликовала разбор полетов прошедшего. Алена открыла незаконченный текст, но следующие полчаса прошли практически впустую, мысль постоянно уходила в сторону от мира гламура и тусовок, возвращаясь к делу Стасика. В конце концов Алена махнула на все рукой и выключила компьютер. Работа не пошла, выходить в свет не хотелось, и она, немного поразмыслив, решила сегодня лечь пораньше и отправилась в ванную.

Мобильный зазвенел, когда Алена уже собиралась ложиться спать. Звонили на ее приватный номер, но, судя по стандартной мелодии звонка, это не был кто-то из близких людей. Она поморщилась. Надо было заранее выключить телефон, что ли. Алена посмотрела на определитель. Номер не определен. Тоже мне, Джеймс Бонд нашелся, недовольно подумала она. Люди, пользующиеся антиопределителями, ее раздражали, но ответить все же придется, этот номер она не раздавала всем подряд.

– Аллю! – с иронией заявила она в трубку. – Ну и кто же ты, таинственный незнакомец?

– Здравствуйте, Алена, – глухой мужской голос был явно ей не знаком. – Я Гуру. Я получил ваше письмо. Вы все еще хотите со мной связаться?

Такого поворота событий она не ожидала.

– Здравствуйте... – растерянно ответила она. – Как же вы меня нашли... откуда у вас этот номер?

– Это моя забота, – прозвучал ответ. – Так да или нет?

– Да-да, конечно! – спохватилась Алена, оправляясь от растерянности. – Когда вам будет удобно? Мы можем встретиться завтра, например, в...

– Нет, – решительно прервал ее собеседник. – Прямо сейчас. Вы должны быть на улице через пять минут. Одна. Пешком. С собой берите только телефон.

– Но уже поздно! – возмутилась Алена. – На улице темно. Вам не кажется, что это уже слишком? Откуда я знаю, каковы ваши намерения?! Да и вообще, как я могу быть уверена в том, что вы тот, кем представились?!

– Никак, – ответил мужчина. – Вы можете поверить мне на слово и выйти на улицу, либо отказаться и просто не брать трубку. Я очень сильно рискую уже только тем, что разговариваю

с вами сейчас. Выбирайте. Я перезвоню вам ровно через пять минут. Если вас не будет на улице, значит, этого разговора никогда не было. – Собеседник отключился.

Алена пару мгновений колебалась, после чего решительно принялась одеваться, попутно ругая себя за излишнюю доверчивость. Не хватало еще вляпаться в какую-нибудь аферу, в чей-то розыгрыш или чего похуже. Хотя розыгрышем это явно быть не могло, о ее попытке связаться с Гуру, как и о самом его существовании, кроме нее знали лишь отец да Виталий Федорович. А они бы так шутить не стали.

Она поставила личный рекорд по скорости одевания, но в указанные пять минут уложиться конечно же не смогла. Второй звонок застал ее на лестнице.

– Вас нет на улице, – сообщил Гуру, – наша встреча отменяется.

– Нет-нет! – заторопилась Алена. – Я уже иду! Мне просто идти далеко, правда! Я уже из подъезда выхожу!

– Вы кому-нибудь рассказали о нашей встрече? – хмуро поинтересовался собеседник.

– Когда?! – невольно вырвалось у нее. – То есть нет, я никого не предупреждала, – поправились Алена, – вы мне совершенно не дали времени, я едва успела одеться!

– Сожалею, – сухо ответил Гуру, – но это единственный способ. Не вешайте трубку и поторопитесь.

– Да иду я, иду! – обиженно выдохнула Алена. – Уже на проходной!

Она зашла в маленький домик проходной, встроенной в стену окружающего квартал элитных домов кованого решетчатого забора, и, кивнув удивленному консьержу, торопливо вышла на улицу.

Снаружи, кроме ночи и темноты, никого не было.

– А где вы? – спросила она в телефон, оглядывая вокруг. – Я вас не вижу!

– Не волнуйтесь, я рядом и я вас вижу, – заявил собеседник. – Вы стоите лицом к многоэтажке. Идите вдоль нее направо и поверните за угол. Не бойтесь, все в порядке.

– Что-то не очень в это верится... – пробурчала Алена, направляясь в указанную сторону. На улице было холодно, не выше нуля, изо рта при разговоре шел пар, и она почувствовала, что начинает мерзнуть. Алена торопливо прибавила шаг и повернула за угол, оказываясь во дворах. – Что теперь?

– Теперь налево.

Алена снисходительно усмехнулась и повернула в указанную сторону. Кажется, мальчик в детстве не наигрался в казаки-разбойники и сейчас наверстывает упущенное.

– Сейчас повесьте трубку и идите прямо по тротуару, – распорядился собеседник, – вы уже практически на месте.

Она отключилась и пошла по погруженному во тьму двору. Ей стало страшно. Кругом ни души и хоть глаз выколи, вот ведь здорово-то как...

– Еще раз здравствуйте, Алена, – прозвучало у нее над ухом прямо за спиной.

От неожиданности у нее перехватило дыхание. И очень вовремя, иначе она точно бы закричала с перепуга так, что проснулась бы вся префектура. Она резко развернулась. Позади нее стоял рослый худощавый мужчина в джинсах, черной кожаной куртке с поднятым воротником и натянутой на глаза кепке.

– Вы всегда так обходительны? – срывающимся от волнения пополам с возмущением голосом поинтересовалась она. – Вы меня напугали! Я чуть от страха не умерла! Это что, такой способ развлечься?

– Извините! – смутился мужчина. – Напугать я вас не хотел. Но я вынужден соблюдать максимальную конспирацию. – Он указал рукой куда-то в темноту: – Пройдемте в машину, тут холодно, к тому же нас могут увидеть.

Он указал рукой направление движения, приглашая следовать за собой. Алена пошла следом, сильно сомневаясь в том, что кто-то может увидеть их в этой темноте. Через несколько

метров за очередным подъездом обнаружилась арка, в которой мордой на выезд стояла старенькая «Лада» седьмой модели, непонятного темного цвета.

– Сюда, пожалуйста, – Гуру открыл ей заднюю дверь.

Алена с трудом влезла внутрь утлой машины. «М-да», – мельком подумала она, оглядывая потертый салон, пропахший запахом бензина и табака, и покрытую царапинами самодельную тонировку на окнах. На таких дровах ей приходилось ездить впервые. Это даже было в какой-то мере экзотично. Гуру с грохотом огромной консервной банки захлопнул за ней дверь и, обходя машину, направился к водительской двери. Алена оглядела салон. Старенько, но, в общем-то, чистенько. Ни грязи, ни мусора. Лишь большие мягкие игральные кубики – талисман, подвешенные под зеркалом заднего вида, да милицмейская фуражка, лежащая на видном месте за сидениями под задним стеклом. Скорее всего, простая уловка против гаишников.

Гуру уселся на водительское сидение и обернулся к ней.

– Алена, пожалуйста, выключите мобильный, – попросил он и, видя, что она колеблется, терпеливо добавил: – Пожалуйста, сделайте, как я прошу. Это необходимо, поверьте.

Алена скептически пожала плечами и выключила телефон. Что-то в образе Гуру показалось ей смутно знакомым.

– Теперь отсоедините аккумулятор, – произнес Гуру и пояснил: – Иначе можно подслушать нас и даже вероятно вычислить местонахождение. Поэтому лучше перестраховаться.

Она выполнила и эту просьбу. Гуру удовлетворенно кивнул и завел мотор.

– Мы поговорим на ходу, – сообщил он, выезжая из подворотни, – так безопаснее.

– Как хотите, – согласилась Алена. Она уже начала привыкать к этой мании преследования. – Скажите, как вы меня нашли? Откуда вам известен мой личный номер? Его знают совсем не многие!

– Скажем так, это мой секрет, – уклонился от ответа собеседник, – но найти вас было не очень сложно, вы личность приметная.

И снова что-то знакомое мелькнуло в его ответе.

– Кто разговаривал со мной по телефону? – продолжала допытываться Алена. – У вас голос другой. Вы имеете сообщников?

– Сообщники у преступников! – обиделся Гуру. – А голос по телефону изменить не сложно, достаточно накрыть микрофон плотной тканью, не говоря уже о более совершенных способах. Вы хотели со мной поговорить?

– Хотела, – подтвердила она. – Я расследую убийство моего коллеги, Станислава Орешникова. Он упоминал, что работает с вами по некоему делу, связанному с ГМО. У меня есть основания полагать, что его гибель каким-то образом с этим связана.

– Не каким-то, а самым непосредственным! – немедленно отреагировал Гуру. – Его убило «Выживание».

– Что его убило?! – удивленно переспросила Алена.

– «Выживание», – подтвердил Гуру. – По-английски «Сёрвайвинг». Так они себя называют.

– Нелепое какое-то название... – Алена скептически усмехнулась.

– У них под это дело целая философия подведена, – пожал плечами Гуру, – что-то вроде: «Что бы ни случилось с миром, мы всегда выживем». И они неуклонно следуют этому принципу.

Алена почувствовала, что вокруг с каждой минутой становится все больше загадок и все меньше ясности.

– Так все-таки, кто это – «они»? – спросила она. – И зачем им понадобилось убивать Стастика? То есть Орешникова? Я знала его достаточно хорошо, чтобы с уверенностью заявить, что он вряд ли был способен доставить кому-то даже минимальные проблемы.

– Думаю, будет лучше, если я расскажу все по порядку, – сказал Гуру, ведя машину по ночному городу, – тем более что надолго затягивать нашу встречу небезопасно.

– Хорошо, – согласилась Алена, доставая из кармана пальто диктофон.

Заметив движение, Гуру обернулся. В свете мелькающих мимо фонарей его лицо, почти полностью скрытое поднятым воротником и натянутой на глаза кепкой, стало видно намного лучше, но это ничем не помогло. Она явно никогда не видела его раньше.

– Нет! – заявил он. – Никаких записей. Я просто рассказываю, вы запоминаете. Только так! Устраивает?

– Но к чему такие сложности? – удивилась Алена, изо всех сил пытаясь понять, что же именно кажется ей знакомым в его образе.

– Я вам не доверяю, – просто ответил Гуру, отворачиваясь. Он свернул на развязку, меняя направления движения. – Вам придется продемонстрировать серьезность своих намерений, и только тогда я предоставлю вам доказательства.

– И каким же образом я должна это сделать? – нахмурилась она.

– Я скажу. Для вас это не будет сложно... Наверное. – Гуру немного помолчал и добавил: – Я хочу, чтобы вы опубликовали статью.

– Ну, вот это действительно совсем не сложно, – улыбнулась Алена, – это и есть моя работа.

– Вы не понимаете. – Гуру бросил на нее взгляд через зеркало заднего вида и покачал головой. – «Выживание» обладает практически безграничными возможностями. В их руках огромные деньги, купленные правительства, подконтрольные СМИ и госорганы. За рубежом мы не можем опубликовать эти данные уже два года. Кроме того, за нами идет непрерывная охота, мы вынуждены постоянно скрываться. И с каждым годом нас становится все меньше.

– Так все же, кто это – «мы», и кто – «Выживание»? И в чем проблема опубликовать материал? В конце концов, есть же интернет, выкладывай – не хочу, все, что душе угодно! – развела руками Алена.

– Все не так просто, – покачал головой Гуру. – «Выживание» способно контролировать все. Кто-то целиком принадлежит им, кого-то можно купить, на кого-то можно надавить. Но давайте по порядку.

«Выживание» – это транснациональная организация сверхсостоятельных людей, поставивших целью получить контроль над миром. Фактически они хотят мирового господства. Нити тянутся в США, мы полагаем, что это их основная база, но далеко не единственная. Одними американцами все не ограничивается. Членам «Выживания» принадлежат крупнейшие финансовые, сельскохозяйственные, продовольственные, фармацевтические и медийные организации по всему миру. Это, наверное, крупнейший заговор за всю историю человечества, длящийся, по нашим подсчетам, уже более ста лет. Заговор, передающийся внутри богатых семейств от отца к сыну. Направления атаки «Выживания» четко структурированы и тщательно продуманы. Это монополизация сфер финансов, продовольствия, медицины и землевладения. Члены «Выживания» постепенно подминают под себя интересующие сферы. Надо захватить банк – устраивается банкротство, надо захватить финансовую систему – делается финансовый кризис, пора подмять под себя сельское хозяйство – в мире начинается очередная аграрная революция.

Лет сорок – пятьдесят назад «Выживание» пришло к простому выводу. Если ты контролируешь деньги, ты контролируешь правительства, но правительства могут быть переизбраны или свергнуты. Если ты контролируешь нефть и газ, ты контролируешь страны и экономику, но экономики могут рухнуть или, к примеру, перестроиться на другой вид топлива. Но если ты контролируешь еду, ты контролируешь все. Каждого человека, ведь людям не обойтись без еды. С тех пор «Выживание» активно захватывает продовольственный рынок. Они не размениваются по мелочам и не производят консервы, их цель глобальна – захват мирового

сельского хозяйства и животноводства. Сначала мир наводнили «инновационные» технологии химической обработки полей при помощи пестицидов и гербицидов, но эта попытка оказалась неудачной. Мир стал сопротивляться химической заразе, резко окрепло движение «зеленых». И «Выживание» сделало выводы. Оно создало ГМО. В этом продукте организация учла все прошлые ошибки. ГМО выглядит дешевым и выгодным продуктом, привлекательным для бизнеса, а главное – оно защищено авторским правом, то есть дает возможность захватить рынок при поддержке закона.

– Механизм распространения трансгенов мне понятен, – воспользовалась паузой Алена, – я изучила этот вопрос. – Она в который раз отметила, что их беседа ей что-то напоминает, но снова не смогла определить, что же именно. – Но в этом нет ничего убийственного. Это очень грязный большой бизнес, но не более. Почему же гибнут люди?

– Сейчас поймете. – Гуру продолжал петлять по городу. – За много лет развития заговора информация о нем неоднократно просачивалась в мир, но так и оставалась на уровне страшных слухов и нереальных баек. Это происходило потому, что участники «Выживания» досконально продумали систему конспирации. Многие могут догадываться, к кому тянутся нити управления, но никто не может это доказать. Члены организации не записывают на свое имя захваченный ими мир. Для этого используются сложные и запутанные юридические ходы, инвестиционные фонды, акционерные общества, оффшорные компании, разветвленная система дочерних предприятий, родственные связи между несколькими разными фамильными кланами. Вы никогда не узнаете, а тем более не докажете, кто на самом деле является владельцами, например, «ГруппЛайф оф Америка», объединившей в себе крупную часть их компаний. Номинальные руководители зачастую и сами не знают, на кого работают. Их выбрали акционеры. Или учредители. Или просто нанял отдел кадров. Настоящие хозяева всегда в тени. И их можно понять. Если не с кем бороться – то нет и самой борьбы. Таким образом, они неприкасаемы и в безопасности.

Но есть одно «но». Можно гениально продумать любую юридическую цепочку и виртуозно организовать конспирацию. Можно все продумать до мелочей. Но одну вещь нельзя держать под контролем всегда и полностью. Это человеческий фактор. Богатые люди довольно беспомощны в обычной жизни, а сверхбогатые беспомощны вдвойне. Кто-то должен возить их на машинах и самолетах, открывать перед ними двери, готовить еду, подавать корреспонденцию, убираться в особняках и кабинетах, стричь лужайки и рыхлить клумбы. Кто-то должен изобретать ГМО или мыть пробирки. Любой миллионер окружен персоналом из обычных людей, и наши враги из «Выживания» не исключение. А у персонала есть уши и, что удивительно для самих толстосумов, иногда имеются и мозги. Люди слышат, видят и понимают. Конечно, текучесть кадров в таких местах крайне низка, но иногда людей увольняют, от услуг ученых отказываются, любовниц бросают. И тогда информация просачивается наружу. Если она не имеет под собой доказательств, «Выживание» реагирует очень тонко. В СМИ появляются едкие заметки, высмеивающие очередного «борца с международным заговором». Очевидца быстро низводят в разряд аферистов и шарлатанов, а его информация пополняет собой бездонную копилку абсурдных слухов. А когда доказательства есть, «Выживание» не останавливается ни перед чем. И тогда гибнут люди. – Гуру неожиданно замолчал и пару секунд задумчиво вел машину.

– У вас имеются какие-то конкретные доказательства существования «Выживания» и их работы? – предположила Алена.

– К нам в руки попал один предельно секретный документ «Выживания». Месячный отчет, составленный для самой верхушки. Сорок семь страниц фактов, цифр и фамилий. Мировая сводка о захвате финансовых интересов влияния, сельхозземель, предприятий, рынков фармакологических препаратов и зерновой продукции. Там же были доклады из научных лабораторий их компаний, из которых можно многое понять.

– Например, что?

– Например, то, что ГМО, выбранное «Выживанием» в качестве основного оружия для захвата мирового продовольственного рынка, имеет «маленький побочный эффект». Оно калечит и убивает людей.

– Это серьезное обвинение. – Алена слегка качнула головой. – Тем более, что, насколько мне известно, на сегодняшний день ни у кого подобной информации нет.

– Такая информация есть, – возразил Гуру, – есть она и у них, и у нас.

– Как же это такая могущественная организация допустила столь грубую оплошность? Как произошла утечка конфиденциальных данных? – Алена разглядывала мягкую игрушку-талисман, подвешенную под зеркалом заднего обзора. Белые игральные кубики смешно трепыхались на поворотах и бились о лобовое стекло. При этом они были яркие и чистые, словно из магазина. Наверное, Гуру их регулярно стирает, не иначе. Она мысленно улыбнулась: а он сентиментален. – Или всему виной человеческий фактор, о котором вы упомянули? – добавила она вслух.

– Моя младшая сестра работала моделью, – задумчиво ответил Гуру, – она была красивой девушкой. – Он немного помолчал. – Два с половиной года назад ей предложили контракт в США. Предложение было заманчивое, и она согласилась. Лиза звонила мне каждую неделю. Штаты ей понравились. На одной квартире с ней жила модель-китаянка, они быстро сдружились, она набросала мне через интернет добрую сотню фотографий. Спустя четыре месяца она познакомилась с молодым человеком, американцем, из очень богатой и приличной семьи. Мне это конечно же очень не понравилось, но сестра пребывала в восторге, а воспитывать двадцатилетнюю девчонку через океан по телефону было глупо. Ну как же, образованный, обходительный, эрудированный и совсем не бедный. Некто Питер Смитсон, на тот момент двадцати шести лет. Прямо американская мечта! – зло усмехнулся Гуру. – Все как в сказке, только одна досадная мелочь: мистер Америка любил потусить в элитных ночных клубах, где был не прочь сильно напиться. Она неоднократно рассказывала, что он сам жаловался на неприятности, возникающие у него из-за пристрастия к ночной жизни. Его отец относился к этой его привычке крайне негативно. Кстати, о своем отце этот тип рассказывал только будучи пьяным, и только совсем нереальные истории. Будто он связан с людьми настолько великими, что им не то принадлежит, не то почти принадлежит весь мир, при этом упоминал про какое-то «Выживание». Мы еще смеялись – хоть бы название придумал менее нелепое. – Гуру вновь замолчал на несколько мгновений.

– Как-то раз Лиза позвонила мне в неурочное время, прямо на работу. – Он в который раз сменил направление движения. – Ей было страшно. Она рассказала, что этот парень снова набрался в клубе до бесчувствия, и ей пришлось чуть ли не тащить его домой. Дома он не расставался с какой-то папкой, каждую минуту заявляя, что это сверхважные документы для очень серьезных людей, которые доверил ему отец. И что если отец узнает о том, что он привез их домой, то точно его приберет. Поэтому их надо обязательно запереть в сейф. Но по пьяни он не смог правильно запереть дверцу, и сейф остался открытым. Лиза из любопытства заглянула в папку и начала читать документ. За этим занятием ее застал случайно проснувшийся пьяный бойфренд, наорал на нее, заявив, что она засунула свой нос куда не надо и теперь ей конец, после чего вскоре снова уснул. И теперь она сидит в страхе рядом с ним и не знает, что делать, так как информация в документе была и вправду жуткая.

Гуру вновь замолчал, но на этот раз продолжил рассказ практически сразу:

– Я посоветовал ей не переживать из-за всякой ерунды, взять такси и ехать домой, а документ, раз уж он выглядит таким страшным, на всякий случай сфотографировать на камеру мобильного телефона и, если возникнут неприятности, немедленно обратиться в полицию. В тот момент я находился на службе и не мог долго разговаривать. Решили созвониться после того, как я закончу работу. Но больше она так и не позвонила. Ее телефон с тех пор не отвечал.

Через два дня мне позвонили из МИДа и сообщили, что моя сестра и ее китайская подруга были найдены мертвыми у себя в квартире. Причина смерти – передозировка наркотиков. И вроде даже нашлись свидетели из числа местных наркоманов, подтвердившие, что Лиза с подругой часто обращались к ним с просьбой помочь купить наркотики. – Гуру злобно скривился. – Но я знаю, что она не была наркоманкой. Лиза никогда в жизни не трогала эту дрянь. Да и не стала бы она от меня скрывать, у нас были очень доверительные отношения. Я бы все равно узнал по приезду, не было смысла скрывать. И с родственниками китайки я связался, они тоже были в шоке, какие, к черту, наркотики! – Гуру задохнулся словами и сделал паузу, чтобы отдышаться.

Он успокоился быстро и закончил уже спокойным голосом:

– Лизу и ее подругу убили. И инсценировали самоубийство. Работали специалисты, все было сделано очень грамотно. Одно только они не смогли предотвратить. Через три недели после ее смерти я получил небольшую посылку из США. В утро своей смерти Лиза отправила мне документ и короткую записку. Оказывается, фотокамера на ее телефоне сломалась, и сфотографировать документ было невозможно. И она не придумала ничего лучше, как украсть его и выслать мне. – Он грустно покачал головой. – Не знаю, зачем она это сделала, видимо, бойфренд запугал ее слишком серьезно. Возможно, поэтому ее и убили, хотя, наверное, ее убили бы в любом случае, уже только за то, что она просто прочла этот отчет. Я не знаю. Но отчет попал ко мне, и я начал действовать.

– Жуткая история, – печально заметила Алена, – если я правильно поняла, вы, имея на руках подлинники неких компрометирующих документов, так и не смогли ничего сделать?

– Не смог, – хмуро подтвердил Гуру. – Более того. Я являлся сотрудником правоохранительных органов и первым делом обратился к начальству. Хорошо, что я по наитию сделал копию документа и отнес «наверх» именно ее. Копию забрали, пообещали разобраться. Несколько дней была тишина, а потом вдруг начальство без объяснений потребовало оригинал «для проведения расследования». Я попросил конкретных разъяснений и получил отказ. Тогда и я отказался отдавать оригинал. На следующий же день, пока я был на службе, мою квартиру перевернули вверх дном и буквально выпотрошили. Документ они не нашли, я хранил его в другом месте. Еще через день меня вызвали в службу внутренней безопасности и сообщили, что я временно отстранен от работы, так как на меня поступила информация об использовании служебного положения в корыстных целях. Вечером у подъезда меня встретили двое и прямо посоветовали отдать документ, пока еще не поздно. Я отказался и решил завтра идти в прокуратуру. Но утром меня уже пришли арестовывать. Не попался чисто случайно – мусоропровод забился, и пришлось выносить мусор в соседний двор, где мусорные баки на улице стоят. Возвращаюсь, а у подъезда уже спецмашины и группа захвата. Приехали, словно за бандой террористов. Так и ушел, в чем был. Позже узнал, что разыскиваюсь за торговлю наркотиками, якобы есть свидетели, что я давно дурью торгую и сестру свою на иглу посадил. В семь секунд объявили в международный розыск. С тех пор скрываюсь. – Гуру помолчал и добавил: – Мы все так живем.

Тут наконец-то Алену озарило, она вспомнила, кого напоминал ей Гуру.

– Скрываться вы умеете, тут не поспоришь! – оценила Алена.

Только сейчас она поняла, что Гуру не просто беспорядочно петляет по городу. Все это время он менял пустынные улицы на проспекты с оживленным движением и наоборот. Там, где на дороге были другие автомобили, он набирал скорость и старался обогнать как можно больше машин, держа такой ритм какое-то время. Затем он съезжал на пустую улицу и еле плелся по ней с черепашьей скоростью. Все верно, сначала надо оторваться от возможного хвоста, делать это лучше всего на оживленной трассе, а позже на пустой улице проверить, не едет ли кто за тобой, для чего держать низкую скорость. Хвост будет вынужден либо обнаружить себя,

либо обогнать, после чего ты сможешь, например, изменить направление. Так рассказывал ей Виталий Федорович. Видимо, Гуру на службе не зря ел свой хлеб.

– Я с трудом вас узнала. Вы, между прочим, меня очень напугали, я тогда чуть не врезалась! – Алена укоризненно прищурилась. – Для чего было нужно переодеваться в бомжа? Мне потом пришлось машину мыть.

– Жить захочешь – еще не в то переоденешься! – жестко оборвал ее Гуру. – И я должен был убедиться, что вы та, за кого себя выдаете. Я так понимаю, вы опознали меня по присказке «семь секунд». Никак не могу от нее избавиться, – он недовольно поморщился.

– Судя по истории с Исмаилом Шамоевым, вы уже пытались опубликовать эти документы? – спросила Алена, мысленно отчитав себя за проявленную нетактичность.

– Так как меня сразу же объявили в розыск, ни в какую прокуратуру я уже не пошел. Я отправил туда копию документов, еще несколько таких же отослал в редакции крупных газет. Публикаций не последовало, никаких заявлений от прокуратуры тоже. Зато меня принялись интенсивно искать, дважды чуть было не накрыли. Пришлось действовать осторожнее. Я пробовал выкладывать документы в интернете. Вышло только хуже, на эти ресурсы начинались хакерские атаки в совокупности с целым шквалом насмешек и упреков во лжи. Целые толпы комментировали это в том духе, что, мол, какой-то прыщавый малолетка неуклюже сфабриковал очередное доказательство «мирового заговора» и таким образом хочет привлечь к себе внимание. Видимо, на владельцев ресурсов тоже давили, потому что закрывали мои страницы очень быстро. Тогда я принялся искать единомышленников. И быстро выяснил, что «Выживание» тоже меня ищет. Несколько раз со мной под видом заинтересованных СМИ пытались выйти их люди, а также сотрудники правоохранительных органов. Пришлось надолго залечь на дно. Позже я решил попробовать опубликовать документы в желтой прессе. Я думал, что за подобными изданиями «Выживание» не следит. Но я ошибался. Там ситуация повторилась. Шамоев, который получил от меня копии нескольких страниц документа, разбился на машине буквально на третий день, а я вновь чуть не попался. Снова пришлось уходить на дно. В конце концов я решил пойти в «Ай-Эм-Джи», в качестве последнего шанса.

– Почему же последнего? – удивилась Алена. – Репутация господина Рогожина как независимого издателя широко известна. Мы не подконтрольны и ведем честный бизнес. Нам рот заткнуть не в силах никто. Поэтому нас не любят и боятся.

– Я очень на это надеюсь, – кивнул Гуру, – тем более что больше надеяться уже не на кого и идти некуда. Только будьте предельно осторожны, Алена. До Орешникова они добрались сразу же, как только я дал ему ссылку и пароль доступа к сайту, где храню копию. Мне отказали в хостинге без всяких объяснений в тот же день. У них возможности если не безграничные, то очень мощные.

– Не безграничные, и вскоре вы сможете сами в этом убедиться! – заявила Алена. – Вам стоило обратиться к нам сразу, это бы намного облегчило дело.

– Сразу я не пошел к вам потому, что на моей прежней службе ваш холдинг пользуется дурной репутацией.

– Да? – усмехнулась Алена. – И почему же? Уж не ставят ли нам в вину связи с «пресловутым Западом»?

– Точно так! – согласился Гуру. – Честно говоря, я побоялся, что если вы плотно сотрудничаете с американцами, то находитесь под контролем «Выживания».

– Спешу вас обрадовать, что это было неверное умозаключение, – ответила она. – Жаль, что Стасик решил сыграть в супермена и не привлечь к работе более опытных коллег. Сейчас все могло бы быть по-другому. Если ваш материал настолько ценен, мы опубликуем его независимо от желаний правительства, «Выживания» или кого бы то ни было еще и здесь, и за рубежом. Кстати, вы пробовали связываться с зарубежными изданиями?

– За рубежом дела обстоят еще хуже, именно оттуда «Выживание» к нам и пришло. Мне с огромным трудом удалось связаться с несколькими такими же, как я. Теперь мы поддерживаем связь, и я имею довольно четкое представление о сложившейся там ситуации. Да и опыт работы с интернетом это подтверждает. Я ведь выкладывал свои данные на самых разных сайтах, в основном зарубежных.

– Вы сказали, «Выживание» пришло к нам? – уточнила Алена. Она жалела о том, что Гуру не дал ей воспользоваться диктофоном, надеяться только на память было несерьезно. – Этому есть документальные подтверждения?

– Данные по России в тех документах имеются, – кивнул Гуру, – к тому же с тех пор я делал все, что мог, дабы собрать максимальное количество информации. Ситуация складывается серьезная. «Выживание» ведет активную и очень опасную экспансию. В последние годы они через множество не связанных между собою зарубежных инвесторов приобрели огромное количество рынокообразующих предприятий пищевой промышленности: сахарные и молочные заводы, элеваторы, комбинаты по производству хлебопродуктов, мясокомбинаты и подобные им предприятия. Кроме того, активно скупаются сельскохозяйственные угодья. На сегодняшний день в России 80 процентов обрабатываемой земли находится в частной собственности, и не известно, сколько из этого принадлежит марионеткам «Выживания». Для сравнения, в США сельхозугодия государство сдает в аренду, и даже под арендой их в частных руках не более 40 процентов.

– А какое это имеет отношение к ГМО и к захвату страны?

– Непосредственное. – Гуру хмуро поглядел на нее в зеркало. – Купленные предприятия перепрофилируются или ликвидируются. Они перестают производить продукты. В результате население покупает больше импорта. Купленные сельхозугодия засеиваются трансгенами, их уже 16 линий в России разрешено.

– Да, я в курсе, – вставила Алена, – но эти линии проходили проверку...

– Где? – перебил ее Гуру. – В научно-исследовательских учреждениях, которые финансируются производителями ГМО? Уж не в Институте ли Питания РАМН, например? А вы знаете, что рекламная брошюра, лежащая на стенде в каждом российском «Макдоналдсе», открывается словами Директора Института Питания РАМН, академика РАМН и главного диетолога Минздрава России Виктора Тутельяна: «С позиции диетолога я хотел бы отметить, что «Макдоналдс» обеспечивает разнообразие, доступность, возможность широкого выбора продуктов питания, а также полную информацию о пищевой и энергетической ценности предлагаемой продукции. Иными словами, в России «Макдоналдс» интенсивно реализует идею здорового питания и быстрого обслуживания». – Гуру усмехнулся: – Я ничего не забыл? Ах, да, при этом он также является членом международного Консультационного совета по вопросам пропаганды сбалансированного образа жизни, учрежденного тем же «Макдоналдсом».

– А что, «Макдоналдс» тоже использует в своих продуктах ГМО? – спросила Алена.

– В каких продуктах, Алена? – поморщился Гуру. – Фактически у них нет своих продуктов, они ничего не выращивают, все компоненты для своего фастфуда «Макдоналдс» закупает. То же мясо. А, например, в США для откорма скота широко применяются корма на основе трансгенов. Не думаете же вы, что руководство «Макдоналдса» понятия не имеет, чем именно кормят кур и коров, из мяса которых они потом делают свои гамбургеры? Но дело даже не в этом. Как у нас должностное лицо, отвечающее за правильность питания целой страны, может иметь прямую связь с каким-то консультационным советом, учрежденным, а значит, и финансируемым коммерческой фирмой, и это ни у кого не вызывает вопросов?

– Ну... вероятно, в этом нет ничего такого... – осторожно предположила Алена. – И никакого вреда в «Макдоналдсе» действительно нет...

– Вы в этом так уверены? – посмотрел на нее Гуру. – Вы повторяете ошибку всех людей, которые регулярно едят эту дрянь из «Макдоналдса». Вы попросту не интересуетесь тем, что

едите. Лишь бы было вкусно. А ведь данные о «пользе» «Макдоналдса» совсем не являются секретными. Кстати, это результаты исследований ученых США, не желающих идти на поводу у хапуг, набивающих свои карманы за счет здоровья людей. Я могу в двух словах рассказать вам суть, если хотите.

Американский исследователь Морган Спурлок провел эксперимент. Он ровно месяц питался только пищей из «Макдоналдса», находясь под строгим контролем врачей, которые специально отслеживали изменения, происходящие в его организме. За месяц «Макдиеты» он потолстел на 11 килограмм. И наши девушки, посещающие «Макдоналдс» пару раз в день, еще удивляются, обнаружив у себя целлюлит или лишний вес в 16 лет? – Гуру усмехнулся. – Но это еще не все. В течение диеты Морган регулярно испытывал головную боль, боли в груди, в животе, появилась отдышка, пропало сексуальное желание. Общее эмоциональное состояние он описывал как апатичное, депрессивное и раздраженное. По результатам медосмотра стало ясно, чем наградила Спурлока «Макдиета» помимо лишнего веса.

У него появилась гиперурикемия – состояние, приводящее к развитию подагры и мочекаменной болезни.

Головные боли были следствием гипертензии – повышенного кровяного давления и гипогликемии – низкого содержания сахара в крови.

Была нарушена функция обмена веществ щитовидной железы, так называемый гипотериоз – недостаточность гормонов щитовидки, именно он вызвал усталость, слабость, депрессию, эмоциональную раздражительность, затуманенность мозга.

Уровень холестерина возрос со 165 пунктов до 225.

Содержание триглицеридов составило 220 против 40 перед началом эксперимента.

Кроме того, у Спурлока было зафиксировано повышенное давление, чем он вообще ранее не страдал!

Состояние печени к концу эксперимента достигло стадии воспаления и появились симптомы, схожие с заражением вирусного гепатита А. Помимо этого был выявлен неалкогольный стеатогепатит – заболевание, обычно свойственное алкоголикам. После этого состояния часто наступает цирроз, а он необратим и потенциально летален. Кроме того, анализы крови выявили нарушение функции печени и по другим параметрам. Там научные детали, которых я не помню на память, но вы легко можете найти все эти данные в открытой печати! – Гуру бросил на нее взгляд. – Это вы называете «идеей здорового питания»? Неужели вы верите в то, что ученый такого ранга, как академик Тутельян, понятия не имеет об этих данных?

– Вы хорошо разбираетесь в сути вопроса, – осторожно прокомментировала Алена, – то есть вы считаете, что «Макдоналдс» имеет отношение к «Выживанию»?

– У меня нет доказательств этого, – поморщился Гуру, – но лично я уверен, что все это звенья одной цепи. Но об этом вам лучше поговорить с нашими американскими единомышленниками.

– Я с удовольствием побеседую с ними, – согласилась Алена, – как это можно сделать?

– В свое время узнаете, – уклончиво ответил Гуру, – пока же предлагаю вернуться к нашему разговору.

– Да-да, конечно! – спохватилась она. – Вы остановились на том, что наша страна подвергается ГМО-захвату.

– Именно так! – подтвердил он. – В последнее время сторонники ГМО у нас значительно окрепли, их лобби усилилось, они ведут активную работу по ослаблению российского законодательства в области биобезопасности. Делается все для того, чтобы транснациональные биотехнологические, фармакологические и продовольственные компании не испытывали сложностей в захвате нашего сельхозпроизводства и вытеснении наших медикаментов и продуктов питания.

Довольно странно, что министерство, отвечающее за здоровье населения, упорно не замечает существования проблемы ГМО. Ни Минсоцздрав, ни подведомственный ему Роспотребнадзор не владеют достаточной и полной информацией в области контроля и мониторинга за ГМО на территории России и не обеспечивают необходимый уровень биобезопасности страны. Если те же «зеленые», например, или другие заинтересованные лица обращаются к главному санитарному врачу России Геннадию Онищенко, то обращения эти зачастую просто остаются без ответа. – Гуру вновь взглянул на нее в зеркало. – Вам не кажется это странным? Законов, которые могли бы юридически регулировать оборот трансгенов, в стране нет, зато правительство предлагает вместо закона принять технические регламенты, устанавливающие требования к безопасности продуктов, в производстве которых используются ГМО. Непонятно, при чем здесь эти регламенты и почему они важнее закона? Уж не потому ли, что эти самые регламенты разрабатывали главные лоббисты продвижения ГМО на отечественный рынок – Зерновой Союз и Институт питания РАМН? А проект закона о биологической безопасности делали независимые эксперты Российской Академии Наук, Государственной и Московской городской думы, общественных организаций. – Гуру иронически усмехнулся. – Понятное дело, зачем марионеткам «Выживания» такой закон. И так ясно, что если этот проект закона, основывающийся на мировом опыте, и попадет на рассмотрение правительства, то от него ничего не останется. Его «дополнят» и «поправят» в нужных местах – и готово, заокеанские хозяева довольны. И присоединяться к так называемому «Картахенскому протоколу» – международному документу, ограничивающему оборот ГМО, мы тоже не спешим. А ведь его уже 141 государство подписало. – Он скривился: – Зато сейчас распространение ГМО в нашем сельском хозяйстве практически бесконтрольно. Если так пойдет дальше, скоро мы будем есть либо импорт, либо отечественные продукты, изготовленные с применением ГМО. Будем зависеть от «Выживания» целиком, да еще и платить им за права на интеллектуальную собственность как держателям патентов на трансгенные вставки. И не надо никого завоевывать: перестал продавать продукты – сами на колени упадут. Или покончат с собой, что еще проще, – освободится земля, как в Индии.

– Что вы имеете в виду? – озадаченно спросила Алена. – «Выживание» захватывает земли в Индии?

– «Выживание» захватывает все и везде, где только может, – философски заметил Гуру. – Несколько лет назад «Монсанто» организовало массовую продажу семян ГМ-хлопчатника в Индии мелким фермерам. Кстати, когда фермеры покупают у компании ГМ-семена, они дают подписку, что не имеют права отдавать их на исследования. Так вот, очень часто семена не прорастали, и фермеры были вынуждены снова и снова закупать их у производителя. Уже через два года они не смогли получить новый урожай. Семена просто не прорастали. Бесплодность семян привела к резкому росту самоубийств среди фермеров в Индии, только в этом году их было зафиксировано около ста тысяч.

– Что? – У Алены расширились глаза.

– Сто тысяч трупов, вот что, – хмуро подтвердил Гуру. – Но это еще не все. Собственно, это и есть та самая возможность для вас продемонстрировать серьезность своих намерений. Дело в том, что в этом индийском деле как-то замешан господин Питер Смитсон, это связано со скупкой земель разорившихся фермеров. Я полагаю, что после случая с Лизой его отправили в Индию учиться уму-разуму. Он уже не пьет и не веселится, к нему не подберешься.

– Что необходимо сделать? – спросила Алена.

В этот момент часы на руке Гуру издали пару коротких трелей. Он посмотрел на циферблат.

– Нам пора заканчивать! – сообщил он. – Вам нужно вылететь в Дели как можно скорее. В аэропорту вас встретит господин Свами Венката, он один из нас. Именно ему удалось добыть документы, подтверждающие связь Смитсона с одним из банков-посредников, кредитующих

фермеров под залог их земель. Он введет вас в курс дела и передаст документы. Венката тоже скрывается и не может рисковать, доверяясь почтовым отправлениям и другим традиционным способам. Получите у него документы, и когда они будут у вас, я предоставлю вам копию того, что имеется у меня. После выхода первой публикации я передам вам оригинал. Вот и все.

– Хорошо, – немного подумав, ответила Алена, – я сделаю так, как вы предлагаете. Завтра я забронирую ближайший рейс и сообщу вам. Как с вами связаться?

– Никак, – ответил Гуру, – я сам с вами свяжусь.

Он загнал машину в какой-то двор и остановился.

– Вам лучше выйти здесь. – Он обернулся к ней. – Сразу за углом стоянка такси, там всю ночь водители караулят. – Гуру показал направление рукой: – Идти пятнадцать метров. К сожалению, я не могу подвезти вас ближе, машину могут запомнить.

– Очаровательно! – вздохнула Алена. – Что ж, пятнадцать метров самостоятельно я пройти смогу. – Она открыла скрипящую дверь и вылезла из старенькой «семерки». – Всего вам доброго.

– И вам, – ответил Гуру. – Я надеюсь, что теперь у нас все получится.

Алена кивнула и захлопнула дверь. Гуру сразу же уехал. Она проводила его машину взглядом. «Семерка» оказалась вишневого цвета, чисто вымытая с донельзя заляпанным грязью задним номерным знаком. После рассказа Гуру его поведение уже не казалось паранойей. Тут впору задуматься о собственной безопасности. Алена поежилась, почувствовав, как ночной холод начинает пробираться через короткое пальто, и направилась к стоянке такси.

– Поверить не могу! – хмуро покачал головой Виталий Федорович. – Вы отправились на встречу с незнакомым человеком, посреди ночи, одна, никого не предупредив, по первому его требованию, просто поверив ему на слово?! – Старый генерал был обеспокоен не на шутку. – Нам всем очень повезло, что все обошлось.

Они с отцом переглянулись, и Рогожин сурово посмотрел на дочь:

– Ты проявила верх легкомыслия, Алена! – сухо произнес он. – Не ожидал от тебя подобной беспечности.

Отцовский взгляд был настолько пронзительным, что Алена виновато опустила глаза.

– Да ладно вам, – недовольно поморщилась она, – ничего же страшного не произошло. Да и потом, когда мне было предупреждать? Все произошло слишком быстро. Я же говорю, Гуру продумал нашу встречу заранее.

Ей удалось встретиться с отцом довольно быстро. Рабочий день Рогожина был всегда расписан на добрую неделю вперед, но, узнав, о чем именно пойдет речь, отец отменил встречу в министерстве. И вот теперь они с Виталием Федоровичем распекали ее, словно малолетку. Ей, видите ли, не стоило идти на встречу с Гуру в одиночку. О том, что она добыла громкий материал и ценного свидетеля, никто почему-то особо не упоминал. Алена вздохнула. Это было в манере отца, таким образом он периодически напоминал ей, что для него она есть и всегда останется ребенком. С его позицией она ничего поделать не могла, и это ее всегда немного задевало, провоцируя лишний раз доказывать ему обратное. Хотя бы даже из принципа. Но сегодня был другой случай. Хоть отец и был внешне, как всегда, невозмутим, в его глазах ясно читалось беспокойство за дочь, и Алена чувствовала свою вину.

– Вы могли бы перенести randevu на следующий день! – генерал продолжал упорствовать. – Надо было настоять на этом.

– Нет, – решительно качнула головой Алена, – он бы на это не пошел, и встреча бы попросту не состоялась. Он действительно скрывается чуть ли не от всего мира, это было хорошо видно по его поведению, манере езды. Гуру бы не решился откладывать разговор.

– А если бы он оказался психически нездоровым человеком? – возразил генерал. – Вы не хуже меня знаете, Алена, сколько по меньшей мере странных людей живет идеями всевозмож-

ных заговоров, окончательно потеряв ощущение реальности, и всерьез воспринимает разные бредни.

– Не стоит сгущать краски, – терпеливо ответила она, – я еще раз повторяю, он вполне адекватен и совсем не похож на психа. И говорит он вполне убедительно! – Она перевела взгляд на отца.

– Виталий Федорович прав, – отец укоризненно поджал губы, – ты подвергла себя необоснованному риску. Я прошу тебя впредь быть более благоразумной. Я очень беспокоюсь за тебя и меньше всего хочу, чтобы ты пострадала. Мы поняли друг друга?

– Обещаю больше так не делать, – виновато улыбнулась она и гордо добавила: – Но зато я достала сенсационный материал! Разве оно того не стоило?

– В сенсационности сведений твоего Гуру надо еще убедиться, – нахмурился отец, – пока мы имеем лишь слова и ни одного доказательства, а обвинения выдвинуты серьезные. Мы – авторитетный медиахолдинг, и не можем публиковать не подтвержденные фактами домыслы. Почему он сразу не принес свои документы на встречу? Мог бы захватить хотя бы копии.

– Думаю, он хотел меня проверить и в то же время не подставить под удар, как случилось с Шамоевым и Стасиком, – предположила Алена, – не даром же он сперва переоделся в бомжа. Кстати, сыграл он идеально, ни за что бы не догадалась, что вижу маскарад.

– Да уж, этот Гуру не так прост, раз умудряется успешно скрываться от столь могущественных врагов уже третий год. – Рогожин многозначительно посмотрел на генерала: – Что будем делать?

– Без сомнения, мы должны предложить ему убежище, – ответил Виталий Федорович, – он сильно рискует. Если с ним случится непоправимое, вся работа Орешникова и Алены пойдет насмарку. – Он посмотрел на Алену: – Предложите ему нашу защиту, мы сможем обеспечить его безопасность. А вам выдадим охрану.

– Нет уж, спасибо! – отмахнулась она. – Охрана не может обеспечить безопасность даже в офисе, как видно из дела Стасика. Я не хочу, чтобы за мной везде и всюду волочились бесполезные жлобы и пугали людей!

– Алена, не передергивай! – строго одернул ее отец. – От проникновения агентов недоброжелателей не застрахован никто! И наша охрана состоит из далеко не самых плохих сотрудников, эту проблему мы решим в кратчайшие сроки. А отпускать тебя одну по ночам на опасные встречи я более не намерен. Уже погибло два человека, и я считаю, что это более чем достаточные основания!

– Ну, папа, – взмолилась Алена. – Как я полечу в Индию с охраной?! Меня же за версту видно будет. А вдруг этот Свами Венката испугается и не придет на встречу? Они там боятся даже собственной тени!

– Алена Викторовна права, – генерал неожиданно встал не ее сторону. – Не стоит привлекать к себе внимание. – Он посмотрел на Рогожина: – Мы организуем ей в Москве скрытое сопровождение. Я поставлю на это дело лучших людей, которым доверяю лично. В Индию ей действительно лучше лететь одной. Порой хорошая конспирация надежнее самой квалифицированной охраны. К тому же много времени это не займет.

– Хорошо, будь по-вашему, – сдался отец, – лети одна. Но пожалуйста, Алена, будь предельно осторожна. При малейших подозрениях немедленно звони мне или Виталию Федоровичу.

– Разумеется, – согласилась она. – А про то, что мы могли бы предоставить защиту Гуру, я и сама уже думала. Я предложу ему, как только он позвонит.

Но Гуру не позвонил. Два дня Алена пыталась откопать хоть какую-то информацию, подтверждающую слова Гуру. Но бесконечные поиски в интернете и многочисленные звонки знакомым журналистам-международникам практически ничего не дали. Фамилия Смитсон была

одной из наиболее распространенных в англосаксонских странах, и вариантов Питеров Смитсонов обнаружилось великое множество, при этом ничего конкретного по интересующей ее теме не значилось. Пришлось признать, что поиски зашли в тупик. Тогда она попробовала искать в светской и скандальной хрониках, но и там людей с похожими данными оказалось предостаточно.

В конце концов, одна из знакомых тусовщиц, регулярно посещавших голливудские ночные клубы, вспомнила, что вроде подобный тип ей когда-то встречался, но было это давно и ничего конкретного она рассказать не может.

– Давно это было, уж года три прошло, Аленка! – голос в телефонной трубке тараторил так быстро, что у Алены защеколало в ухе. – Я плохо помню. Была туса закрытая, там мне его и показали. Забавный такой персонаж, в «Бриони» ручной работы с алмазными запонками и часами за сотню косарей, пьяный в дым и при этом пытающийся сохранять светские манеры. Клоун да и только, я тебе говорю! Мы тогда вволю посмеялись, наблюдая за ним. Знакомые говорили, де отец его фигура жутко влиятельная, по разным слухам связанная не то с Ротшильдами, не то с Рокфеллерами, не то с Морганами, не то со всеми сразу, не то ни с кем из них. Не разберешь! – Она захихикала. – Там ведь любят попонтить не меньше нашего! А зачем он тебе? – поинтересовалась подруга и, не дожидаясь ответа, продолжила: – Ничего такого он собой не представлял, обычный мажор, сынка богатенького папы. Забей ты на него, я тебе говорю! Он тебя не стоит, на таких охотятся нищие крестьянки, мечтающие выползти из грязи в князи. Вокруг него постоянно вились какие-то тощие модельные чувихи в дешманских шмотках! – Было ясно, что любящую подругу не особо интересовало, что ее собеседница вот уже добрых пять минут молчит, не имея возможности вставить слово. Она была целиком увлечена самим процессом разговора. – Да и внешне там ничего особенного, я тебе говорю! Это точно, потому что я даже не помню, как он выглядит! Где ты его нашла? В Нью-Йорке или в Эл-Эй? Ты давно из Штатов? Как там сейчас погода? Я собираюсь слетать в Голливуд на следующей неделе! Там намечается отпадная туса, я знакома с организаторами. Ты не поверишь, кто там будет специально приглашенным гостем! Слушай...

Этот увлекательный разговор удалось прекратить только через четверть часа. Полученные сведения мало что давали. С одной стороны, эта информация могла косвенно подтвердить слова Гуру, с другой – это могло быть просто совпадением. Мало, что ли, богатых детей прожигает жизнь? А где деньги, там и модели. Да и сестра Гуру была никак не единственная модель на всю Америку. В общем, вопросов меньше не стало. Алена уже начала принимать это как неизбежную необходимость. Звонок мобильного прервал ее размышления. Звонили на приватный номер, и определитель вновь оказался бесполезен.

– Алло? – ответила она.

– Мисс Алена, здравствуйте! – Мужской голос говорил по-английски с заметным акцентом. – Мое имя Свами Венката, один наш общий друг любезно сообщил мне ваш номер. Я буду ждать вас в аэропорту Дели-2 в воскресенье. Спасибо, что вы хотите нам помочь.

– Как я вас узнаю? – спросила было Алена, но в трубке уже раздавались гудки.

Да, к конспирации они относятся серьезно, ничего не скажешь. Алена вздохнула и набрала номер отца.

– Папа? Привет, извини за поздний звонок. В воскресенье мне надо быть в Дели.

Шестичасовой перелет в салоне первого класса прошел практически незаметно. Рейс вылетал вечером, и всю дорогу Алена проспала. Самолет стал заходить на посадку, и стюардесса вежливо разбудила ее, попросив привести спинку кресла в вертикальное положение. Алена нехотя разлепила веки и посмотрела на часы. Шесть утра по Москве, не удивительно, что не хочется просыпаться.

Самолет приземлился, и практически сразу к салону первого класса подали трап. Стюардессы, сияя улыбками, поблагодарили ее за полет, предложив для следующего своего путешествия вновь выбрать их авиакомпанию, и Алена шагнула на ступеньки трапа. Вокруг стояла теплая индийская ночь, заполненная звуками аэродрома. В воздухе витал немыслимый букет запахов, собранный из тропических ароматов вперемешку с авиационным топливом и выхлопными газами. Откуда-то налетел свежий ветерок, обдувая лицо, и Алена окончательно проснулась. Она осмотрелась и бросила взгляд на небо. После пасмурной и холодной Москвы даже ночной аэропорт Дели выглядел местом немного сказочным и не совсем реальным. С температурой в двадцать четыре градуса тепла и иссиня-черным, усыпанным звездами небесным сводом, теряющимся в ярких огнях недалекого аэровокзала.

В аэропорту, несмотря на глубокую ночь, было многолюдно, многомиллионный город ежечасно принимал и провожал тысячи людей. К удивлению Алены, ее никто не встречал. Она несколько раз прошла мимо встречающих, внимательно разглядывая надписи на табличках в их руках. Возможно, Свами Венката написал ее имя неправильно, и она не обратила внимания на такую надпись... Но вскоре стало ясно, что здесь ее персоной не интересуется никто, кроме таксистов.

Хорошенькое начало, подумала Алена. Немного поразмыслив, она решила ехать в отель и ждать звонка. В конце концов, господин Свами Венката мог опоздать или перепутать рейсы. Или еще что. Позвонить было некому, а дальше слоняться по аэровокзалу не имело смысла. Она вышла на улицу, подошла к стоящим такси и сразу же оказалась завалена предложениями ехать по «лучшей в Дели» цене.

– Мисс Алена? – Как-то незаметно около нее материализовался крепкий индус средних лет. – С прибытием. Я – Венката. Пойдемте, я отвезу вас в отель. Нам лучше поменьше находиться на открытом месте, нас могут заметить. У вас есть багаж?

– Только это, – она кивнула на небольшую дорожную сумку, – мы можем ехать прямо сейчас, меня ничто не задерживает.

– Отлично. Прошу вас, следуйте за мной. – Он взял у нее сумку и быстрым шагом направился в сторону множества припаркованных такси.

Они подошли к одному из них, и Венката, усадив Алену внутрь, сел за руль.

– Вы – таксист? – поинтересовалась Алена.

– Нет, это маскировка, – покачал головой Венката, – хороший способ встретить вас в аэропорту, не привлекая внимания. Теперь я безработный, а когда-то раньше был полицейским. В каком отеле вы остановитесь?

– У меня забронирован президентский люкс в отеле «Оберой», – ответила она. – Мы можем поговорить, пока едем?

– Да, конечно! – Он решительно тряхнул головой. – Мне надо многое вам рассказать.

– Вы не будете против? – Алена достала диктофон.

– Не буду. Записывайте, разговор будет долгим, – ответил Венката.

Алена включила диктофон:

– Итак, Гуру упоминал, что у вас есть важные документы, позволяющие пролить свет на махинации группы людей, именующих себя «Выживание». И вы намерены передать их нам для публикации в открытой печати. Это так?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.